

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2025. Т. 47, № 6

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2542-1077 (Print)
ISSN 1994-5973 (Online)

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

2025. Т. 47, № 6

Главный редактор

Е. С. Сениявская, доктор исторических наук, профессор
Институт российской истории РАН
(Москва, Российская Федерация)

Зам. главного редактора

А. В. Пигин, доктор филологических наук, профессор
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)
Карельский научный центр РАН
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Ответственный секретарь журнала

Н. В. Ровенко, кандидат филологических наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

Адрес редакции журнала
185910, Республика Карелия,
г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33.
Тел. (8142) 76-97-11
E-mail: uchzap@mail.ru

uchzap.petrstu.ru

Редакционный совет

Е. В. АНИСИМОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский институт истории РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. Н. БАРЫШНИКОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Ю. А. ВАСИЛЬЕВ

д. и. н., профессор, Московский гуманитарный университет (Москва, Россия)

М. А. ВИТУХОВСКАЯ

д. философии, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

В. Н. ЗАХАРОВ

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет; Почетный президент Международного общества Достоевского (IDS) (Москва, Россия)

С. Т. ЗОЛЯН

д. ф. н., профессор, Национальная академия наук Армении (Ереван, Армения)

Ю. ИНОУЭ

к. ф. н., профессор, Университет Дзэти (Токио, Япония)

И. И. МУЛЛОНЕН

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

С. А. МЫЗНИКОВ

д. ф. н., профессор, чл.-корр. РАН, Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург, Россия)

В. А. ПЛУНГЯН

д. ф. н., профессор, академик РАН, Институт русского языка имени В. В. Виноградова (Москва, Россия)

К. СКВАРСКА

д. философии, Славянский институт Академии наук Чешской Республики (Прага, Чехия)

Н. А. ФАТЕЕВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

М. А. ЧЕРНЯК

д. ф. н., профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционная коллегия

А. В. АНТОЩЕНКО

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

М. А. БОБУНОВА

д. ф. н., профессор, Курский государственный университет (Курск, Россия)

С. Г. ВЕРИГИН

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

В. И. ГОЛДИН

д. и. н., профессор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия)

Т. А. ГРИДИНА

д. ф. н., профессор, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия)

Р. ГРЮНТХАЛЬ

д. философии, профессор, Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

Н. В. ДРАННИКОВА

д. ф. н., профессор, Европейский университет в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия)

П. М. ЗАЙКОВ

д. ф. н., профессор, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

С. Г. КАЩЕНКО

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Д. В. КОБЛЕНКОВА

д. ф. н., профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова (Москва, Россия)

С. И. КОЧКУРКИНА

д. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

А. Ф. КРИВОНОЖЕНКО

к. и. н., Карельский научный центр РАН (Петрозаводск, Россия)

Ю. В. КРИВОШЕЕВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

П. А. КРОТОВ

д. и. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

А. Е. КУНИЛЬСКИЙ

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

Е. И. ЛЕЛИС

д. ф. н., профессор, Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Россия)

О. В. НИКИТИН

д. ф. н., профессор, Государственный университет просвещения (Мытищи, Россия)

Н. В. ПАТРОЕВА

д. ф. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. М. ПАШКОВ

д. и. н., профессор, Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск, Россия)

А. А. ПОПОВ

д. и. н., профессор, Коми научный центр УрО РАН (Сыктывкар, Россия)

И. А. РАЗУМОВА

д. и. н., профессор, Кольский научный центр РАН (Апатиты, Россия)

М. Ф. РУМЯНЦЕВА

к. и. н., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

В. И. СУПРУН

д. ф. н., профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)

Л. Л. ШЕСТАКОВА

д. ф. н., Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН (Москва, Россия)

Ю. Г. ШИКАЛОВ

д. философии, Университет Восточной Финляндии (Йоэнсуу, Финляндия)

Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation

PROCEEDINGS OF PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY

2025. Vol. 47, No 6

Editor-in-Chief

Elena S. Senyavskaya, Doctor of Sciences in History, Professor
Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)

Deputy Editor-in-Chief

Alexander V. Pigin, Doctor of Sciences in Philology, Professor
Institute of Russian Literature (Pushkin House), Russian Academy of Sciences
(Saint Petersburg, Russia)
Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russia)

Executive Secretary

Nadezhda V. Rovenko, Candidate of Sciences in Philology
Petrozavodsk State University
(Petrozavodsk, Russia)

Editorial office address

Petrozavodsk State University
33 Lenin Ave., Petrozavodsk,
185910, Russian Federation
+7 (8142) 769711
E-mail: uchzap@mail.ru

Website: uchzap.petsu.ru

© Petrozavodsk State University, 2025

Editorial Board

- E. ANISIMOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg Institute of History of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. BARISHNIKOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- YU. VASIL'EV**
Doctor of History, Professor, Moscow University for the Humanities (Moscow, Russia)
- M. VITUKHNOVSKAYA**
Doctor of Philosophy, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- V. ZAKHAROV**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University, President of the International Dostoevsky Society (Moscow, Russia)
- S. ZOLYAN**
Doctor of Philology, Professor, National Academy of Sciences of Armenia (Erevan, Armenia)
- Y. INOUE**
PhD in Philology, Jochi University (Tokyo, Japan)
- I. MULLONEN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- S. MIZNIKOV**
Doctor of Philology, Professor, RAS Corresponding Member, Institute of Linguistic Studies of RAS (St. Petersburg, Russia)
- V. PLUNGIAN**
Doctor of Philology, Professor, RAS Academician, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- K. SKWARSKA**
Doctor of Philosophy, Slavonic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (Prague, Czech Republic)
- N. FATEEVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- M. CHERNYAK**
Doctor of Philology, Professor, Herzen State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Editorial Council

- A. ANTOSHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- M. BOBUNOVA**
Doctor of Philology, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia)
- S. VERIGIN**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- V. GOLDIN**
Doctor of History, Professor, Northern (Arctic) Federal University named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
- T. GRIDINA**
Doctor of Philology, Professor, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia)
- R. GRYÜNTAL**
Doctor of Philosophy, Professor, University of Helsinki (Helsinki, Finland)
- N. DRANNIKOVA**
Doctor of Philology, Professor, European University at St. Petersburg (St. Petersburg, Russia)
- P. ZAYKOV**
Doctor of Philology, Professor, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)
- S. KASHCHENKO**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- D. KOBLENKOVA**
Doctor of Philology, Professor, Russian State University of Cinematography named after S. Gerasimov (Moscow, Russia)
- S. KOCHKURKINA**
Doctor of History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- A. KRIVONozHENKO**
PhD in History, Karelian Research Centre of RAS (Petrozavodsk, Russia)
- YU. KRIVOSHEEV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- P. KROTOV**
Doctor of History, Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia)
- A. KUNIL'SKIY**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- E. LELIS**
Doctor of Philology, Professor, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (St. Petersburg, Russia)
- O. NIKITIN**
Doctor of Philology, Professor, Federal State University of Education (Mytishchi, Russia)
- N. PATROEVA**
Doctor of Philology, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. PASHKOV**
Doctor of History, Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russia)
- A. POPOV**
Doctor of History, Professor, Komi Science Centre of the Ural Branch of RAS (Syktyvkar, Russia)
- I. RAZUMOVA**
Doctor of History, Professor, Kola Science Centre of RAS (Apatity, Russia)
- M. RUMYANTSEVA**
PhD in History, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow, Russia)
- V. SUPRUN**
Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)
- L. SHESTAKOVA**
Doctor of Philology, V. V. Vinogradov Russian Language Institute of RAS (Moscow, Russia)
- YU. SHIKALOV**
Doctor of Philosophy, University of Eastern Finland (Joensuu, Finland)

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции	7	Дубровская Е. Ю.	
ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ		Верность науке и общественное служение: к 100-летию со дня рождения Марии Николаевны Власовой	65
Савицкий И. В.		Кожеевникова Ю. Н.	
Предпосылки Крымской весны в российской историографии и публицистике	8	Антиминсы из приходских церквей Кольского благочиния Архангельской епархии в начале XIX века.	77
Смирнова Н. В.		Морохин А. В.	
Н. А. Самойлов о формировании образа Петра Великого в Китае как символа перемен	17	О пребывании лейб-медика Петра I Р. К. Арески- на в Карелии	85
ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ		Малинин А. Н.	
Безруков Д. А.		Благотворительная деятельность кооперативов в годы Первой мировой войны (по материалам Костромской и Ярославской губерний)	90
Отражение официального визита М. С. Горбаче- ва в Китай в мае 1989 года в газете «Жэньминь жибао»	23	Нестерова И. С.	
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ		Коробейная торговля на территории Финляндии: к историографии вопроса.	96
Дианова Е. В.		ЭТНОЛОГИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ И ЭТНОГРАФИЯ	
Сельскохозяйственные ученические дружины на Европейском Севере в 1915–1916 годах.	30	Разумова И. А.	
Ефимова В. В.		Евгения Яковлевна Пация как полевой исследо- ватель и автор этнографических текстов	105
О неизвестном «герое» борьбы со старообряд- чеством в Олонецкой губернии при губернаторе В. Н. Муравьеве	43	Малашевская М. Н.	
Калинина Е. А.		Три типа харизматического лидерства в япон- ской политической культуре	112
Преподавание гимнастики и «военного строя» в учебных заведениях Олонецкой губернии: исто- рический аспект	50	Рецензии	
Пашков А. М.		Умнов В. П.	
О попытке установить памятник Петру I в Пе- трозаводске в 1850 году	58	Рец. на кн.: Калинина Е. А. Очерки истории ка- рельского спорта в 1918–1945 годах.	122
		Contents	124

Научный журнал «Ученые записки Петрозаводского государственного университета» является продолжением журнала 1947–1975 гг.

Журнал перерегистрирован в Перечне рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, по научным отраслям «Исторические науки» (с 20.12.2022 года) и «Филологические науки» (с 21.02.2023 года)

Журнал включен в Европейский индекс цитирования по гуманитарным наукам ERIH PLUS

Журнал включен в единый реестр научных изданий и публикаций стран Северной Европы «The Nordic List» с 2020 года

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) с 2008 года

Журнал индексируется поисковой системой Google Scholar

Сведения о журнале публикуются в электронной базе данных Central and Eastern European Online Library (C.E.E.O.L.)

Сведения о журнале публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям «Ulrich's Periodicals Directory»

Сведения о журнале и его архиве передаются в открытую научную электронную библиотеку «CYBERLENINKA» и размещаются по адресу: cyberleninka.ru

**Требования к оформлению статей см.:
<http://uchzap.petrso.ru/req.php>**

Перепечатка материалов без разрешения редакции запрещена

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Петрозаводский государственный университет»

Редактор С. Л. Смирнова. Корректор И. Н. Дьячкова. Переводчик А. В. Ананьина. Верстка Е. В. Лавреновой

Дата выхода в свет 30.09.2025. Формат 60х90 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
10 уч.-изд. л. Тираж 500 экз. (1-й завод – 45 экз.). Изд. № 81

16+

Индекс 66094. Цена свободная.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-69487

от 25 апреля 2017 г. выд. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций

Отпечатано в типографии Издательства Петрозаводского государственного университета

Адрес редакции, издателя и типографии:

185910, Республика Карелия,

г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

**ЧЛЕН РЕДАКЦИОННОЙ
КОЛЛЕГИИ ЖУРНАЛА**

доктор исторических наук,
профессор
Петрозаводский
государственный
университет
С. Г. Веригин

Sergei G. Verigin,
Editorial Council Member,
Dr. Sc. (History), Professor,
Petrozavodsk State University

**ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ И АВТОРЫ
НАШЕГО ЖУРНАЛА!**

Хочу поздравить всех со знаменательным событием – наш журнал вошел в «Белый список», ему присвоен 2-й уровень! Это решение подтверждает высокий научный потенциал издания, его востребованность в среде ученых и специалистов и популярность у научной и творческой общественности.

Основу настоящего номера составили статьи, написанные преподавателями Петрозаводского государственного университета. В рубрике «Отечественная история» большинство статей посвящено различным аспектам истории Олонецкой и Архангельской губерний. Е. А. Калинина исследует слабо разработанный в историографии вопрос о преподавании гимнастики и «военного строя» в учебных заведениях Олонецкой губернии в XIX – начале XX века. В. В. Ефимова в своей публикации рассказывает о борьбе со старообрядчеством в Олонецкой губернии в середине XIX века. А. М. Пашков рассматривает неудачную попытку установить памятник Петру I в Петрозаводске в 1850 году. Автор объясняет читателям, почему губернатору Н. Э. Писареву не удалось осуществить столь амбициозный проект. Е. В. Дианова описывает формирование сельскохозяйственных ученических дружин на Европейском Севере на примере Архангельской и Вологодской губерний в годы Первой мировой войны. В статье И. С. Нестеровой дается обзор отечественной и зарубежной историографии по теме разносной (коробейной) торговли, которая шла между населением приграничных волостей Беломорской Карелии (входившей в состав Архангельской губернии) и жителями Северной Финляндии. Рубрика «Историография, источниковедение, методы исторического исследования» представлена статьями И. В. Савицкого, который освещает предпосылки Крымской войны в российской историографии и публицистике, и Н. В. Смирновой, анализирующей ряд научных статей выдающегося профессора Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета Н. А. Самойлова о формировании образа Петра I в Китае как символа успешного проведения реформ. В рубрике «Рецензии» В. П. Умновым дан отзыв на книгу Е. А. Калининой «Очерки истории карельского спорта в 1918–1945 годах».

Внимание читателей привлекут и другие статьи авторов из разных регионов Российской Федерации.

ИВАН ВЛАДИМИРОВИЧ САВИЦКИЙ

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

sawiz@onego.ru

ПРЕДПОСЫЛКИ КРЫМСКОЙ ВЕСНЫ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И ПУБЛИЦИСТИКЕ

А н н о т а ц и я . Анализируется построение российскими исследователями сюжетно-хронологического ряда, призванного продемонстрировать причинность и завершенность перехода Крымского полуострова в состав Российской Федерации в 2014 году. Фиксируется изменение представлений историков, политологов и публицистов о хронологической широте событий, предшествовавших Крымской весне, выделяется несколько сюжетных линий (российско-украинские отношения в политико-административной и военной сферах, развитие пророссийских движений на полуострове) и анализируются различия подходов исследователей к конструированию системы предпосылок возвращения Крыма в состав России. Учитывая презентистский характер данного этапа развития исторического знания о Крымской весне, формулируется векторный подход – анализ причинно-следственного событийного ряда, выстраиваемого авторами применительно к уже известному конечному событию. В этом методе выделяются принципы эригенции (включение в сюжетную линию посторонних событий с искусственным выпрямлением, направлением их хода в нужную сторону) и обратной эригенции (исключение ключевых событий из сюжетной линии), искажающие объективное представление о предпосылках анализируемых событий. Исследование показывает, что эмоциональный фон после событий 2014 года привел отечественных историков, политологов и публицистов к необоснованному расширению списка событий – «предшественников» Крымской весны и постепенному его сокращению со временем, уменьшая небрежности применения компаративного анализа. При этом межгосударственные (включая военные) отношения в историографии изучены полнее, нежели другие сюжетные линии (например, социальная). Эти линии отличаются между собой не только количеством работ, но и концентрацией событий на определенных отрезках сюжетно-хронологической оси, что ярче всего заметно за период 2003–2013 годов.

Ключевые слова: Крымская весна, российская историография, презентизм, сюжетно-линейное построение, векторный подход, эригенция

Для цитирования: Савицкий И. В. Предпосылки Крымской весны в российской историографии и публицистике // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 6. С. 8–16. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1210

ВВЕДЕНИЕ

После событий февраля – марта 2014 года в российской печати было предпринято много попыток обосновать правомерность и логичность перехода Крымского полуострова в состав России. Усложнение международной обстановки (включая блокаду Крыма), давление экономических санкций обусловили снижение жизненного уровня россиян и требовали четкого обоснования правильности проводимой политики. Данные обоснования должны были показать несиюминутность принятых реше-

ний, раскрыть историческую закономерность свершившегося процесса и отразить интересы не только пророссийской части населения Крыма, но и всех россиян, изначально полагавших, что «Крым – наш».

В этой связи научный интерес представляет принцип подбора исторических событий, обосновывающих справедливость концепта «возвращение в родную гавань». На сегодняшний момент мы имеем дело с разной степени профессиональным формированием исторического сознания силами как самих историков,

так и представителей других научных специальностей (политологов и юристов). Успех этого дела зависит не только от частоты повторений одних и тех же фраз под разными фамилиями, но и логической непротиворечивости, актуальности приводимой информации и ее научной обоснованности.

Российскими авторами довольно быстро был составлен хронологический ряд событий, позволяющих проследить традиционные связи Крыма с Россией (Российской империей, СССР) и придающих событиям 2014 года масштабное ретроспективное значение. Результатом изучения (или простого описания) в таких исследованиях является линейный график (по Ю. М. Лотману – сюжетно-линейное построение [10: 341], в математике – числовая ось) с расположенными на нем датами основных событий, образующими последовательные отрезки различной длины. Их сокращение к концу линии кажется аксиомой, обусловленной большей актуальностью, очевидностью (но не всегда изученностью) значения ближних событий для современности. С одной стороны, сюжетно-линейное построение основано на обычном историко-генетическом подходе, являющемся основой едва ли не всех исторических исследований. С другой стороны, благодаря формализации изложения авторы линейных конструкторов не всегда обосновывают включение конкретных событий в канву своего повествования. Проблема, таким образом, состоит в том, чтобы определить, какие именно события откладываются на линейке исторической памяти или навязываются ей конкретными исследователями и политиками, а что попадает в «область исключенного».

Цель данной публикации – анализ представлений российских авторов о логической связи между событиями последних столетий, обусловившими принятие Республики Крым и города-героя Севастополь в состав Российской Федерации в 2014 году. Необходимо выявить те критерии, которыми отечественные историки, юристы и политологи руководствуются при формировании модели Крымской весны и подборе предпосылок для ее успешного осуществления. Соответственно хронологическими рамками историографического исследования являются 2014–2024 годы, наполненные публикациями о Крымской весне. Между тем приближение важного события часто сопровождается различными формирующимися задолго до него восприятиями, поэтому указанные рамки будут проверяться автором на прочность.

Источниковую базу подобного исследования могут составлять лишь публикации, специально посвященные Крымской весне и потому имеющие своеобразный вектор, ориентированный на данное событие. Расположенные на одной сюжетной линии, выделяемые события являются смысловыми доминантами, стремящимися к общему концепту «родная гавань». Отсюда и предлагаемый *векторный подход* в историографическом исследовании, анализирующий работу историков с факторами, приведшими к уже известному, центральному событию. Иными словами, авторы анализируемых публикаций в своей логике исходят из итогов изучаемого процесса (в том числе предварительных), не подозревая о его альтернативности и факторах случайности. Подобный презентизм может трактоваться как профессиональная ошибка историков, однако это не мешает делать ее объектом изучения. С позиций «как было на самом деле» векторный подход анализирует прежде всего причинные связи объекта исследования в той реальности, которая создавалась авторами анализируемых произведений. В своей основе он реализует презентистскую установку на структурирование исторических событий путем выстраивания их в событийный ряд, ориентированный на ситуацию современности. Такой подход изначально представляется нехарактерным, например, для обобщающих работ по истории Крыма, так как они призваны относительно равномерно осветить глобальный хронологический период (как правило, с постепенным замедлением и конкретизацией при приближении к современности). Однако игнорировать влияние современности на историка бессмысленно, поэтому искомый материал может оказаться в любых работах, опубликованных с 2014 года. С этой целью мы расширяем источниковую базу до публицистических работ, позволяющих анализировать отношение к теме не только со стороны профессиональной историографии, но и более значительной сферы исторического знания.

Казалось бы, актуальность подобной работы неочевидна: с точки зрения классического подхода приводимые публикации последних десяти лет проникнуты духом событий 2014 года, победным пафосом и в условиях ограниченной источниковой базы не могут претендовать на полноту исследования. Однако, аргументируя право России на очередное принятие Крыма в свой состав, анализируемые авторы (особенно публицистической направленности) формируют общественное отношение к событиям новейшего

времени, выстраивают аксиологическую модель, сквозь которую не только оцениваются действия всех участников (акторов) Крымской весны, но и осуществляется отбор наиболее важных событий российской истории. Это является существенной частью политики исторической памяти на современном этапе.

* * *

Одной из первых крупных публикаций, посвященных Крымской весне, стала книга доктора юридических наук С. Н. Бабурина [2]. Основная часть издания представляет собой хрестоматию по истории российско-крымских отношений, сформированную на основе юридических актов. В сопроводительной статье автор раскритиковал правовой нигилизм 1954 года и сравнил «реализм настоящего» с «идеализмом прошедшей эпохи». Не останавливаясь на анализе представлений известного политика о реализме и идеализме, проанализируем предложенную им модель предшествовавших Крымской весне сюжетов.

Сформированная С. Н. Бабуриным путем подборки документов последовательность событий довольно подробна и включает в себя Переяславскую раду 1654 года, манифест Екатерины II 1783 года, Ясский договор 1791 года, петлюровский универсал Центральной рады 1917 года (не включивший Крым в состав Украинской Народной Республики), постановление ВЦИК и СНК РСФСР 1921 года о создании Автономной Крымской ССР, постановление Совмина СССР 1948 года о присвоении Севастополю статуса города республиканского подчинения, комплекс документов 1954 года о передаче Крымской области из РСФСР в состав Украинской ССР, документы Верховного Совета РСФСР и Государственной думы РФ 1992–1996 годов о признании Севастополя российским, договор 1997 года (признавший всю территорию Крымского полуострова за Украиной), а также документы 2014 года о принятии Республики Крым и города федерального значения Севастополя в состав Российской Федерации. Последние документы были опубликованы в начале книги и определили векторную линию сюжета.

Даже при беглом взгляде на предложенную последовательность возникают вопросы о логике подбора документов, из которой выбивается речь Богдана Хмельницкого в Переяславе. В 1654 году Крым не только не был частью Запорожской Сечи, но являлся одним из ее врагов, о чем не забыл упомянуть сам гетман [2: 115]. Для историка очевидно, что никакой связи между Переяславской радой и Крымской

весной нет ни в географическом, ни в этнографическом или политическом отношениях. Переяславская рада нужна была автору для примера местной инициативы о присоединении к Российскому государству. Не найдя ее в средневековом Крыму, С. Н. Бабурин переместил вектор далее по территории будущей Украины, руководствуясь административно-территориальными реалиями второй половины XX века. Без этой ментальной «матрицы» 1954–2014 годов объединить между собой историю татарского Крыма XVII–XVIII веков и воевавшей с ним казачьей вольницы практически невозможно.

Таким образом, был получен конструкт, включающий похожее, но чужое звено в единую линию. Иными словами, перед нами искусственное выпрямление логики событий. Подобное явление в историографии предлагается назвать эригенцией (от лат. *erigens* – выпрямление). Эригенция заключается во включении в сюжетную линию (под влиянием общественно-политических или личных мотивов) посторонних событий и искусственном логическом выпрямлении сюжетной оси. Результатом подобного явления становится имитация единого процесса на основе произвольно подобранных фактов (подлинность которых может не вызывать сомнений) с неминуемой дальнейшей фальсификацией результата исследования.

Данное явление в исторических (и не только) трудах представляется весьма распространенным. Справедливости ради необходимо отметить, что сам С. Н. Бабурин не выдвигал никакого тезиса о преемственности событий 1654 и 2014 годов, предоставив читателю сделать такой вывод самостоятельно. Более того, его замысел мог содержать несколько сюжетных линий, соединившихся лишь после распада СССР. Вторая, «украинская» линия как раз могла быть представлена документами 1654 и 1917 годов, однако для полноты восприятия их недостаточно.

Позиция С. Н. Бабурина, сформировавшаяся еще в 1990-х годах, после событий 2014 года быстро нашла последователей. Так, учитель истории и обществознания одной из школ Старого Оскола Н. А. Кокшаров поддержал его точку зрения о том, что «Украина в период 1954–2014 гг. осуществляла лишь административное управление» Крымом. Так как юридически значимые документы, включавшие Крым в состав Украины, якобы отсутствуют, то и суверенитет России над Крымом сохранялся [6: 20]. Известный военный публицист А. Б. Широкоград пошел еще дальше и высказал тезис о «двадцатитрехлетней

оккупации Крыма» Украиной [19: 223], навеянный быстро укреплявшимся концептом «третья оборона Севастополя». Радикальность подобных тезисов обусловлена игнорированием некоторых событий того же сюжетного ряда, например российско-украинского договора 1997 года. Это рождает подкупающе прямой конструкт, созданный не с помощью включения в логическую цепь посторонних сюжетов, а, наоборот, исключением из него существенных звеньев. Такое явление предлагается характеризовать как *обратную эригенцию*, также приводящую исследователя к искаженным результатам.

Недооценка договора 1997 года является отнюдь не единичным явлением в российской историографии и характерна даже для обобщающих работ. Так, в опубликованной в 2015 году коллективной монографии «История Крыма» под эгидой Российского военно-исторического общества текст договора не упоминается – как и в книге С. Н. Бабурина, поверхностное внимание уделено лишь соглашениям от 28 мая 1997 года о Черноморском военном флоте (вполне очевидно, что договор о российско-украинской границе от 28 января 2003 года игнорируется вовсе) [5: 450]. Между тем известный историк права В. А. Томсинов указал на принципиальное значение третьей статьи договора 1997 года, предусматривавшей «право народов свободно распоряжаться своей судьбой» и, соответственно, подготовившей почву для референдума 2014 года [18: 128]. Став одним из немногих авторов, внимательно изучивших источник, В. А. Томсинов создал собственную оригинальную презентистскую концепцию о правомерности крымской сепарации с последующим включением полуострова в состав России, которая не была услышана ни политиками, ни другими историками.

Любопытно критическое отношение к договору 1997 года одного из оппонентов В. А. Томсинова – его коллеги по МГУ П. П. Кремнева. Отмечая нарушения в порядке ратификации договора как российской, так и украинской стороной, П. П. Кремнев в своей публикации 2004 года указал на возможность выполнения условий договора лишь до тех пор, пока одна из сторон не оспорила бы его действительность. С этих позиций значение договора о российско-украинской границе 2003 года оценивалось автором гораздо выше «храмашающего на обе ноги» документа 1997 года [7: 212–213]¹. Данная позиция была подтверждена П. П. Кремневым в 2015 году в рецензии на статью В. А. Томсинова [8: 144]. Ука-

занные работы акцентируют самостоятельное значение договора 2003 года, практически игнорируемого другими авторами.

Со временем событийный ряд в отношениях между Крымом, Украиной и Россией продолжал уточняться и был более подробно разобран в коллективной монографии, созданной на основе кандидатской диссертации Д. М. Майборода. Здесь и постановление Верховного Совета Крыма от 23 ноября 1994 года о денонсации Беловежских соглашений, и его борьба за сохранение крымской автономии в 1996 году, и признание российским Советом Федерации города Севастополя частью территории России в декабре 1996 года; даже проукраинская конституция Крыма 1998 года была поставлена в контекст ответного усиления оппозиционных настроений среди жителей полуострова. Эти же авторы напомнили об остром конфликте по поводу принадлежности о. Тузла в Керченском проливе, вылившемся в переброску на остров украинских пограничников и ввод в пролив украинских артиллерийских катеров [9: 115–124, 209, 213–214]. Таким образом, внешняя юридическая победа Киева не поставила точку в решении крымской проблемы.

Данная монография подготовила почву для дальнейшего сужения хронологического пространства предпосылок Крымской весны и показала необязательность обоснования пророссийской идентичности Крыма в дореволюционный период. Тем не менее глубокое ретроспективное обоснование уже вошло в традицию. Так, известный краснодарский историк и политолог А. В. Баранов в 2023 году провел сюжетный ряд от 1783 года с осторожным упоминанием результатов Кючук-Кайнарджийского мира 1774 года [3: 15–16]. Ни один исследователь формально не стремился проводить сравнительный анализ событий XVIII–XXI веков, однако, включая исторические события в одно сюжетное повествование, подчиняя их единому вектору, авторы делают их сопоставимыми величинами. Вполне естественно, что приведение к общему знаменателю, например, событий 1774 и 2014 годов делает Крым прежде всего военным трофеем, чего и стремился избежать А. В. Баранов. Севастопольский историк С. Л. Данильченко ограничился хронологическими рамками 1918–1991 годов, по сути предложив краткий курс истории полуострова [4]². Несмотря на то что автор не объяснил, каким образом многие указанные им события повлияли на пророссийскую идентичность Крыма, его позиция близка к мнению зарубеж-

ных исследователей, признающих Крым российским. Так, сербские политологи начинают событийный ряд с объявления Севастополя городом республиканского подчинения (РСФСР) в 1948 году [14: 38]. Вынесение ими сравнительного (компаративного) анализа в заголовок работы звучит как призыв к чистоте используемого метода и предостережение российским авторам от необоснованного отнесения к предпосылкам Крымской весны событий дореволюционной истории.

Дальнейший после 2003 года десятилетний период не был отмечен значимыми событиями в российско-украинских отношениях. Первый зарубежный визит президента Украины В. А. Ющенко в Москву 9 мая 2005 года остался недооцененным с российской стороны, подписанные 21 апреля 2010 года «харьковские» соглашения либо продолжали предыдущие, либо остались на бумаге. Публицисты идут еще дальше и отмечают ряд кадровых ошибок российского руководства³. Это придает событийному ряду дискретность, обрывая его перед самой кульминацией и показывая, что данная сюжетная линия вряд ли является единственной.

Действительно, с точки зрения развития пророссийских движений на полуострове данный период отнюдь не был «затишьем перед бурей». В том же 2003 году для реализации их политической и финансовой поддержки был создан Московский дом соотечественника, примеру которого последовали в Санкт-Петербурге и других городах [9: 151]. Особое значение приобрел севастопольский «антимайдан» 2004–2005 годов [1]. В августе 2005 года были образованы Народный фронт «Севастополь – Крым – Россия» под руководством В. В. Подъячего (осужденного в 2011 году «за посягательство на территориальную целостность и неприкосновенность Украины») и молодежная организация «Прорыв», попытавшаяся в январе следующего года физически «отсоединить» Крым от Украины, прорыв ров на узком участке перешейка Чонгар. Активно проявляло себя казачье движение, внешне специализируясь на охране историко-культурного наследия. В значительной степени под влиянием очередного проекта Концепции государственной этнонациональной политики Украины (2008) в 2009 году было создано общественно-политическое движение «Русское единство», в следующем году переросшее в политическую партию. Наконец, в 2012 году произошло объединение деятельности крупных пророссийских организаций, презентовавших себя как «Федерация рус-

ских организаций Украины». Большинство этих сюжетов вошли в защищенную в 2018 году кандидатскую диссертацию севастопольского историка И. В. Островской и выделены ею в четвертый этап формирования русского и пророссийского движений на полуострове [13: 100, 120, 140–142, 157]; см. также [9: 148–149].

С одной стороны, включение в событийный ряд фактов, отбираемых по другому принципу, логически нарушает эффект эригенции. Однако событийный ряд вовсе не должен состоять из одной «единственно правильной линии». Нужно понимать, что без деятельности пророссийских организаций Крымская весна не состоялась бы. Внезапная активность со стороны Москвы, деятельность «вежливых людей» не имели бы смысла без поддержки со стороны местной пророссийской общественности. Недооценка данного фактора во многих современных публикациях помогает зарубежным авторам обосновывать точки зрения об «аннексии» и «оккупации» полуострова.

Для исключения логического противоречия в событийный ряд необходимо добавить даты, предшествующие громким акциям, например образование Крымского казачьего союза (1993), Русских общин Крыма (1993–1994), Севастополя (1995) и др. К сожалению, таким способом все же нельзя провести событийный ряд до Переяславской рады хотя бы потому, что позиция казаков в отношении Москвы после смерти Богдана Хмельницкого была весьма неоднозначной. Тем не менее, если в недалеком будущем историки соединят в единое явление Крымскую весну 2014 года с присоединением Новороссии 2022 года, подход С. Н. Бабурина актуализируется.

И. В. Островская – не единственный крымский историк, акцентирующий значение периода именно 2003–2013 годов. Так, А. Р. Никифоров в специальной статье начал описание предпосылок Крымской весны лишь с 2010 года – избрания В. Ф. Януковича президентом Украины и начала складывания «колониального» типа администрации в Крыму, что и породило недовольство населения и местных элит [11: 81–83]. Л. А. Ожегова, К. Ю. Сикач и А. Ю. Ожегов акцентировали внимание на влиянии цветных революций 2004–2009 годов на настроения крымчан [12]. В коллективной монографии по истории Севастополя авторы готовы рассматривать причины Русской весны лишь «на протяжении нескольких предшествовавших десятилетий» (динамика обострения российско-украинских отношений за этот период в книге приводится,

но она не имеет векторной направленности) [15: 737]. Это показывает, что крымские исследователи не склонны расширять хронологические рамки причинных связей и подходят к объекту изучения более рационально. Перед нами классическое различие между «временем наблюдателя» и «временем наблюдаемого» [16: 91], то есть между точками зрения исследователей «с материка» и непосредственных свидетелей событий на полуострове.

После выхода статьи П. П. Кремнева 2004 года [7] в свете этнополитических проблем возникает вопрос о других возможностях нарушения хронологических рамок источников при векторном подходе. Например, можно ли использовать исследования, опубликованные до 2014 года, авторы которых предвидели дальнейший ход событий? Для историков перспективное прогнозирование означало бы выход за пределы своей профессиональной компетенции, но для политологов оказалось вполне приемлемым. Так, известный симферопольский этнополитолог Т. А. Сениюшкина задолго до Евромайдана предсказала усиление межэтнической напряженности в Крыму и ее зависимость от характера и интенсивности геополитического соперничества [17: 378], то есть от ситуации в Киеве. Приводимый ею до 2007 года событийный ряд свидетельствует о недовольстве крымских татар тогдашней украинской властью, однако ничего не говорит об их стремлении к переходу в российское гражданство. Более того, из-за активных действий проукраински настроенных национальных группировок в феврале 2014 года российская историография почти не прослеживает пророссийскую позицию многих крымских татар, развивая миф об этническом противнике. Поэтому данная попытка выхода за пределы хронологических рамок историографических источников для построения стройного сюжетного ряда пока безрезультатна.

Учитывая популярность сюжетов о «вежливых людях» и значение Крыма как рассредоточенной базы военно-морского флота России, невозможно игнорировать сюжетные построения в данной плоскости. По понятным причинам первенствующее место в этой сфере занимают публицистические работы, в частности А. Б. Широкограда. Не вдаваясь в критику его выводов, в хронологический ряд военных предпосылок Крымской весны следует отнести «Соглашение о статусе и условиях пребывания Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины» от 28 мая 1997 года и продлившие

их «Харьковские соглашения» от 21 апреля 2010 года [19: 202–232]. При этом автор старался предельно точно характеризовать техническое состояние ВМФ РФ. Этот небольшой список спустя несколько лет расширил военный корреспондент В. Н. Баранец, посвятив главу своего «документально-художественного исследования» неподчинению адмирала И. В. Касатонова украинскому руководству в 1992 году⁴, без чего упомянутые соглашения бы не родились. Детали непосредственной подготовки к февральской операции 2014 года в российской историографии не освещались. Более того, при подробном сопоставлении военного и политического аспектов сюжетного ряда на момент 2021 года авторами коллективной монографии был сделан вывод о наличии потенциальных предпосылок для налаживания если не добрососедских, то взаимовыгодных отношений в экономической и других сферах деятельности [9: 232].

ВЫВОДЫ

Таким образом, сюжетно-линейное построение предпосылок принятия Республики Крым и города-героя Севастополь в состав Российской Федерации в российской историографии 2014–2023 годов развернуто на довольно широком хронологическом поле. При этом если первоначально под влиянием победных эмоций событийный ряд был начат с Переяславской рады 1654 года, то впоследствии он был сужен до начала Советского периода. Создается впечатление, что чем подробнее объект изучается в конечной фазе своего развития, тем меньше у исследователей потребности заглядывать далеко в глубь его генезиса. Первыми уловили эту динамику крымские исследователи. Тем не менее традиция обращения к сюжетам XVIII века при описании предпосылок Крымской весны сохранилась, что свидетельствует о все еще эмоциональном восприятии событий 2014 года в российской историографии.

Общей чертой изучения предпосылок Крымской весны является акцентирование негативных последствий передачи Крыма в состав Украинской ССР в 1954 году. При этом историки знают, что значение данного акта особенно велико именно с позиций сегодняшнего дня, так как в момент его осуществления события развивались в рамках одного государства и не были столь заметны.

Сложившаяся историографическая ситуация демонстрирует традиционно мощные позиции историков-«государственников», до хронологической «широты взглядов» которых пока не раз-

вилась никакая другая из продемонстрированных в данной статье сюжетных линий. Несмотря на банальную зависимость полноты и качества их работ от времени публикации исследований, при абсолютизировании роли межгосударственных отношений «государственники» попадают в собственную ловушку, игнорируя кажущиеся неудобными факты (например, договор 2003 года). В «области исключенного» оказались и постановления Верховного Совета РФ о признании Крыма и Севастополя российскими в 1992–1993 годах⁵. Политические события 1991–1993 годов, нередко относимые к ситуации исторической травмы, неохотно упоминаются исследователями, из-за чего создается ощущение, что историки стремятся исключить ситуацию травмы из области истории.

Между тем хронологический ритм представленных сюжетных линий не одинаков. Если у исследователей межгосударственных отношений он затухает к 2003 году, то у исследователей общественных движений – наоборот, активизируется. Это противоречие на сегодняшний день можно объяснить оценкой исследователями Евромайдана (и соответственно спровоцированной им Крымской весны) как негативного результата по-своему активных и плодотворных российско-украинских отношений к 2014 году. Принцип «победителей не судят» в историографии работает так же, как и в других сферах деятельности, и омрачать почти бескровное принятие полуострова в состав России анализом предшествовавших ошибок победителя никому не интересно. Зато на этом фоне развитие

пророссийских движений на полуострове служит предметом гордости и исследователей, и его жителей: оно демонстрирует базис, из которого выросли события 2014 года, и делает ненужными отсылки к истории Крымского ханства.

Безусловно, выстраивание событийных рядов не является исчерпывающим методом при анализе причинных связей изучаемых явлений. Например, каким образом на воображаемой цифровой оси следует отмечать полуостровное положение Крыма или низкий уровень подготовки украинских вооруженных сил, неспособных помешать крымской сецессии? Полноценный анализ причинно-следственных связей возможен лишь при комплексном использовании различных методов.

В конечном итоге выстраивание качественно-событийного ряда будет зависеть от политических реалий и понятийного аппарата Крымской весны. Их варианты будут влиять и на хронологические рамки, и на восприятие событий, приведших к ее осуществлению. При этом влияние векторного подхода как именно презентистского структурирования данного исторического события начнет ослабевать по мере того, насколько непосредственные итоги Крымской весны будут встраиваться в какой-то новый «векторный» проект. Так или иначе можно быть уверенным, что исследователи как по собственной инициативе, так и под влиянием полидисциплинарного подхода (история, политология, юриспруденция, социология, этнология) будут продолжать поиски предпосылок Крымской весны среди событий конца XX – начала XXI века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Несмотря на критику процедур ратификации документа, П. П. Кремнев напомнил о принципе эстоппель, закрепленном в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, в соответствии с которым по прошествии времени государства должны «молчаливо согласиться» с действием соблюдаемого договора.

² Необходимо отметить, что статья С. Л. Данильченко – одна из самых основательных попыток создания сюжетного ряда экономических предпосылок Крымской весны.

³ Баранец В. Н. Спецоперация Крым – 2014. М.: Комсомольская правда, 2019. С. 101–106.

⁴ Там же. С. 41–47.

⁵ Постановления Верховного Совета РФ «О правовой оценке решений высших органов государственной власти РСФСР по изменению статуса Крыма, принятого в 1954 году» от 21 мая 1992 г. и «О статусе города Севастополя» № 5359-1 от 9 июля 1993 г.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А г а н и н А. Р. Севастопольский «антимайдан» 2004–2005 годов как предвестник «Русской весны» 2014 года // Русская весна: 10 лет исторического выбора: Сб. материалов науч.-практ. конф. (город Севастополь, 13–14 марта 2024 года). Уфа: Аэтерна, 2024. С. 10–15.
2. Б а б у р и н С. Н. Крым навеки с Россией. Историко-правовое обоснование воссоединения Республики Крым и города Севастополь с Российской Федерацией. М.: Книжный мир, 2014. 176 с.
3. Б а р а н о в А. В. Интеграция Крыма и Новороссии в состав России: история и современность // Черноморско-средиземноморский регион в системе национальной безопасности России: к 240-летию присоединения Крыма и Кубани к России и 80-летию освобождения Краснодарского края от немецко-фашистских

- захватчиков: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. / Отв. ред. В. В. Касьянов, А. В. Баранов. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2023. С. 15–20.
4. Данильченко С. Л. Крымский полуостров в 1918–1991 годах: исторические предпосылки реинтеграции Крыма и Севастополя в Российскую Федерацию // Научный альманах. 2023. № 10-3 (108). С. 64–94.
 5. История Крыма / Под ред. С. З. Кодзовой. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2015. 464 с.
 6. Кокшаров Н. А. Историко-правовые аспекты воссоединения Крыма и России в 2014 году // Право и проблемы функционирования современного государства: Материалы 12-й междунар. науч.-практ. конф. (Махачкала, 18 января 2015 г.). Махачкала: Апробация, 2015. С. 20–21.
 7. Кремнев П. П. К истории вопроса о государственной принадлежности Крыма // Московский журнал международного права. 2004. № 4. С. 203–213.
 8. Кремнев П. П. Концепция «крымского права» и доктрина международного права применительно к сецессии Крыма из состава Украины // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2015. № 3. С. 143–148.
 9. Крым в новейшей истории российско-украинских отношений / В. Г. Егоров, С. Я. Лавренов, О. А. Зозуля, Д. М. Майборода. СПб.: Алетей, 2021. 364 с.
 10. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2001. 703 с.
 11. Никифоров А. Р. Политические предпосылки и итоги Крымской весны // Парадигмы истории и общественного развития. 2018. № 12. С. 81–90.
 12. Ожегова Л. А., Сикач К. Ю., Ожегов А. Ю. Воссоединение Крыма с Россией: причины и геополитические последствия // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2018. Т. 4 (14). Вып. 3. С. 389–394.
 13. Островская И. В. На разломе: из истории становления и развития русского движения в Крыму и Севастополе (1991 – март 2014 г.). Симферополь: Антиква, 2019. 196 с.
 14. Рашкович-Талович В., Милосавлевич С. Изменения статуса Крыма (1954 и 2014 гг.) как фактор определения военных и геополитических отношений в Причерноморском регионе – взгляд из Сербии (сравнительный анализ) // Черноморско-средиземноморский регион в системе национальной безопасности России: к 240-летию присоединения Крыма и Кубани к России и 80-летию освобождения Краснодарского края от немецко-фашистских захватчиков: Материалы Междунар. науч.-практ. конф. / Отв. ред. В. В. Касьянов, А. В. Баранов. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2023. С. 36–41.
 15. Русская весна 2014 г. в Севастополе / Е. Б. Алтабаева, В. Н. Горелов, С. В. Журавлёв, Б. В. Межуев // История Севастополя: В 3 т. Т. III: Севастополь в советский и постсоветский периоды. 1917–2014 гг. М.: ИстЛит, 2021. С. 737–835.
 16. Савельева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997. 800 с.
 17. Сеньюшкина Т. А. Этнополитическая ситуация в Крыму: анализ, прогноз, тенденции // Вопросы развития Крыма: Науч.-практ. дискуссионно-аналит. сб. Симферополь: Сонат, 2012. Вып. 16. С. 373–379.
 18. Томсинов В. А. «Крымское право», или Юридические основания воссоединения Крыма с Россией. М.: Зерцало-М, 2015. 132 с.
 19. Широкоград А. Б. Крым – 2014. Как это было? М.: Вече, 2016. 352 с.

Поступила в редакцию 13.05.2025; принята к публикации 29.08.2025

Original article

Ivan V. Savitsky, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
sawiz@onego.ru

PRECONDITIONS FOR THE CRIMEAN SPRING IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY AND PUBLICISM

Abstract. This article examines how Russian researchers have been constructing a narrative and a timeline to illustrate the causality and completeness of the Crimean Peninsula's incorporation into the Russian Federation in 2014. It highlights a shift in the perceptions of historians, political scientists, and publicists regarding the temporal scope of events preceding the Crimean Spring, identifies several storylines (e. g., Russian-Ukrainian political, administrative, and military relations or the development of pro-Russian movements in Crimea), and analyzes discrepancies among researchers constructing the system of preconditions for Crimea's rejoining Russia. Arguing that the historical knowledge about the Crimean Spring, in its current state, is strongly influenced by the presentism, the author formulates a vector approach as a method of analyzing causal event sequences constructed by authors so that it is tailored to a particular final event. The formulated method includes the so-called "principle of erigence" (the inclusion of unrelated events into the narrative to artificially straighten it and shift the focus to the desired path) and the "principle of counter-erigence" (the exclusion of key events from the narrative), both of which distort the objective understanding of the preconditions for the analyzed events. This study demonstrates that the emotional aftermath of the 2014 events has led Russian historians, political scientists and publicists to unjustifiably expand the list of events preceding the Crimean Spring.

Over time, this list has been narrowed down again, which has improved the accuracy of comparative research. Interestingly, the interstate relations (including military ones) have received more comprehensive historiographical examination compared to other narrative threads, such as social aspects. These varying threads differ both in the number of publications and in the concentration of events within specific segments of the chronological narrative axis, with this distinction being particularly evident between 2003 and 2013.

Key words: Crimean Spring, Russian historiography, presentism, linear narrative construction, vector approach, erigence

For citation: Savitsky, I. V. Preconditions for the Crimean Spring in Russian historiography and publicism. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(6):8–16. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1210

REFERENCES

1. Aganin, A. R. The Sevastopol “Anti-Maidan” of 2004–2005 as a harbinger of the 2014 “Russian Spring”. *The Russian Spring: 10 years of historical choice: Proceedings of the scientific and practical conference (Sevastopol, 13–14 March 2024)*. Ufa, 2024. P. 10–15. (In Russ.)
2. Baburin, S. N. The Crimea forever with Russia. Historical and legal justification of the reunification of the Republic of Crimea and the city of Sevastopol with the Russian Federation. Moscow, 2014. 176 p. (In Russ.)
3. Baranov, A. V. The integration of Crimea and Novorossia into Russia: history and modernity. *The Black Sea-Mediterranean region in the system of Russia's national security: celebrating the 240th anniversary of the accession of Crimea's and Kuban's incorporation into Russia and the 80th anniversary of the liberation of the Krasnodar Region from Nazi invaders: Proceedings of the international scientific conference*. Krasnodar, 2023. P. 15–20. (In Russ.)
4. Danilchenko, S. L. The Crimean Peninsula in 1918–1991: historical prerequisites for the reintegration of Crimea and Sevastopol into the Russian Federation. *Science Almanac*. 2023;10-3(108):64–94. (In Russ.)
5. The history of the Crimea. (S. Z. Kodzova, Ed.). Moscow, 2015. 464 p. (In Russ.)
6. Koksharov, N. A. Historical and legal aspects of reunification of the Crimea and Russia in 2014. *Law and the issues of functioning of the modern state: Proceedings of the 12th international scientific and practical conference (Makhachkala, 18 January 2015)*. Makhachkala, 2015. P. 20–21. (In Russ.)
7. Kremnev, P. P. Revisiting the issue of the Crimea's statehood. *Moscow Journal of International Law*. 2004;4:203–213. (In Russ.)
8. Kremnev, P. P. The concept of the “Crimean law” and the doctrine of international law in relation to the secession of Crimea from Ukraine. *Moscow State University Bulletin. Series 11: Law*. 2015;3:143–148. (In Russ.)
9. The Crimea in the newest history of Russian-Ukrainian relations. (V. G. Egorov, S. Ya. Lavrenov, O. A. Zozulya, D. M. Maiboroda). St. Petersburg, 2021. 364 p. (In Russ.)
10. Lotman, Yu. M. Semiosfere. St. Peterburg, 2001. 703 p. (In Russ.)
11. Nikiforov, A. R. Polical background and results of the Crimean Spring. *Paradigms of History and Social Development*. 2018;12:81–90. (In Russ.)
12. Ozhegova, L. A., Sikach, K. Yu., Ozhegov, A. Yu. Reunion of Crimea with Russia: causes and geopolitical consequences. *Geopolitics and Ecogeodynamics of Regions*. 2018;4(14-3):389–394. (In Russ.)
13. Ostrovskaya, I. V. On a rift's edge: the history of the formation and development of the Russian movement in the Crimea and Sevastopol (1991 – March 2014). Simferopol, 2019. 196 p. (In Russ.)
14. Rashkovich-Talovich, V., Milosavlevich, S. Changes in the status of the Crimea (1954 and 2014) as a factor in determining military and geopolitical relations in the Black Sea region: Serbia's perspective (a comparative analysis). *The Black Sea-Mediterranean region in the system of Russia's national security: celebrating the 240th anniversary of the accession of Crimea's and Kuban's incorporation into Russia and the 80th anniversary of the liberation of the Krasnodar Region from Nazi invaders: Proceedings of the international scientific conference*. Krasnodar, 2023. P. 36–41. (In Russ.)
15. The Russian Spring of 2014 in Sevastopol. (E. B. Altabayeva, V. N. Gorelov, S. V. Zhuravlev, B. V. Mezhuiev). *The history of Sevastopol: In 3 vols. Vol. III: Sevastopol in the Soviet and post-Soviet periods. 1917–2014*. Moscow, 2021. P. 737–835. (In Russ.)
16. Savelyeva, I. M., Poletaev, A. V. History and time. Searching for the lost. Moscow, 1997. 800 p. (In Russ.)
17. Senyushkina, T. A. Ethno-political situation in the Crimea: analysis, forecast, trends. *Issues of the Crimea's development: Collection of applied research, discussion, and analytical works*. Simferopol, 2012. Issue 16. P. 373–379. (In Russ.)
18. Tomsinov, V. A. The “Crimean law”, or the legal grounds for Crimea's reunification with Russia. Moscow, 2015. 132 p. (In Russ.)
19. Shirokorad, A. B. The Crimea – 2014. How did it all happen? Moscow, 2016. 352 p. (In Russ.)

Received: 13 May 2025; accepted: 29 August 2025

НАТАЛИЯ ВЛАДИМИРОВНА СМЕРНОВА

кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой зарубежной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-5225-8543; burlana@mail.ru

Н. А. САМОЙЛОВ О ФОРМИРОВАНИИ ОБРАЗА ПЕТРА ВЕЛИКОГО В КИТАЕ КАК СИМВОЛА ПЕРЕМЕН

А н н о т а ц и я . Анализируется ряд научных статей профессора Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета Николая Анатольевича Самойлова о формировании образа российского императора Петра I в Китае как символа перемен. Н. А. Самойловым изучена история появления образа российского императора в Китае и выявлены причины использования его образа и проведенных им реформ для идеологического обоснования необходимости перемен в Империи Цин в конце XIX века. Основной задачей является изучение исследований Н. А. Самойловым вклада Петра I в социокультурное взаимодействие России с Китаем, оценок личности императора и его преобразований в сочинениях китайских авторов XIX века с применением историко-сравнительного метода. Ученый приходит к выводу, что в Китае в XVIII веке начал складываться достаточно привлекательный образ российского императора, укрепившего державу и создавшего мощную армию. В то же время преобразования, проводившиеся Петром I в России, стали для китайских реформаторов образцом для подражания в период движения за реформы в 1895–1898 годах.

К л ю ч е в ы е с л о в а : отечественная историография, китаевед Н. А. Самойлов, образ Петра Великого в Китае, Цинский Китай XIX века

Д л я ц и т и р о в а н и я : Смирнова Н. В. Н. А. Самойлов о формировании образа Петра Великого в Китае как символа перемен // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 6. С. 17–22. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1211

ВВЕДЕНИЕ

Профессор Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета Николай Анатольевич Самойлов является одним из ведущих отечественных специалистов по истории русско-китайских отношений. В июне 2025 года к 70-летию ученого был опубликован полный список его трудов в юбилейном сборнике статей «Пути к нефритовому источнику» [11]. Мы остановимся на анализе научных статей профессора начала 2020-х годов о формировании образа Петра I в Китае: «Китайское направление внешней политики Петра Великого» [9], «Образ Петра Первого в “Записках” цинского посланника Тулишэня» [7], «Посольство Льва Измайлова в Цинскую империю (особенности русско-китайских отношений в эпоху Петра Великого)» [8], «Вклад Петра Великого в социокультурное взаимодействие России со странами Восточной Азии» [6], «Образ Петра Великого и идеология реформаторского движения в Китае в конце XIX века» [5] с целью изучения оценок вклада

Петра I в социокультурное взаимодействие России с Китаем и личности великого российского императора и его преобразований в сочинениях китайских авторов XIX века.

Н. А. САМОЙЛОВ О ВКЛАДЕ ПЕТРА ВЕЛИКОГО В СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ РОССИИ И КИТАЯ

Н. А. Самойлов полагает, что при Петре I в России впервые всерьез заинтересовались Китаем¹ [9], а также признает, что своим знаниям о Китае и стремлению установить контакты с Цинами Петр I во многом был обязан выдающемуся голландскому картографу, бургомистру Амстердама (1682–1706) Николаасу Витсену (1641–1717), с 1693 года занимавшему должность администратора Голландской Ост-Индской компании. В 1690 году Николаас Витсен прислал в Москву составленную им карту Северо-Восточной Азии от Новой Земли до Китая с посвящением царям Петру и Ивану, приложив разработанный им проект развития торговли с Персией

через Каспийское море и с Китаем через Сибирь. Н. А. Самойлов отмечает, что Витсен при подготовке карты использовал «Чертеж Сибири», составленный Николаем Спафарием, и его описание путешествия в Китай. С тех пор карта Витсена постоянно находилась в личной библиотеке Петра I [6: 71].

Николай Анатольевич подчеркивает и описывает существенный вклад великого немецкого ученого Готфрида Вильгельма Лейбница (1646–1716), ставшего советником Петра по вопросам организации первых научных учреждений России, в формирование у него научного и практического интереса к Китаю. Когда Петр пригласил Лейбница принять участие в разработке проекта реформы системы образования в России, увлекавшийся Востоком ученый обратил внимание русского царя на то, что именно в России в силу ее особого географического положения следует развивать востоковедение [6: 71].

Н. А. Самойлов анализировал историю первых контактов между странами и развитие русско-китайской торговли. В марте 1692 года по царскому указу в Китай отправилось посольство во главе с голштинцем Избрантом Идесом, получившим согласие цинского императора Канси на посылку русских караванов в Китай, после чего караванная торговля обрела регулярный характер. Для увеличения поступлений в казну Петр I принял решение о сосредоточении торговли с Китаем в руках государства и установил государственную монополию на «китайский торг». Царским указом 1697 года вводилась монополия на ценнейшие виды пушнины (соболь и чернобурая лисица) и устанавливался жесткий контроль за этим [6: 67].

С 1698 по 1718 год в Китай было направлено десять торговых караванов. Основным товаром, ввозившимся в Китай казенными караванами, была традиционная для русского экспорта того времени пушнина. Ввоз пушнины создавал в Цинской империи вполне определенный образ России как страны холодной, где в дремучих лесах водятся много пушных зверей, а, для того чтобы согреться, жители постоянно пользуются мехами. Среди различных видов пушных зверей, шкурки которых казенные караваны везли в Китай, первое место в течение долгого времени удерживал соболь. Это объяснялось красотой и прочностью его меха, соответственно, высокой ценой. Второе место среди так называемой мягкой рухляди принадлежало шкуркам лисицы (особенно дорого ценились чернобурые). Далее следовали горностаи и ласка. Кроме того, заметное место в российском пушном экспорте в Цинскую империю занимали меха бобра, зайца, куницы и позднее белки [6: 68].

Основную часть ввозимых в Россию из Китая товаров при Петре I составляли шелковые ткани, в особенности камка – двусторонняя тонкая узорная шелковая ткань с цветочным рисунком, образованным атласным переплетением нитей, на матовом фоне. Значительно увеличился ввоз и китайских хлопчатобумажных тканей, получивших в России названия «китайка» и «даба». Даба – это хлопчатобумажная ткань полотняного переплетения типа бязи или холста, отбеленная или крашенная преимущественно в синий цвет, которая пользовалась большим спросом у населения Сибири. Китайка – ткань с рисунком или узорами, которые вплетаются в нее с помощью специального ткацкого станка, появилась в Китае еще при династии Тан, где для производства такой материи были придуманы ткацкие станки, позволявшие создавать ткани со сложными узорами. В Россию такая ткань попала именно из Китая, и этим объясняется ее русское название. При Петре китайку начали массово завозить в Россию, и она пользовалась популярностью не только у населения Сибири, но даже при дворе [6: 68].

Н. А. Самойлов подчеркивает, что развитие русско-китайской торговли и наполнение российского рынка китайскими товарами стимулировали зарождение интереса к китайскому искусству. В эру правления Канси в Китае под влиянием западноевропейского искусства и при участии европейцев в дворцовых мастерских было налажено изготовление фарфоровых табакерок, часов и изделий, украшенных росписью эмалевыми красками, а также стеклодувное производство. Эти изделия и мастерские, где они производились, были продемонстрированы русскому посланнику Льву Измайлову [8], что подробно описал в своих записках сопровождавший его художник и гравер Георг Иоганн Унферцатт [6: 69].

Принято считать, что увлечение «китайщиной» началось в России с Петра Великого, хотя отдельные китайские вещи появлялись в русских интерьерах еще во времена царя Алексея Михайловича. По мнению Н. А. Самойлова, отправной точкой для развития в России интереса к китайским изделиям послужило пребывание Петра I в Голландии. В составе Великого посольства он посещал Фарфоровый кабинет дворца Шарлоттенбург в Берлине, китайские комнаты во дворце Шёнбрунн в Вене, а в 1716 году любовался лаковыми комнатами замка Розенбург в Копенгагене. После возвращения из Дании у Петра появилась идея создания аналогичного лакового кабинета в России, он дал распоряжение русским живописцам из адмиралтейского ведомства начать работы по созданию «китайского» кабинета в петергофском дворце Монпле-зир, а изделия, позднее привезенные Лоренцом

Лангом из Китая, составили основу коллекции Петра I, собранной в Монплезире [6: 69–70].

Показательно то, что Петр I на протяжении всей жизни активно интересовался предметами китайского искусства. По его указанию Лоренц Ланг несколько раз ездил в Китай и привозил оттуда подарки императора Канси – предметы быта, различные диковинки, коллекции китайских старопечатных и рукописных книг, впоследствии составившие основу китайской коллекции Кунсткамеры и ряда других музеев.

В Петровскую эпоху в Цинской империи заинтересовались Россией. В 1708 году в Пекине по повелению императора Канси было создано Училище русского языка, а в 1712 году к калмыцкому хану Аюке направлено посольство во главе с маньчжуром Тулишэнем, проехавшим в 1712–1715 годах почти всю Россию и оставившим «*Июй лу*» («Записки») [7]. Н. А. Самойлов констатирует, что сочинение Тулишэня «*Июй лу*» содержит первые упоминания о Петре I и его деятельности в китайских источниках. Посольство вернулось в Китай только через три года – в 1715 году. Существенно также то, что Тулишэнь возвратился в Пекин вместе с русскими священнослужителями во главе с архимандритом Иларионом (Лежайским) – главой Первой Российской духовной миссии в Китае [7: 35]. Петр I предстает в «Записках» Тулишэня сильным и могущественным государем, укрепившим свою державу и создавшим мощную армию, способным победить всех своих врагов, что наглядно продемонстрировала война против Швеции. Из этого контекста, по мнению Н. А. Самойлова, вытекал вполне очевидный вывод: Китаю лучше иметь с русским царем мирные и дружественные отношения, что в конце концов поймут и цинские императоры. Собранные Тулишэнем сведения были настолько ценны и интересны, что в дальнейшем его сочинение легло в основу всех последующих описаний России, появлявшихся в Китае.

Н. А. САМОЙЛОВ О ПЕТРЕ ВЕЛИКОМ КАК СИМВОЛЕ УСПЕШНОГО ПРОВЕДЕНИЯ РЕФОРМ

Н. А. Самойлов исследовал первые упоминания о Петре Великом в работах китайских авторов Линь Цзэсюя, Вэй Юаня, Сюй Цзюя и Хэ Цютао. Ученый обращает внимание, что информация о России попадала к китайским авторам в основном из западных источников, например переводов европейских работ на китайский язык, выполненных миссионерами, или непосредственно из книг и статей на европейских языках, поэтому очень часто эти сведения оказывались неточными.

Характеризуя исследования одного из первых китайских деятелей, заговоривших о необ-

ходимости учиться у «иностранных варваров», заимствовать научные и технические достижения других стран, имперского эмиссара, активно боровшегося с британской опиумной торговлей в провинции Гуандун, Линь Цзэсюя (1785–1850), Н. А. Самойлов обращается к анализу написанного автором во время пребывания в Гуандуне в 1839–1841 годах сочинения «*Элосы го цзюяо*» («Основные сведения о России»), которое в качестве специального раздела было включено в работу «*Сы чжоу чжи*» («Описание четырех материков»). Именно в этом сочинении были впервые приведены факты из биографии Петра Великого, которого автор именует Бида-ван и Бида Эли (Петр Алексеевич) [5: 108]. Линь Цзэсюй связывал истоки могущества Российской империи в первую очередь с теми преобразованиями, которые проводил Петр I. Этот труд о России не мог не вызвать интереса у других китайских авторов, и видный ученый Вэй Юань, внеся некоторые исправления и дополнения, включил его в свой трактат «*Хайго тучжи*» («Описание заморских стран с картами»).

Н. А. Самойлов исследовал сведения о России в Китае в географических сочинениях, написанных китайскими авторами. Например, в 1848 году увидел свет труд видного китайского государственного деятеля, губернатора провинции Фуцзянь Сюй Цзюя (1795–1873) «*Иньхуань чжилюэ*» («Краткое описание морей и суши»). Сюй Цзюй подробно описывал, как царь лично учил солдат и занимался ремеслами, как он строил новую столицу. В заключение автор делает вывод о том, что «нынешняя мощь России берет свое начало с Петра» [5: 109].

Важной вехой в плане систематизации сведений о России в Китае следует признать книгу Хэ Цютао (1824–1862) «*Шофан бэйчэн*» («Готовьте боевые колесницы в страну Полунощную») (1859). Однако представления китайцев о России были весьма далеки от реальности, а во внутренних районах Китая о ней не знали практически ничего.

Н. А. Самойлов, анализируя предложения реформаторов конца XIX века² по модернизации страны, констатировал, что одним из символов успешных преобразований для выдающегося китайского мыслителя, лидера движения за реформы конца XIX века Кан Ювэя (1858–1927) стал Петр Великий. Кан Ювэй в декабре 1897 года в пятом по счету меморандуме императору Гуансюю писал о том, что Петр, странствуя по европейским странам и переодеваясь в простую одежду, изучал иностранный опыт и сумел в итоге усилить свое государство так, что оно стало одним из сильнейших в мире [5:

110]. В шестом меморандуме Кан Ювэй предлагал императору прежде всего обратить внимание на реформаторскую деятельность и идеи Петра I и опыт преобразований в Японии периода Мэйдзи: «Прошу Ваше Императорское Величество использовать решимость русского царя Петра Великого [в деле проведения реформ] как образец решимости» [5: 110].

К седьмому меморандуму Кан Ювэй приложил свою «Записку о реформах российского царя Петра Великого» («*Э хуан Дабидэ бянь чжэнь цзи*»). Свое обращение к образу Петра и опыту его преобразований Кан Ювэй, в соответствии с конфуцианской традицией, сопровождал отсылками к истории Древнего Китая. Поскольку основными качествами Петра I он считал его твердость, настойчивость в достижении своей цели и то, что русский царь был готов трудиться, как обычный человек, то и сравнивал его с древнекитайскими правителями, прославившимися именно подобными качествами: с легендарным императором Шунем, иньским правителем У-дином, юэским Гоуцзянем и цзиньским Вэньгуном [5: 111].

В тексте «Записки» Кан Ювэй подробно изложил основные события истории России Петровского времени и важнейшие факты его биографии. Он писал, что вначале Россия была ослаблена Швецией и западные страны относились к ней с пренебрежением. По мнению Кан Ювэя, тогдашнее международное положение России было незавидным и напоминало нынешнее положение Китая. Однако в самый критический момент в России появился царь Петр, и ситуация в корне изменилась. Он реорганизовал и перевооружил армию, построил флот и провел реформу государственного управления. Излагая биографию Петра Великого, Кан Ювэй сделал акцент на том, что молодой царь постоянно трудился и самосовершенствовался. Он подробно описал его поездку в Голландию и то, что Петр, как простой плотник, работал на голландских верфях, овладевая навыками судостроения. По мнению Кан Ювэя, очень важно, что Петр понял необходимость создания сильного военно-морского флота и строительства портов. Кан Ювэй также обратил внимание на основание новой столицы России [5: 111].

Много места уделил Кан Ювэй объяснению тех причин, которые, по его мнению, способствовали успеху петровских реформ. Прежде всего это личные качества русского царя, его характер. Царь не кичился своим высоким происхождением, трудился как простолудин, ездил за границу, чтобы освоить иностранный опыт. Он не отказывался даже учиться у своих врагов и многое (особенно в военном деле) пере-

нял у шведов. Здесь лидер реформаторов проводил прямую параллель с ситуацией в Китае. Еще одна причина успешности и результативности реформ Петра Великого, по мнению Кан Ювэя, заключалась в том, что он «понимал требования данного момента и делал все в соответствии с волей Неба» [5: 112].

Н. А. Самойлов исследовал оценку личности Петра I и его преобразований в сочинениях другого китайского реформатора Янь Фу (1854–1921). Будучи одним из наиболее ярких представителей реформаторского движения, Янь Фу не принадлежал к ближайшему окружению Кан Ювэя в силу глубоких идейных разногласий. В 1897 году он написал статью «О дружбе Китая и России», направленную против противников сближения двух стран. В этой статье Янь Фу привел три довода в пользу укрепления связей с Россией: 1. Россия – первая страна в мире, направившая в Китай своих послов. 2. У России и Китая – общая граница («наши народы живут так близко, что слышны крики петухов... и относятся друг к другу как братья»). 3. На протяжении двухсот лет Россия ни разу не применила оружия против Китая. Содержание этой статьи говорит о том, что Янь Фу так же, как и Кан Ювэй, несколько идеализировал Россию и Петра Великого. Образ Петра был необходим этому реформатору в качестве символа проведения успешных реформ и активно использовался в полемике с китайскими консерваторами. Янь Фу указывал, что Россия когда-то была еще слабее и ближе к национальной гибели, чем нынешний Китай, но смогла выйти из кризиса и добиться своего нынешнего положения только благодаря реформам Петра Великого [5: 112].

Н. А. Самойлов констатирует, что в Китае конца XIX века Петр Великий стал символом успешного проведения реформ и заимствования иностранного опыта. Образ царя-реформатора, мудрого правителя огромной страны закрепился за ним надолго. Реформаторы стремились к тому, чтобы император был ближе к народу и выражал интересы более широких кругов шэньши и представителей иных сословий. Поэтому Петр I в их понимании представлял собой образец целеустремленного и доступного для широких кругов монарха, которого отличали гибкость мышления и умение находить выход из кризисных ситуаций.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В научных статьях выдающегося китаеведа Николая Анатольевича Самойлова определено место Петровской эпохи в процессе социокультурного взаимодействия России с Китаем, исследованы первые упоминания о Петре Ве-

ликом в работах китайских авторов XIX века, изучена значимость осуществленных российским императором преобразований для идеологического обоснования необходимости проведения реформ в период Поздней Цин конца XIX века. Профессор приходит к выводу, что в Китае начал складываться достаточно привлекательный образ российского императора, достойного правителя, который проводил необходимые для страны реформы, укреплял армию, занимался судостроением, что в итоге способствовало превращению России в могущественную европейскую державу.

Кропотливая работа Н. А. Самойлова над темой проводилась в рамках проекта коллектива авторов по изучению образа великого российского императора Петра Великого в историографии, учебной, публицистической, сетевой и художественной литературе, а также в некоторых сферах искусства Китая, Японии, Кореи, Вьетнама и завершилась подготовкой и изданием научной монографии «Образ Петра Великого в странах Восточной Азии»³ [1], [2], [3], [4], [10], [12] в честь торжественного празднования 350-летия со дня рождения Петра Алексеевича Романова в 2022 году.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Начало Петровской эпохи совпало с подписанием русско-китайского Нерчинского договора 1689 года, а завершилось подписанием Кяхтинского трактата в 1727 году уже после кончины императора [9].
- ² В современной историографии укрепляется точка зрения, согласно которой реформаторское движение 1895–1898 годов стало закономерным продолжением и развитием идейного течения, известного под названием «Цин и» (дословно: «Чистое мнение», но точнее по смыслу: «Мнение незаурядных людей»), которое активизировалось в Империи Цин в 1870-х и набрало силу в 1880–1890-х годах [5: 109].
- ³ Из рецензии китаеведа Валентина Цуньлиевича Головачёва: «Фундаментальную монографию “Образ Петра Великого в странах Восточной Азии” подготовил коллектив авторов, скромно именующих себя “научно-педагогическими работниками”, но представляющих цвет петербургского востоковедения и сразу несколько поколений высоких профессионалов с Восточного факультета СПбГУ и из Института восточных рукописей РАН (Е. Г. Андреева, А. А. Гурьева, Е. В. Ланькова, Д. И. Маяцкий, Н. А. Самойлов, А. М. Харитонов). Руководителем, ответственным редактором и, очевидно, душой всего проекта стал доктор исторических наук, профессор Н. А. Самойлов, он же – автор предисловия, двух первых глав и отдельных разделов в 3-й и 4-й главах» [2: 224].
Из рецензии профессора Александра Викторовича Филиппова: «Во внушительной по объему книге читателю дана возможность комфортного ознакомления с материалами, представленными в семи логично организованных главах, снабженных подробнейшими постраничными комментариями в сносках. Остановимся подробнее на названиях глав. 1. Китайское направление внешней политики Петра Великого. 2. Вклад Петра Великого в социокультурное взаимодействие России со странами Восточной Азии. 3. Образ Петра Великого в Китае. 4. Сравнение образа Петра Великого в учебной, научно-популярной и сетевой литературе КНР, Великобритании и США. 5. Образ Петра Великого в Японии. 6. Образ Петра Великого в Корее. 7. Образ Петра Великого во Вьетнаме. Ценнейшим приложением к изданию стали списки литературы, соответствующие каждой из семи глав монографии. Дополнительную ценность имеет графическое оформление книги, поскольку цветные вклейки представляют визуализацию образа царя Петра в разных странах» [12: 168].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградова Т. И. Рецензия на книгу: Образ Петра Великого в странах Восточной Азии / Под ред. Н. А. Самойлова. М.: Весь Мир, 2022. 432 с.: ил. // Вестник РФФИ. Гуманитарные и общественные науки. 2023. № 1 (112). С. 148–151. DOI: 10.22204/2587-8956-2023-112-01-148-151
2. Головачёв В. Ц. Аверс и реверс имагологии: новая монография петербургских востоковедов об образе Петра Великого в Восточной Азии и vice versa // Вестник Санкт-Петербургского университета. Востоковедение и африканистика. 2023. Т. 15, № 2. С. 222–233. DOI: 10.21638/spbu13.2023.201
3. Кейдун И. Б. Рецензия на монографию «Образ Петра Великого в странах Восточной Азии» // Известия Восточного института. 2024. № 1. С. 134–140. DOI: 10.24866/2542-1611/2024-1/134-140
4. Образ Петра Великого в странах Восточной Азии / Под ред. Н. А. Самойлова. М.: Изд-во «Весь Мир», 2022. 432 с.
5. Самойлов Н. А. Образ Петра Великого и идеология реформаторского движения в Китае в конце XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 4. С. 107–114. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.489
6. Самойлов Н. А. Вклад Петра Великого в социокультурное взаимодействие России со странами Восточной Азии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2021. Т. 43, № 6. С. 65–76. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.658
7. Самойлов Н. А. Образ Петра Первого в «Записках» цинского посланника Тулишэня // Клио. 2021. № 5 (173). С. 33–42. DOI: 10.51676/2070-9773_2021_05_33
8. Самойлов Н. А. Посольство Льва Измайлова в Цинскую империю (особенности русско-китайских отношений в эпоху Петра Великого) // Клио. 2021. № 12 (180). С. 35–42. DOI: 10.51676/2070-9773_2021_12_35
9. Самойлов Н. А. Китайское направление внешней политики Петра Великого // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2022. Т. 44, № 4. С. 69–79. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.769

10. Смирнова Н. В. Рец. на кн.: Образ Петра Великого в странах Восточной Азии / Под ред. Н. А. Самойлова. М.: Издательство «Весь Мир», 2022. 432 с. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 3. С. 112–115. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.892
11. Список научных работ Н. А. Самойлова // Пути к нефритовому источнику: Сборник статей к 70-летию профессора Н. А. Самойлова / Сост., отв. ред. А. М. Харитонов. СПб.: Изд-во РХГА, 2025. С. 40–62.
12. Филиппов А. В. Пётр Великий: образ русского царя на Востоке Азии // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2023. Т. 22, № 4: Востоковедение. С. 167–170. DOI: 10.25205/1818-7919-2023-22-4-167-170

Поступила в редакцию 14.01.2025; принята к публикации 09.06.2025

Original article

Natalia V. Smirnova, Cand. Sc. (History), Associate Professor,
Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-5225-8543; burlana@mail.ru

PROFESSOR N. A. SAMOYLOV ON THE FORMATION OF PETER THE GREAT'S IMAGE IN CHINA AS A SYMBOL OF CHANGE

Abstract. The article analyzes a number of scientific articles by Nikolay A. Samoylov, an outstanding professor at the Faculty of Oriental Studies at Saint Petersburg State University, on the formation of Peter the Great's image in China as a symbol of successful reforms. Professor Samoylov studied the history of the appearance of Russian Emperor's image in China and identified some reasons for using his image and the reforms he carried out to ideologically justify the need for change in the Qing Empire in the late XIX century. The main objective of the article is to study Samoylov's research into the contribution of Peter the Great to the socio-cultural interaction of Russia with China and assessments of the Emperor's personality and his transformations in the writings of Chinese authors of the XIX century using the historical and comparative method. Professor Samoylov concludes that in the eighteenth-century China a rather appealing image of the Russian Emperor began to take shape – the image of the leader who strengthened the state and created a powerful army. Moreover, the transformations carried out by Peter the Great in Russia became a role model for Chinese reformers during the reform movement in 1895–1898.

Key words: Russian historiography, sinologist Nikolay A. Samoylov, image of Peter the Great in China, nineteenth-century Qing China

For citation: Smirnova, N. V. Professor N. A. Samoylov on the formation of Peter the Great's image in China as a symbol of change. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(6):17–22. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1211

REFERENCES

1. Vinogradova, T. I. Review of the book: “The Image of Peter the Great in the Eastern Asian Countries”. (N. A. Samoylov, Ed.). Moscow, 2022. 432 p. *Russian Foundation for Basic Research Journal. Humanities and Social Sciences*. 2023;1(112):148–151. DOI: 10.22204/2587-8956-2023-112-01-148-151 (In Russ.)
2. Golovachyov, V. Ts. Obverse and reverse of the imagology: a new monograph by St. Petersburg orientalists about Peter the Great's image in East Asia, and vice versa. *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*. 2023;15(2):222–233. DOI: 10.21638/spbu13.2023.201 (In Russ.)
3. Keidun, I. B. Review of the monograph “The Image of Peter the Great in the Countries of East Asia”. *Oriental Institute Journal*. 2024;1:134–140. DOI: 10.24866/2542-1611/2024-1/134-140 (In Russ.)
4. The image of Peter the Great in the countries of East Asia. (N. A. Samoylov, Ed.). Moscow, 2022. 432 p. (In Russ.)
5. Samoylov, N. A. Image of Peter the Great and ideology of the reform movement in China at the end of the XIX century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020;42(4):107–114. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.489 (In Russ.)
6. Samoylov, N. A. Peter the Great's contribution to the socio-cultural interaction between Russia and East Asian countries. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2021;43(6):65–76. DOI: 10.15393/uchz.art.2021.658 (In Russ.)
7. Samoylov, N. A. Image of Peter I in the “Records” written by the Qing dynasty diplomat Tulišen. *Klio*. 2021;5(173):33–42. DOI: 10.51676/2070-9773_2021_05_33 (In Russ.)
8. Samoylov, N. A. Lev Izmailov's mission to the Qing Empire (specific features of Russian-Chinese relations at the time of Peter the Great). *Klio*. 2021;12(180):35–42. DOI: 10.51676/2070-9773_2021_12_35 (In Russ.)
9. Samoylov, N. A. Chinese vector of Peter the Great's foreign policy. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2022;44(4):69–79. DOI: 10.15393/uchz.art.2022.769 (In Russ.)
10. Smirnova, N. V. The book review: The image of Peter the Great in the countries of East Asia. (N. A. Samoylov, Ed.). Moscow, 2022. 432 p. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(3):112–115. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.892 (In Russ.)
11. Index of scientific works by N. A. Samoylov. *Paths to the jade source: Collection of articles dedicated to the 70th anniversary of Professor N. A. Samoylov*. (M. N. Kharitonov, Ed.). St. Petersburg, 2025. P. 40–62. (In Russ.)
12. Filippov, A. V. Peter the Great: The Image of the Russian Tsar in East Asia. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2023;22(4):Oriental Studies:167–170. DOI: 10.25205/1818-7919-2023-22-4-167-170 (In Russ.)

Received: 14 January 2025; accepted: 9 June 2025

ДАНИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧ БЕЗРУКОВ

аспирант кафедры теории общественного развития стран
Азии и Африки

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-4107-2575; bezrukov_dan@mail.ru

ОТРАЖЕНИЕ ОФИЦИАЛЬНОГО ВИЗИТА М. С. ГОРБАЧЕВА В КИТАЙ В МАЕ 1989 ГОДА В ГАЗЕТЕ «ЖЭНЬМИНЬ ЖИБАО»

А н н о т а ц и я . Рассматриваются материалы китайской прессы, посвященные официальному визиту М. С. Горбачева в Китайскую Народную Республику в мае 1989 года. Визит ознаменовал нормализацию советско-китайских отношений и положил начало новому этапу в их развитии. Новизна исследования заключается в постановке проблемы: интерпретация событий и итогов визита изучается сквозь призму официальной риторики, отраженной в китайской прессе. Цель статьи – на основе материалов официального органа Центрального комитета Коммунистической партии Китая «Жэньминь жибао» выделить и проанализировать ключевые особенности освещения визита в китайском информационном поле. Сделан вывод о том, что визит М. С. Горбачева сыграл значительную роль в трансформации официальной риторики Китая по отношению к СССР и различным аспектам его политики. Некогда конфронтационная и идеологически окрашенная риторика сменилась к концу 1980-х годов взвешенной и прагматичной оценкой Советского Союза как одного из важнейших потенциальных партнеров на международной арене.

К л ю ч е в ы е с л о в а : нормализация советско-китайских отношений, М. С. Горбачев, Дэн Сяопин, китайские СМИ, «Жэньминь жибао»

Д л я ц и т и р о в а н и я : Безруков Д. А. Отражение официального визита М. С. Горбачева в Китай в мае 1989 года в газете «Жэньминь жибао» // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 6. С. 23–29. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1212

ВВЕДЕНИЕ

В июле 1986 года генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев выступил во Владивостоке с исторической речью, в которой определил новые принципы внешней политики СССР в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Одним из наиболее заметных заявлений стало следующее:

«Советский Союз готов в любое время, на любом уровне самым серьезным образом обсудить с Китаем вопросы о дополнительных мерах по созданию обстановки добрососедства. Мы надеемся, что в недалеком будущем разделяющая (а хотелось бы говорить – соединяющая) нас граница станет полосой мира и дружбы» [2: 27].

Активная внешняя политика СССР и ответные шаги со стороны Китая привели к кульминационному событию периода урегулирования – официальному визиту М. С. Горбачева в Китайскую Народную Республику (КНР) в мае 1989 года. Главным формальным итогом визита стало совместное коммюнике, в котором стороны заявили о том, что нормализация отношений достигнута. Однако в общественном восприя-

тии эти события навсегда оказались запечатлены в словах, сказанных на этот раз уже китайским лидером, Дэн Сяопином: «Закрывать прошлое, открывать будущее» (结束过去 开辟未来)¹.

Указанные цитаты – наиболее яркие примеры риторики, касающейся внешнеполитической нормализации. Однако оба эти высказывания являются лишь частью более масштабного и сложного процесса – трансформации взаимовосприятия Советского Союза и Китая, происходившей в период восстановления отношений. Определяющим фактором в этом процессе оказалась деятельность СМИ, выступавших в качестве ведущего инструмента государственной информационной политики. Менее чем за десятилетие отношение китайских СМИ к СССР претерпело почти диаметрально противоположные изменения: от представления о северном соседе как о главной военной угрозе и идеологическом противнике в начале 1980-х годов до сложившегося к концу периода образа прогрессивного государства и потенциального партнера. Более того, многие из сформировавшихся тогда представлений по-

служили основой для последующего развития уже российско-китайских отношений. При этом, как было замечено выше, центральным событием в процессе нормализации стал визит советского руководства в КНР в 1989 году. С точки зрения информационного освещения эти события также оказались рубежными, поскольку способствовали продвижению в Китае нового отношения как к советско-китайским отношениям, так и к самому Советскому государству. Двум соседним державам удалось не только «закрыть прошлое», но и иначе посмотреть друг на друга. Примирение сопровождалось ломкой старых шаблонов, на смену которым приходили новые взаимные представления. Именно выявление и рассмотрение таких представлений, транслировавшихся китайскими СМИ, является основной целью данной статьи.

Источниковую базу исследования составляют материалы официального печатного органа Центрального комитета Коммунистической партии Китая (ЦК КПК) – газеты «Жэньминь жибао» (人民日报). Выбор такого типа источника обусловлен несколькими мотивами. Прежде всего, уже отмеченная специфика функционирования СМИ в Китае. В условиях китайской политической системы преимущественный контроль над СМИ и содержанием их информационных сообщений находится в руках правящей партии. В результате материалы такого издания, как «Жэньминь жибао», становятся ценным источником, отражающим отношение высшего китайского руководства к исследуемым событиям. Кроме того, социальная значимость и востребованность в указанный период прессы в целом и «Жэньминь жибао» в частности позволяют рассматривать материалы этого издания в качестве одного из наиболее авторитетных источников для такого исследования.

ХОД ВИЗИТА И ЕГО ИТОГИ В ИЗЛОЖЕНИИ КИТАЙСКОЙ ПРЕССЫ

В истории советско-китайских отношений, отмечает Ю. С. Песков, можно выделить три знаковых встречи на высшем уровне. Прежде всего это встреча в Москве в конце 1949 – начале 1950 года И. В. Сталина и Мао Цзэдуна, итогом которой стал Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи. Второй стала встреча Н. С. Хрущева и Мао Цзэдуна в Пекине в 1959 году. Эти события обнажили значительные разногласия и положили начало периоду раскола. Наконец, третьей стала встреча в 1989 году М. С. Горбачева и Дэн Сяопина, ознаменовавшая возвращение советско-китайских отношений в нормальное русло [5: 472–473].

15 мая 1989 года советская делегация прибыла в аэропорт Пекина. У трапа самолета делегацию встречал председатель КНР Ян Шанкунь и другие официальные лица. По окончании церемонии М. С. Горбачев выступил с речью, в которой фактически задал тон последующим событиям. Генсек передал личные добрые пожелания китайскому народу и выразил надежду на «этапное значение» визита². Похожие позиции транслировались и китайской стороной. Историческое значение и огромная важность этих событий обосновывались тем, что советский лидер посетил КНР впервые за 30 лет. Кроме того, особенно интенсивно через СМИ продвигалось положение о том, что визит означает начало качественно нового периода в отношениях двух стран³.

Необходимо подчеркнуть, что одной из основных характеристик освещения визита в китайской прессе стало сверхинтенсивное и подробное изложение событий. Только о первом дне визита в «Жэньминь жибао» было опубликовано около десятка статей и заметок. Объемные репортажи сопровождались дополнительными комментариями и фотографиями. Как следствие, визит советской делегации наряду со студенческими протестами, развернувшимися с начала мая в Пекине и других городах Китая, на несколько дней оказался одной из доминирующих тем в информационном поле КНР.

Второй день визита стал днем переговоров на высшем уровне. Утром 16 мая М. С. Горбачев встретился с председателем Военного совета ЦК КПК Дэн Сяопином. Для обеих сторон было заранее понятно, что именно это событие определит дальнейший вектор развития отношений. Обменявшись важнейшим с символической точки зрения рукопожатием, лидеры двух государств провели обмен мнениями по широкому спектру вопросов. Как отмечал бывший министр иностранных дел КНР Цянь Цичэнь, предложение Дэн Сяопина во время встречи обменяться рукопожатиями, но без объятий «точно и метко обобщило характер тогдашних китайско-советских отношений» [7: 37]. Примечательно, что в изложении китайской прессы именно лидер КНР выступал координатором и вдохновителем беседы, который на правах хозяина задает тон и определяет основные темы⁴. Такое позиционирование представляется отнюдь не случайным. Визит М. С. Горбачева и последующая нормализация преподносились китайской стороной как крупная дипломатическая победа, поскольку Китаю удалось убедить СССР пойти на уступки в вопросе «трех препятствий», мешавших полно-

ценному восстановлению отношений на протяжении всех 1980-х годов.

Во второй половине дня М. С. Горбачев встретился с премьером Госсовета КНР Ли Пэном. Предметом их разговора стали узловые вопросы двусторонних отношений. На переговорах было выражено обоюдное желание развивать сотрудничество в различных сферах, прежде всего в экономической. Особое место в беседе занял тезис о том, что отказ от конфронтации 1960–1970-х годов не означает возвращения к формату отношений 1950-х⁵. Этот тезис продвигался и был особенно актуальным именно для китайской стороны, поскольку период «братской дружбы» к тому моменту воспринимался руководством КНР как время политической и экономической зависимости от СССР. В результате вопрос реформирования отношений приобрел определяющее значение в китайской официальной риторике. Уже упомянутый Цянь Цичэнь указывал, что именно установленные тогда рамки нормализации «послужили основой быстрого создания китайско-российских отношений добрососедства и дружбы» [7: 39].

Заключительной встречей дня стали переговоры советского лидера с генеральным секретарем ЦК КПК Чжао Цзяном, что символизировало восстановление отношений между КПСС и КПК. Были заявлены новые принципы выстраивания межпартийных связей, а именно – независимость, полное равноправие, взаимное уважение и невмешательство⁶. Стоит отметить, что уже здесь отчетливо прослеживаются диспропорции в освещении событий двумя сторонами. Если советская пресса стремится к более равновесному изложению и, например, говорит о том, что «собеседники были согласны» с указанными принципами⁷, то в публикации «Жэньминь жибао» принципы предлагаются китайской стороной в лице Чжао Цзяна⁸. Таким образом, сообщение китайской прессы об этой встрече выдержано в том же духе, что и публикация о встрече с Дэн Сяопином. В подобном изложении Китай выступает более инициативной стороной, которая и определяет условия и содержание переговорного процесса. Думается, что такой подход был связан с желанием китайского руководства заявить о своей суверенности и большей самостоятельности в отношениях с такой «сверхдержавой», как СССР.

Центральным событием последнего дня визита стала публикация совместного коммюнике. Документ состоял из 18 пунктов. Примечательно, что наиболее объемный пункт был посвящен проблеме вывода вьетнамских войск

из Кампучии⁹. Этот факт отразил стремление Китая добиться от СССР более твердых гарантий по окончательному разрешению наиболее принципиального «препятствия». В целом же документ закрепил все основные тезисы и предложения, озвученные в процессе переговоров.

В тот же день, 18 мая, М. С. Горбачев посетил Шанхай. Фактической целью поездки было ознакомление с опытом и успехами китайских преобразований. Там советский лидер встретился с секретарем Шанхайского городского комитета КПК Цзян Цзэмином. После приема члены делегации сперва возложили цветы к памятнику А. С. Пушкину, а затем посетили совместное китайско-японское предприятие «Шанхай-Мицубиси»¹⁰. С точки зрения медийного эффекта эти события позволили китайской стороне еще более громко и широко заявить об успехах собственного пути реформ.

В 18:45 того же дня по пекинскому времени М. С. Горбачев и остальные члены делегации вылетели из Шанхая в Москву, что ознаменовало окончание официального визита¹¹.

МЕРЫ ПО СОЗДАНИЮ ДРУЖЕСТВЕННОЙ ОБСТАНОВКИ

Общий тон и настроение описываемых событий определялись двумя основными факторами. Главенствующую роль играла риторика официальных лиц: заявления и высказывания на протяжении переговоров, интерпретации отдельных аспектов отношений, комментарии для журналистов и многое другое. Вторым фактором стала деятельность самих СМИ, которые не только транслировали заявления партийного руководства, но и формировали отдельный информационный дискурс, существенно дополнявший официальную риторику.

Ключевым направлением деятельности СМИ были меры по созданию дружественной и благоприятной обстановки во время визита. Китайское руководство придавало большое значение информационному фону, поскольку от него напрямую зависели результаты переговоров. Тем более что ситуация значительно осложнялась студенческими протестами, грозившими в любой момент выйти из-под контроля. Хотя студенты в целом позитивно относились к налаживанию отношений с СССР и поддерживали советские реформы, они также надеялись, что Горбачеву удастся убедить китайских руководителей вступить с ними в диалог. Такие настроения вызывали серьезные опасения у китайского руководства [4: 276].

Приоритетное внимание китайской прессы было сосредоточено на фигуре М. С. Горбачева. За несколько дней до начала визита в «Жэньминь жибао» вышла объемная статья «М. С. Горбачев – советский лидер нового типа», целью которой было ознакомление китайской аудитории с биографией советского лидера и содержанием его политики. Интересен весьма эмоционально-окрашенный тон публикации. В частности, повествование о тяжелом детстве и трудовой молодости генсека сопровождалось подробными деталями и пояснениями. Одна из показательных цитат: «Каждое утро он шел на работу пешком, по пути разговаривал с людьми, вникая в ситуацию и обсуждая их проблемы»¹². Так, с одной стороны, иллюстрировалась непритязательность, а с другой – «народность» советского руководителя. Внутриполитическая и реформаторская деятельность М. С. Горбачева освещалась также весьма подробно и положительно, отмечались его решительные шаги и успехи во внешней политике. Общий комплиментарный тон разбавлялся лишь заключительным комментарием о сложностях, с которыми сталкивались в тот момент советские реформы. При этом связаны эти сложности были не столько с ошибками руководства, сколько с «преодолением инерции старого мышления».

Заметим, что современное отношение в Китае к фигуре М. С. Горбачева фактически противоположно тому, что было указано выше. В настоящее время в китайском академическом и общественном дискурсе доминирует мысль о том, что именно политика руководящей группы М. С. Горбачева привела к распаду Советского Союза и последующим негативным последствиям. Одним из наиболее последовательных приверженцев такой позиции можно назвать Ли Шэньмина – известного китайского исследователя и автора многих научных работ о распаде СССР, который уделяет большое внимание личной роли последнего руководителя СССР в этих событиях [8]. С другой стороны, отдельные китайские авторы, публикуя свои исследования в том числе на русском языке, признают вклад М. С. Горбачева в нормализацию советско-китайских отношений и оценивают этот аспект как его «наиболее значимое дипломатическое наследие» [3: 78].

Во время визита китайская пресса акцентировала внимание на личном участии и значении М. С. Горбачева в этих событиях. Однако, как было отмечено выше, при освещении непосредственно самих переговоров инициатива отводилась китайским руководителям, выступавшим в изложении китайских СМИ главными координаторами процесса.

Немаловажным было и обращение СМИ к внешнеполитическому контексту. Во-первых, в рамках освещения визита пресса интенсивно использовала такой характерный прием, как изложение мнений представителей других государств. 16 мая были опубликованы мнения о визите официальных лиц и СМИ из США, Японии, Таиланда и Мексики¹³. 17 мая было изложено отношение к визиту государственных лидеров Японии, Пакистана и Индии¹⁴. 19 мая к ним добавились Чехословакия, Монголия, Италия и вновь Мексика¹⁵. Сам по себе выбор стран и оглашаемых ими позиций весьма отчетливо отражал задачи и китайской официальной риторики. В большинстве случаев международное мнение сходилась на мысли о том, что значение визита состоит в обеспечении безопасности Азиатско-Тихоокеанского региона и продвижении мировой разрядки. В целом же все эти публикации транслировали позитивное отношение мировой общественности к визиту, что подкрепляло статус происходящих событий в глазах китайского населения.

Во-вторых, параллельно с освещением визита регулярно появлялись публикации о действиях СССР, направленных на снижение эскалации в различных регионах. Так, публиковались новости о выводе советских войск из Чехословакии¹⁶, ГДР и Венгрии¹⁷, Монголии¹⁸, о прекращении поставок советского оружия Никарагуа¹⁹ и других событиях похожего характера. Так или иначе, подобные сообщения могли способствовать укреплению имиджа СССР как активного проводника международной разрядки.

Отдельную нишу заняли публикации, которые не были напрямую связаны с освещением переговоров, но также способствовали созданию дружелюбной атмосферы. 17 мая М. С. Горбачев вместе с супругой и сопровождающими лицами посетили Великую Китайскую стену, где пообщались с китайской молодежью²⁰. В Шанхае советский лидер продолжил общение: сначала с местными горожанами при посещении памятника Пушкину, а затем с рабочими завода в районе Миньхан, о чем в подробностях сообщала пресса²¹. Общей чертой этих заметок было продвижение тезиса о популярности М. С. Горбачева и его визита среди всех слоев китайского населения.

Отдельное внимание пресса уделяла супруге советского лидера – Раисе Максимовне, принявшей участие во многих мероприятиях визита. Вслед за статьей о самом генсеке через несколько дней вышла заметка и о его супруге. Содержание публикации было сосредоточено на биографии,

а также дипломатической деятельности Раисы Максимовны в качестве первой леди СССР²². За время визита в Китай Р. М. Горбачева успела посетить Общество китайско-советской дружбы (ОКСД), Пекинскую библиотеку, дом-музей Сюй Бэйхуна, парк Тяньтань, а также кооперативную фабрику декоративно-прикладного искусства [1: 446]. Эти мероприятия носили менее официальный характер и были направлены на укрепление связей в гуманитарной сфере. Газетные публикации об этих событиях соответствовали общему настроению встреч и содержали много неформальных подробностей. Одна из характерных цитат о встрече на мероприятии ОКСД: «На чаепитии старые друзья встретились вновь, крепко пожимали руки и долго не отпускали друг друга, а новые друзья взволнованно обменивались визитными карточками и адресами»²³. Как можно заметить, китайская пресса довольно активно эксплуатировала сюжет о сохранении старых связей, напоминая о дружбе 1950-х годов, и о формировании новых контактов, направленных на потенциальное развитие отношений.

Вопросы взаимодействия двух государств в сфере культуры стали еще одной важной темой визита. Здесь необходимо упомянуть о том, что российская (впоследствии советская) культура оказывала значительное влияние на китайское общество на протяжении XX века, в особенности в первое десятилетие после образования КНР [6: 139]. Вместе с первыми проявлениями оттепели в двусторонних отношениях в китайском информационном поле стало появляться все больше материалов, связанных с советской культурой. В преддверии визита Горбачева китайская пресса существенно активизировала деятельность в этом направлении. Только за первую половину мая в «Жэньминь жибао» были опубликованы статьи на темы, связанные с Михаилом Шолоховым и «Тихим Доном»²⁴, творчеством Галины Улановой²⁵, Анной Ахматовой и ее связью с китайской литературой²⁶. Спустя несколько дней после окончания визита вышла статья, посвященная личности и творчеству Чингиза Айтматова²⁷. Все эти публикации также были выдержаны в комплиментарном стиле и содержали лестные оценки творческого наследия деятелей советской культуры.

Немалое внимание во время визита уделялось вопросам социально-культурного взаимодействия. Дело в том, что в советскую делегацию помимо официальных лиц и дипломатов вошли общественные деятели, ученые и деятели культуры. Так, в составе делегации были Чингиз Айтматов, Сергей Залыгин, Валентин Распутин и другие. Газетная заметка от 16 мая сообщала о встрече и продуктивной беседе советских писателей с более чем сорока китайскими исследователями советской литературы²⁸. Таким образом, прямые контакты между представителями общественности также служили важным сюжетом для китайской прессы в рамках формирования дружественной обстановки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Официальный визит М. С. Горбачева в Китай в мае 1989 года стал поворотной вехой в истории советско-китайских отношений. Заметную роль в их нормализации сыграли СМИ, деятельность которых руководство обоих государств использовало в своих интересах. Китайская сторона во главу угла поставила стремление утвердить собственную независимость и самостоятельность во внешней политике, чем были обусловлены регулярные сообщения о переформатировании отношений с СССР и новых принципах в их основе. Большое внимание уделялось также формированию нового образа Советского государства, что было связано с потребностью дальнейшего развития двусторонних связей с СССР в различных сферах. Усилия китайских СМИ были направлены на складывание в китайском массовом сознании образа Советского Союза как современного социалистического государства, во главе которого стоят прогрессивные руководители, с которым необходимо развивать отношения партнерства и добрососедства.

Перспективным и интересным может быть продолжение этого исследования с точки зрения изучения китайского общественного мнения. Одна из приоритетных задач такой работы – рассмотрение тех взаимных представлений и стереотипов, которые сформировались у китайского населения в отношении СССР в данный период. Отдельным направлением может быть анализ влияния таких представлений на развитие современных российско-китайских отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ 结束过去 开辟未来 邓小平昨天同戈尔巴乔夫会晤 双方宣布中苏关系实现正常化//人民日报, 1989年05月17日。(Закрывать прошлое, открывать будущее. Вчера Дэн Сяопин встретился с М. С. Горбачевым. Стороны объявили о нормализации китайско-советских отношений // Жэньминь жибао. 17.05.1989).

² Визит М. С. Горбачева в КНР. Прибытие в Китай // Правда. 1989. 16 мая.

- ³ 近三十年来苏联最高领导人首次访华 戈尔巴乔夫抵京 杨尚昆设宴欢迎 宾主宣布中苏关系已经有了一个新起点//人民日报, 1989年05月16日。(Первый за почти 30 лет визит в Китай высшего руководителя СССР. М. С. Горбачев прибыл в Пекин. Ян Шанкунь устроил банкет в его честь. Гость и хозяин объявили, что китайско-советские отношения достигли новой отправной точки // Жэньминь жибао. 16.05.1989).
- ⁴ См. примеч. 1.
- ⁵ 李鹏同戈尔巴乔夫举行会谈//人民日报, 1989年05月17日。(Ли Пэн проводит переговоры с М. С. Горбачевым // Жэньминь жибао. 17.05.1989).
- ⁶ 赵紫阳会见戈尔巴乔夫时说中苏两党关系将以四项原则为基础 社会主义面临严重挑战不改革没有出路//人民日报, 1989年05月17日。(На встрече с М. С. Горбачевым Чжао Цзыян заявил, что отношения между КПК и КПСС будут основаны на четырех принципах. Социализм сталкивается с серьезными вызовами, которые нельзя преодолеть без реформ // Жэньминь жибао. 17.05.1989).
- ⁷ Беседа с Чжао Цзыяном // Правда. 1989. 17 мая.
- ⁸ См. примеч. 6.
- ⁹ 中苏联合公报//人民日报, 1989年05月19日。(Совместное советско-китайское коммюнике // Жэньминь жибао. 19.05.1989).
- ¹⁰ 戈尔巴乔夫在上海//人民日报, 1989年05月19日。(М. С. Горбачев в Шанхае // Жэньминь жибао. 19.05.1989).
- ¹¹ 结束对中国正式访问戈尔巴乔夫离沪回国//人民日报, 1989年05月19日。(М. С. Горбачев возвращается в Советский Союз после завершения официального визита // Жэньминь жибао. 19.05.1989).
- ¹² 苏联新型的领导人 戈尔巴乔夫//人民日报, 1989年05月11日。(М. С. Горбачев – советский лидер нового типа // Жэньминь жибао. 11.05.1989).
- ¹³ 世界舆论欢迎中苏首脑会晤//人民日报, 1989年05月16日。(Мировое общественное мнение приветствует китайско-советскую встречу на высшем уровне // Жэньминь жибао. 16.05.1989).
- ¹⁴ 日巴印领导人欢迎中苏首脑会晤//人民日报, 1989年05月17日。(Японские, пакистанские и индийские лидеры приветствуют китайско-советскую встречу на высшем уровне // Жэньминь жибао. 17.05.1989).
- ¹⁵ 捷蒙意墨等国欢迎中苏高级会晤//人民日报, 1989年05月19日。(Чехословакия, Монголия, Италия и Мексика приветствуют китайско-советскую встречу на высшем уровне // Жэньминь жибао. 19.05.1989).
- ¹⁶ 图片//人民日报, 1989年05月15日。(Фотография // Жэньминь жибао. 15.05.1989).
- ¹⁷ 苏从民德和匈撤千余坦克//人民日报, 1989年05月16日。(Советский Союз вывел более 1000 танков из ГДР и Венгрии // Жэньминь жибао. 16.05.1989).
- ¹⁸ 苏开始从蒙撤军//人民日报, 1989年05月17日。(Советский Союз начал вывод войск из Монголии // Жэньминь жибао. 17.05.1989).
- ¹⁹ 苏已停止向尼提供军火//人民日报, 1989年05月18日。(Советский Союз прекратил поставки оружия Никарагуа // Жэньминь жибао. 18.05.1989).
- ²⁰ 戈尔巴乔夫在长城//人民日报, 1989年05月18日。(М. С. Горбачев на Великой Китайской стене // Жэньминь жибао. 18.05.1989).
- ²¹ См. примеч. 10.
- ²² 赖莎·戈尔巴乔娃//人民日报, 1989年05月14日。(Раиса Горбачева // Жэньминь жибао. 14.05.1989).
- ²³ 赖莎作客对外友协 章文晋致词欢迎//人民日报, 1989年05月16日。(Раиса Горбачева посещает Общество дружбы с зарубежными странами. Чжан Вэньцзинь произносит приветственную речь // Жэньминь жибао. 16.05.1989).
- ²⁴ 也谈《静静的顿河》的修改//人民日报, 1989年05月03日。(Также о редакции «Тихого Дона» // Жэньминь жибао. 03.05.1989).
- ²⁵ 乌兰诺娃今日风姿//人民日报, 1989年05月12日。(Стиль Улановой сегодня // Жэньминь жибао. 12.05.1989).
- ²⁶ 阿赫马托娃与中国文学//人民日报, 1989年05月13日。(Ахматова и китайская литература // Жэньминь жибао. 13.05.1989).
- ²⁷ 苏联当代作家艾特玛托夫//人民日报, 1989年05月23日。(Современный советский писатель Айтматов // Жэньминь жибао. 23.05.1989).
- ²⁸ 中苏文学家在京座谈//人民日报, 1989年05月16日。(Китайские и советские писатели провели дискуссию в Пекине // Жэньминь жибао. 16.05.1989).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Горбачев М. С. Жизнь и реформы. В двух книгах. Кн. 2. М.: АО «Издательство «Новости»», 1995. 656 с.
2. Горбачев М. С. Избранные речи и статьи. Т. 4. М.: Политиздат, 1987. 511 с.
3. Ли Инань. О вкладе М. С. Горбачева в нормализацию советско-китайских отношений и развитие российско-китайских отношений // Проблемы Дальнего Востока. 2021. № 2. С. 66–82.
4. Лукин А. В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XX веках. М.: Восток – Запад: АСТ, 2007. 608 с.
5. Песков Ю. С. Нормализация советско-китайских отношений // История Китая с древнейших времен до начала XXI века / Отв. ред.: А. В. Виноградов. М.: Наука, 2016. Т. 9. С. 472–475.
6. Самойлов Н. А. Социокультурное взаимодействие России и Китая: историография вопроса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология, востоковедение, журналистика. 2008. № 4–1. С. 135–142.

7. Цянь Цичэнь. Десять дипломатических событий. М.: Об-во дружбы и развития сотрудничества с зарубежными странами, 2005. 351 с.
8. 李慎明等。苏联亡党亡国的根本原因、教训与启示(上)——写在苏维埃社会主义共和国联盟成立100周年之际//世界社会主义研究, 2022年, 第9期。60–90、127页。(Ли Шэньмин и др. Основные причины, уроки и наставления распада КПСС и СССР (часть 1). Написано по случаю 100-летия образования Союза Советских Социалистических Республик // Исследования мирового социализма. 2022. № 9. С. 60–90, 127).

Поступила в редакцию 03.07.2025; принята к публикации 29.08.2025

Original article

Danila A. Bezrukov, Postgraduate Student, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-4107-2575; bezrukov_dan@mail.ru

REFLECTION OF MIKHAIL GORBACHEV'S OFFICIAL VISIT TO CHINA IN MAY 1989 IN THE *RENMIN RIBAO* NEWSPAPER

Abstract. The article examines the materials of the Chinese press addressing Mikhail Gorbachev's official visit to the People's Chinese Republic in May 1989. The visit marked the full normalization of Soviet-Chinese relations and the beginning of a new stage in their development. The novelty of the study lies in the formulation of the problem: the interpretation of the events and results of the visit is studied through the prism of official rhetoric reflected in the Chinese press. The purpose of the article is to identify and analyze the key features of the coverage of the visit in the Chinese media landscape based on the materials of the *Renmin Ribao*, the official body of the CPC Central Committee. It is concluded that Gorbachev's visit played a significant role in the transformation of China's official rhetoric towards the USSR and various aspects of its policy. By the end of the 1980s, previously confrontational and ideological rhetoric had given way to a more balanced and pragmatic approach towards the Soviet Union, recognizing it as one of the most significant potential partners on the global stage.

Keywords: normalization of Soviet-Chinese relations, Mikhail Gorbachev, Deng Xiaoping, Chinese media, *Renmin Ribao*

For citation: Bezrukov, D. A. Reflection of Mikhail Gorbachev's official visit to China in May 1989 in the *Renmin Ribao* newspaper. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(6):23–29. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1212

REFERENCES

1. Gorbachev, M. S. Life and reforms. In 2 vols. Vol. 2. Moscow, 1995. 656 p. (In Russ.)
2. Gorbachev, M. S. Selected speeches and articles. Vol. 4. Moscow, 1987. 511 p. (In Russ.)
3. Li, Yinan. M. Gorbachev's contribution to the normalization of Sino-Soviet relations and further development of Sino-Russian relations. *Far Eastern Affairs*. 2021;2:66–82. (In Russ.)
4. Lukin, A. V. The bear watching the dragon. The image of China in Russia from the XVII through the XX centuries. Moscow, 2007. 608 p. (In Russ.)
5. Peskov, Yu. S. Normalization of Soviet-Chinese relations. *History of China from ancient times to the early XXI century*. (A. V. Vinogradov, Ed.). Vol. 9. Moscow, 2016. P. 472–475. (In Russ.)
6. Samoylov, N. A. Sino-Russian socio-cultural interaction: historiography of the problem. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 9: Philology. Asian and African Studies. Journalism*. 2008;4-1:135–142. (In Russ.)
7. Qian, Qichen. Ten diplomatic events. Moscow, 2005. 351 p. (In Russ.)
8. 李慎明等。苏联亡党亡国的根本原因、教训与启示(上)——写在苏维埃社会主义共和国联盟成立100周年之际//世界社会主义研究。2022年。第9期。60–90、127页。

Received: 3 July 2025; accepted: 29 August 2025

ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВНА ДИАНОВА

доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
elena-dianowa@yandex.ru

СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ УЧЕНИЧЕСКИЕ ДРУЖИНЫ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРЕ В 1915–1916 ГОДАХ

А н н о т а ц и я . Описывается формирование трудовых дружин на Европейском Севере на примере Архангельской и Вологодской губерний в годы Первой мировой войны. Актуальность темы определяется необходимостью изучения истории дружин учащихся как формы популярного ныне волонтерского движения. На основе архивных и опубликованных документов впервые описываются создание и функционирование ученических дружин как детских и молодежных волонтерских объединений в северных губерниях. Цель и задачи публикации состоят в том, чтобы рассмотреть нормативно-правовое регулирование организации и деятельности трудовых ученических дружин; выявить источники финансирования, их число и руководящий состав, количество участников; осветить участие дружин в оказании помощи семьям призванных в армию крестьян. В ходе исследования удалось найти примеры создания и деятельности дружин при различных учебных заведениях в Архангельской и Вологодской губерниях. Показаны особенности формирования дружин в 1915–1916 годах, охарактеризовано их участие в сельскохозяйственных работах. Выявлены причины встречавшегося негативного отношения сельских жителей к дружинникам, а также сущность трудовых ученических дружин как формы волонтерского движения, предполагающей оказание помощи нуждающимся на безвозмездной основе.

Ключевые слова: Европейский Север, трудовые ученические дружины, волонтерство, сельскохозяйственные работы, безвозмездный труд

Благодарности. За помощь и консультацию благодарю доцента кафедры истории России ЛГУ имени А. С. Пушкина, кандидата исторических наук Веронику Викторовну Карпову.

Для цитирования: Дианова Е. В. Сельскохозяйственные ученические дружины на Европейском Севере в 1915–1916 годах // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 6. С. 30–42. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1213

ВВЕДЕНИЕ

С усилением роли волонтерства в жизни современного общества как социально значимой деятельности подрастающего поколения одной из актуальных тем научных поисков стала история детского и молодежного движения, различных добровольческих объединений молодежи и подростков, в том числе экономического / хозяйственного назначения, к которым относятся ученические сельскохозяйственные дружины, возникшие в период Первой мировой войны. Актуальность данной темы заключается в том, что обращение к историческому опыту путем изучения практики создания ученических дружин, одной из форм социального партнерства, позволяет установить преемственность традиций в во-

лонтерской деятельности по оказанию помощи семьям участников СВО, мобилизации молодежи для решения важных государственных задач.

Научная новизна исследования заключается в том, что в нем на основе различных источников описываются создание и функционирование ученических дружин как волонтерских объединений учащихся на Европейском Севере во время Первой мировой войны, созданных для облегчения труда в хозяйствах призванных в действующую армию крестьян, и анализ их деятельности в военные годы (1915–1916).

Цель статьи состоит в том, чтобы рассмотреть функционирование ученических дружин учащихся различных учебных заведений в Архангельской и Вологодской губерниях. Для достижения данной цели необходимо решить следующие

задачи: изучить нормативно-правовое регулирование деятельности дружин; выявить источники финансирования, руководящий состав ученических дружин, их число, количество участников; рассмотреть деятельность дружинников по оказанию помощи семьям мобилизованных солдат; выяснить отношение крестьян к городским ученическим дружинам; оценить их вклад в развитие волонтерского и патриотического движения в годы Первой мировой войны.

Методологической основой явились положения военно-исторической антропологии, объектом изучения которой «являются человек и общество в экстремальных условиях вооруженных конфликтов» [25: 46], различные аспекты жизни гражданского населения, взрослых и детей как в прифронтовой полосе, так и в глубоким тылу. Основные методы исследования – исторический нарратив и историко-сравнительный подход, что позволяет не только описать создание и деятельность ученических дружин на Европейском Севере, но и выявить сходства и различия этих добровольных трудовых объединений учащихся в различных губерниях региона.

Добровольные сельскохозяйственные объединения учащихся оказались в поле зрения современников, отразивших свои наблюдения в статьях, опубликованных в педагогических журналах и отдельных брошюрах. Так, А. В. Вельяминов-Зернов обратился к вопросу об организации первых трудовых дружин учащихся для оказания помощи семьям призванных в Минской губернии¹. По мнению педагога О. Н. Смирнова, война породила «новые формы содружества интеллигенции с трудовыми слоями» – дружины как «новый яркий показатель общественного отклика на нужды деревни». Поэтому «почин молодежи заслуживает самого серьезного и внимательного к себе отношения со стороны общественных учреждений»². Одним из первых советских исследований, наиболее полно отразивших историю юношеского движения в России, стала изданная в 1931 году книга И. Кулешова «Из истории движения среди учащихся средних учебных заведений (с 90-х годов по октябрь 1917 г.)». В ней собран «обширный, интересный материал», тогда еще слабо освещенный «в нашей истомольской литературе». Согласно господствовавшим тогда идейным установкам, автор, вскрыв «социально-классовые корни гимназического движения», сделал акцент на подпольных политических кружках и росте революционных настроений учащихся,

осуждавших «казарменно-полицейский режим» в учебных заведениях³.

Среди трудов общего содержания, посвященных детскому, молодежному и общественно-педагогическому движению в императорской России, следует указать работы С. И. Беленцова [2], В. А. Кудинова [18], В. П. Минаковой и И. В. Фомичева [20], Ю. А. Петрушина [21], Е. Н. Полищук [22] и др. В них представлена история возникновения и развития молодежного движения, дана характеристика ученических, военно-патриотических и скаутских организаций, культурно-просветительных обществ. Как полагает Е. Н. Полищук, «история движения студентов, учащихся и семинаристов, особенно в начале XX века, однозначно свидетельствует о формировании в России зачатков гражданского общества» [22: 206].

За последние годы сложилась довольно обширная историография о деятельности ученических дружин в крестьянских хозяйствах разных губерний страны до Октябрьской революции 1917 года. К работам обобщающего характера относятся брошюра В. П. Минаковой [19], статья А. И. Чубарова [33]. Движение по созданию дружин в помощь солдатским семьям охватило многие губернии страны. Из научных публикаций известно об организации трудовых дружин учащихся в Центральном Черноземье [3] и Западной Сибири (на примере Барнаула) [26], на территории Алтайского округа [6], [27], [28], а также в Калужской [10], Курской [7], Минской [24], Таврической, Бессарабской [17] и других губерниях. Белорусский почин по организации трудовых сельскохозяйственных дружин учащихся в годы Первой мировой войны описан в статье И. В. Фомичева и В. М. Крюкова [32].

Большое число публикаций о деятельности трудовых дружин учащихся в годы Первой мировой войны принадлежит В. В. Карповой. В своих статьях она описывает повседневную жизнь их участников [15], анализирует вопросы рентабельности трудовых объединений школьников [13], опыт взаимодействия сельского населения и членов ученических дружин [11], рассматривает региональную специфику [16] и организационные особенности формирования ученических дружин в 1915 году [14]. Среди причин возникновения трудовых ученических дружин в годы Первой мировой войны исследователи указывают на недостаток рабочей силы в сельском хозяйстве, так как даже «первая мобилизация 1914 года, объявленная во время уборки хлебов, оставила без работников довольно зна-

чительное число крестьянских хозяйств» [4: 141]. Ученические трудовые дружины должны были заменить в крестьянских хозяйствах мужчин, мобилизованных в ряды действующей армии, потому что «уже летом – осенью 1914 г. стала ощущаться нехватка рабочих рук в сельской местности. С последующими мобилизациями ситуация стала только ухудшаться». Поэтому, чтобы «помочь семьям мобилизованных нижних чинов в уборке и посеве полей», формировались ученические сельскохозяйственные дружины [33: 185].

Современные исследователи выявляют специфику и характер трудовых дружин. Так, А. И. Чубаров считает, что трудовые дружины являются «одной из форм мобилизации трудовых ресурсов в условиях, вызванных нехваткой рабочих рук» [33: 185]. А. И. Потворов также видит в организации сельскохозяйственных дружин учащихся «элемент трудовой мобилизации в годы Первой мировой войны» [23: 69]. С. В. Букалова рассматривает дружины не только как «форму мобилизации трудовых ресурсов в условиях их нехватки», но и «одновременно как форму социализации молодежи, т. е. проявление государственной молодежной политики» [4: 141].

Формирование ученических трудовых дружин выступает как пример волонтерской деятельности учащейся молодежи во время Первой мировой войны [1], а трудовая помощь школьников в военные годы – «как одна из форм патриотического воспитания в России» [29] и «практика благотворительной работы» [9]. Вместе с тем «добровольческий труд учащихся был, с одной стороны, формой мобилизации необходимых трудовых ресурсов в условиях военного времени, с другой стороны – проявлением государственной молодежной политики». Волонтерское движение учащейся молодежи рассматривается «как высшее проявление гражданского долга» и как один из способов получения «дополнительных кадровых ресурсов» [8: 119].

Региональная литература представлена трудами о Первой мировой войне, в которых так или иначе упоминается о создании трудовых дружин учащихся в северных губерниях. К ним относятся монография Т. И. Трошиной «Великая война и северный край: Европейский Север России в годы Первой мировой войны» [30]; статья Н. И. Голиковой и Т. Н. Смелковой о взаимодействии государственных учреждений и общественных организаций в годы Первой мировой войны (по материалам Вологодской губернии) [5]; статья Т. И. Трошиной о влиянии социальных мероприятий государства на крестьянское

население в северных губерниях, вошедшая в сборник материалов международной конференции «Первая мировая война и Европейский Север России» (Архангельск, 2014) [31]. Сведения об ученических объединениях при учебных заведениях в северных губерниях содержатся в статье В. В. Карповой о региональных особенностях деятельности трудовых дружин учащихся в годы Первой мировой войны [16].

В нашей статье в качестве источников использовались опубликованные материалы: справочники, издаваемые с целью нормативно-правового регулирования организации трудовых дружин⁴; журналы Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну⁵; журналы Министерства народного просвещения⁶. Несколько сообщений о работе ученических дружин в Вологодской губернии напечатал кооперативный журнал «Северный хозяин».

Учебные заведения Архангельской и Вологодской губерний входили в Петроградский учебный округ. Большой объем фактического материала о школьных трудовых дружинах Петроградского учебного округа содержится в фондах Российского государственного исторического архива (РГИА), в частности в фонде 733 (Министерство народного просвещения). Подробный анализ основных документов РГИА по деятельности ученических сельскохозяйственных трудовых дружин в годы Первой мировой войны дан в статье В. В. Карповой [12].

Таким образом, источниковая база вполне репрезентативна и позволяет исследовать создание и деятельность дружин учащихся различных учебных заведений Европейского Севера в годы Первой мировой войны.

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТРУДОВЫХ УЧЕНИЧЕСКИХ ДРУЖИН

Нормативно-правовое регулирование организации и деятельности трудовых дружин учащихся осуществлялось по линии Главного управления землеустройства и земледелия (ГУЗИЗ) и Министерства народного просвещения (МНП). В 1914 году трудовую помощь в сборе урожая хозяйствам воинов оказывали учащиеся низших сельскохозяйственных школ и средних учебных заведений ГУЗИЗ. Главное управление землеустройства и земледелия 28 июля, 2 августа и 9 октября 1914 года издало циркулярные распоряжения, предназначенные инспекторам сель-

ского хозяйства, правительственным агрономам, директорам средних земледельческих училищ и управляющим низшими сельскохозяйственными школами, с предложением

«принять живое участие в организации и осуществлении помощи семьям запасных и ратников»; «привлечь к общей работе в указанном направлении всех правительственных агрономических чинов, оказать содействие в этом патриотическом деле различным местным сельскохозяйственным учреждениям»⁷.

Первоначально добровольное движение по оказанию трудовой помощи крестьянским хозяйствам возникло среди учащейся молодежи Минской, Витебской, Виленской губерний. В 1914 году в работах по оказанию помощи хозяйствам крестьян, мобилизованных в армию, приняли участие 79 школ из 48 губерний и областей [19: 3]. В 1915 году Главное управление землеустройства и земледелия своим циркуляром от 14 марта 1915 года в школах ГУЗИЗ отменило переводные экзамены для учеников, имевших по всем предметам удовлетворительные оценки. Департамент земледелия 25 апреля 1915 года предложил советам учебных заведений

«составить на 1915 год план учебно-практических занятий и практических летних работ с таким расчетом, чтобы часть учащихся и учащихся учебного заведения имела возможность оказать своевременную помощь местному крестьянскому населению в предстоящих сезонных сельскохозяйственных работах как своим личным трудом, так и мертвым и живым инвентарем»⁸.

26 июня 1915 года Главноуправляющий землеустройства и земледелия приказом обязал все подведомственные средние и низшие школы сельского хозяйства принять на себя «руководство полевыми работами учеников общеобразовательных учебных заведений», что сыграло «положительную роль в более грамотном и эффективном использовании труда сельскохозяйственных дружин» [19: 4]. Данное распоряжение ГУЗИЗ было вызвано тем, что еще 6 июня 1915 года министр народного просвещения П. Н. Игнатьев издал циркуляр, способствовавший широкому распространению школьных трудовых дружин. Циркуляр МНП обращал внимание попечителей учебных округов на необходимость «всеми мерами содействовать организации таких дружин» из учащихся-добровольцев не только средних, но и других учебных заведений, приняв к руководству «Основные правила организации трудовых дружин учащихся старших классов учебных заведений МНП в Минской губернии»⁹.

Трудовые дружины создавались

«из состава учащихся старших классов учебных заведений Министерства народного просвещения по-уездно путем добровольных записей самих учащихся с ведома их учебного начальства и надлежащего, если потребуется, согласия родителей»¹⁰.

В дружины объединялось не более 15–20 человек. Как правило, их возглавляли местные учителя народных школ. Как добровольцы дружинники-учащиеся за свой труд не имели «никакого особого вознаграждения», от обслуживаемых крестьянских хозяйств они могли получить «лишь кров и обычное крестьянское довольствие». Дружинники не должны были «отказываться от исполнения всех главнейших сельскохозяйственных работ в крестьянских хозяйствах», но могли рассчитывать «на особые указания от агрономического персонала»¹¹.

Всего в 1915 году в школах Министерства народного просвещения 23 губерний было создано 265 трудовых дружин, куда вошло 7025 учащихся, принявших участие в полевых работах по оказанию помощи крестьянским семьям [19: 6].

В начале 1916 года в связи с новыми призывами на военную службу перед государством и обществом опять встала, но «еще в более острой форме задача обеспечить всеми доступными средствами и способами нормальный, по возможности, ход полевых работ». Дружины создавались с целью

«поселить в защитниках родины, грудью отстаивающих родные очаги от иноземного натиска, уверенность, что все, не несущие непосредственных тягот боевой жизни, приложат все усилия к оказанию всеяческой помощи оставленным семьям в их трудовой страде, и влить в них бодрость и силы к одолению упорного врага»¹².

Исходя из того, что опыт 1915 года по организации трудовых дружин из учащихся-добровольцев для оказания помощи семьям крестьян, призванных в армию, в полевых работах дал «известные результаты», прежде всего реальное содействие своевременной уборке полей, министр народного просвещения П. Н. Игнатьев 17 февраля 1916 года издал циркуляр № 2473 «О трудовых дружинах». В этом циркуляре он вновь обратился

«к нашей отзывчивой на всякое благое начинание учащейся молодежи с горячим призывом отдать свой летний досуг на дело помощи в полевых работах семьям защитников Родины»¹³.

В целях облегчения организации добровольных объединений учащихся Департамент народного просвещения разработал новые «Правила о трудовых дружинах учащихся» от 20 апреля

1916 года, согласно которым трудовые дружины учащихся создавались «для пополнения недостатка рабочих сил в сельском хозяйстве» и предназначались для трудовой помощи семьям воинов во время весенних полевых работ, а также работ по уборке сена и урожая. Как и прежде, учащиеся входили в дружины на добровольных началах, но «в надлежащих случаях с согласия родителей или заменяющих их лиц». Правила оговаривали безвозмездный характер работы членов дружин: «Дружинники за свой труд не получают никакого вознаграждения». При необходимости крестьянские хозяйства «должны предоставлять им кров и обычное крестьянское довольствие за особую плату». Для изыскания средств, необходимых на содержание дружин и оплату услуг крестьян, можно было обратиться в земство или отделение Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны. Денежные средства дружинам отчислялись также из специальных сумм учебных заведений¹⁴.

Комиссия по внешкольному сельскохозяйственному образованию при Департаменте земледелия разработала «Планы устройства трудовых дружин учащихся» и определила основные виды трудовых объединений: дружины по полевым сельскохозяйственным работам; дружины по огородничеству; дружины для сбора лекарственных трав. Дружины, куда входило 25–50 человек, могли приложить свои усилия в хозяйствах нуждающихся в трудовой помощи семей воинов, призванных на войну, а также в казенных, школьных, земских и частных хозяйствах. Дружины по полевым сельскохозяйственным работам образовывались для «пополнения недостатка в рабочих силах». Для них определялись виды работ (обработка почв, производство посевов, уход за полевыми растениями, уборка трав и хлебов) и среднее число работников на одну казенную десятину в зависимости от характера и сложности сельскохозяйственных занятий.

Расчет числа работников¹⁵
Estimated number of employees

Ручные работы	Количество работников на 1 казенную десятину
Мотыжить, окучивать картофель, свеклу	15–25 человек
Косить косами траву, хлеб	2–4 человека
Вязать хлеб в снопы за косцом	3–8 человек
Жать серпом с вязкою в снопы	8–12 человек
Сушить – ворошить, сгребать и копнить сено, смотря по урожаю	2–8 человек
На укладку сена в стога на 300 пудов сена с подвозкой	3 человека

Для дружинников, занятых на упряжных работах, устанавливались нормы рабочего времени. Для вспашки одной десятины однокорпусным плугом с двумя лошадьми требовалось два рабочих дня. За один 10-часовой рабочий день нужно было заборонить железной бороной при двух лошадях участок в 2–4 десятины, засеять рядовой сеялкой при двух лошадях и трех рабочих 3–4 десятины или выкосить траву косилкой при двух лошадях на лугу размером 3,5–5 десятин. Для выполнения всех указанных работ каждую дружину полагалось «снарядить необходимыми инструментами, орудиями, машинами и рабочим скотом, т. е. организовать передвижной сельскохозяйственный обоз»¹⁶.

В соответствии с очередным циркуляром МНП «О трудовых дружинах» от 27 апреля 1916 года начальники учебных округов дали указания приступить к организации «трудовых дружин из учащихся-добровольцев для оказания семьям мобилизованных помощи в полевых работах». Помимо «практической пользы для нуждающегося в трудовой помощи сельского населения», по мнению министра, участие в полевых работах учащейся молодежи имело для нее «большое воспитательное значение»¹⁷.

Министр народного просвещения выражал глубокую уверенность, что

«осмысленный физический труд учащихся на чистом деревенском воздухе, в здоровой сельской обстановке должен отразиться самым благоприятным образом не только на физическом здоровье учащихся, но и на их психике»¹⁸.

Участие городских школьников в трудовой помощи семьям призванных

«освежит их впечатления, какие дает только сельская природа, действующая умиротворяющим и бодрящим образом на душу человека»; способствует «конкретному познанию трудовой жизни русского крестьянства в ее обычной (естественной) обстановке»¹⁹.

В 1916 году наряду с полевыми дружинами учащихся появились огородные дружины, куда могли войти не только старшеклассники, но дети 10–12 лет. Летом 1916 года в 24 губерниях и областях Российской империи действовали 274 полевых и огородных ученических дружины. В них участвовало почти 6 тысяч человек [16: 137].

В связи с тем что организацией трудовых дружин занимались учебные заведения различных ведомств, возникла необходимость упорядочить их организационные установки. Попытка выработать общие правила, приемлемые для всех ученических дружин, была осу-

ществлена на Межведомственном совещании по школьным дружинам, проходившем 2–3 января 1917 года [16: 134].

Самодетельные сельскохозяйственные дружины учащихся, появившиеся в отдельных губерниях в начале Первой мировой войны, быстро оказались под контролем Министерства народного просвещения, Главного управления землеустройства и земледелия, Департамента земледелия. Их распоряжения и циркуляры инструктивного характера регулировали как создание дружин, так и непосредственную деятельность дружинников.

ТРУДОВЫЕ УЧЕНИЧЕСКИЕ ДРУЖИНЫ В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ

На Европейском Севере первые трудовые ученические дружины появились в 1915 году в учебных заведениях, входивших в Петроградский учебный округ. В Архангельской губернии одна дружина была организована при Ломоносовской мужской гимназии города Архангельска, в нее записался 21 человек. Дружиной руководили специалисты и агрономы Архангельского управления земледелия и государственных имуществ. Хозяйственной частью заведовали преподаватели гимназии²⁰.

В 1916 году в Архангельской губернии действовали уже две дружины. Одна дружина возникла при Ломоносовской мужской гимназии Архангельска, другая – при Пинежском высшем начальном училище (18 человек). Гимназическая дружина находилась под руководством директора гимназии, исполняющего обязанности инспектора, агронома Управления земледелия и государственных имуществ Архангельской губернии. Дружиной Пинежского высшего начального училища руководил инспектор училища.

Денежные средства в размере 100 руб. на содержание дружины Ломоносовской мужской гимназии выделил Архангельский отдел Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям. Что касается питания, то дружинники «питались собственными провиантами, молоко по большей части давали крестьяне бесплатно». Гимназисты привлекались к огородным и сенокосным работам. Они окучивали капусту ручными культиваторами и опрыскивали ее для уничтожения вредителей; на сенокосе работали косилкой системы Деринга. Учащиеся «быстро освоились с инструментами и вполне справились со своими обязанностями». В целом работа производилась на 41 участке площадью 11900 кв. саже-

ней. Несмотря на то что рабочий день длился с 7 часов утра до 9 часов вечера с перерывом на обед, дружинники «возвращались домой усталые, но довольные». Здоровье у всех «было превосходным»²¹.

Для содержания дружинников Пинежского высшего начального училища особых «затрат не было, так как работы производились в 2–3 верстах от города». Учащиеся самостоятельно добирались на работу и после трудового дня домой. В течение лета 1916 года они возделывали картофельное поле в 300 кв. сажень и работали на сенокосе. На вопрос анкеты «Как отразился труд на здоровье и психическом состоянии учащихся?» руководитель отвечал: «Большинство дружинников принадлежали к детям, привыкшим к указанным работам, а потому обстановка не оказала на них особого влияния, но идея и цель этих работ воодушевляли»²².

Надо сказать, что привлечение школьников на сельхозработы в хозяйства крестьян, ушедших на войну, совпало с намерениями властей поддерживать семьи воевавших на фронте солдат. В Архангельской губернии без работников осталось 12,5 % хозяйств, при этом наем работников ими не практиковался [30: 257]. Еще в начале Первой мировой войны губернатор, проявив заботу об улучшении положения семей лиц, мобилизованных в действующую армию, дал указание немедленно собрать сельские сходы

«для составления приговоров об организации общественных бесплатных работ по уборке с лугов и полей сена и хлеба тем семействам нижних чинов, в которых не осталось ныне работников и где возможны случаи оставления неубранным».

Распоряжение губернатора обязало крестьян – односельчан «призванных в войска нижних чинов непременно и притом совершенно бесплатно убирать урожай сена и хлеба»²³. Однако односельчане не спешили откликнуться на призыв губернатора. Во время Первой мировой войны в северных губерниях физический труд «стал очень хорошо оплачиваться». Крестьяне уходили на портовые и дорожные работы, так как неземледельческие промыслы приносили неплохие заработки. Зачастую «крестьяне не только не помогали нуждающимся солдатским семьям, но нередко забрасывали и свое хозяйство». Неслучайно «произошло сокращение мирской помощи» [30: 259, 263]. Сельские жители считали, что солдаты (женщины, чьи мужья служили в солдатах) получали пособие и на эти деньги могли нанять работников, а не пользоваться бесплатным трудом городских школьников.

ТРУДОВЫЕ УЧЕНИЧЕСКИЕ ДРУЖИНЫ В ВОЛОГОДСКОЙ ГУБЕРНИИ

В 1915 году в Вологодской губернии организовывались дружины из учащихся учебных заведений Министерства народного просвещения, а также других ведомств. В Вологодской мужской гимназии императора Александра Благословенного смогли создать четыре дружины (60 человек), в Александровском реальном училище – две дружины (20 человек). В Вологде удалось организовать дружину из учащихся торговой школы и две дружины из учеников 1-го и 2-го высших начальных земских училищ²⁴. По другим данным, в 1915 году на полях крестьян работали еще две дружины из воспитанников Вологодской духовной семинарии. Всего в 1915 году в Вологде возникло 11 ученических дружин, объединявших 178 человек²⁵.

В двух других уездах Вологодской губернии также появились дружины учебных заведений МНП. Великоустюгская мужская гимназия сообщила о создании лишь одной дружины из 23 человек, как и Тотемская учительская семинария, куда вошли все ее ученики²⁶. Всего в 1915 году в Вологодской губернии действовало 11 ученических дружин, созданных из учащихся учебных заведений ведомства МНП, и две дружины, образованные из воспитанников Вологодской духовной семинарии.

Дружины из Вологды получили названия по той волости Вологодского уезда, куда они направлялись на сельскохозяйственные работы. Дружины Вологодской мужской гимназии назывались Архангельская, Высоковская, Ломтевская, Хреновская. В Высоковской и Сычевской волостях обосновались дружины духовной семинарии. В Оларевской и Ватлановской волостях трудились учащиеся реального училища, в Спасской волости работала дружина торговой школы. Ученики 1-го высшего начального училища объединялись в Фетиньинскую дружину, ученики 2-го высшего начального училища – в Семенковскую дружину²⁷.

Все дружины действовали под руководством учителей народных училищ, преподавателей и помощников классных наставников. Ватлановской дружиной руководил сельский священник, Сычевской – сельскохозяйственный староста. Дружина Великоустюгской мужской гимназии находилась под руководством земского агронома, учителя гимназии и сельского старосты в качестве инструктора. В обязанности руководителей входили вопросы переезда учеников на место,

заготовки продуктов, подыскания крестьянских хозяйств, в которых учащиеся могли бы приложить свои усилия.

Руководитель ученической дружины распределял денежные средства и вел финансовую отчетность. Средства для отправки учащихся в сельскую местность формировались из разных источников. На деньги, выделенные педагогическим советом Тотемской учительской семинарии, сформировалась дружина из ее воспитанников²⁸.

Вологодское уездное земское собрание выделило денежные средства в сумме 6850 руб. На эти деньги создавались дружины из учеников учебных заведений Вологды, в том числе Вологодской мужской гимназии императора Александра Благословенного. Учащимся-дружинникам министр просвещения разрешил не приступать к учебным занятиям до 26 сентября 1915 года [5].

В Вологодском уезде в августе 1914 года была создана комиссия Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию помощи семьям лиц, призванных на войну. На средства комиссии были приобретены 25 молотилок и 13 веялок, которые под контролем агрономического персонала Вологодского уездного земства использовались дружинами и самими семьями для полевых работ [5]. В 1915 году Вологодское отделение Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны по ходатайству заведующего агрономической помощью в губернии ассигновало 5200 руб. на помощь беднейшим семьям воинов в уборке урожая и посеве озимых хлебов в Вологодском, Вельском, Грязовецком и Никольском уездах²⁹.

В хозяйствах крестьян, призванных на военную службу, дружинники в основном привлекались к обмолоту на ручных молотилках и провеиванию урожая на веялках. Ученики косили овес, возили снопы, насаживали снопы на жерди в овинах для просушки, рубили дрова и т. п. Технической стороной дела занимался агрономический персонал. Участковые земские агрономы пускали в ход молотилки и веялки, давали дружинникам указания относительно ведения тех или иных работ.

Воспитанники Тотемской учительской семинарии сжали 49 суслонов ржи, 1093 суслона овса и ячменя, очистили овин ячменя, убрали картофель. Дружина Великоустюгской мужской гимназии оказала помощь 18 семьям, приняв участие в уборке трав и хлеба. Ватлановская и Оларевская дружины учащихся реального училища занимались косью травы, уборкой сена, молоть-

бой, рубкой леса, пилкой дров, оказав помощь 24 семьям³⁰.

На местах кооперативные организации тоже предприняли попытку создания трудовых дружин. В 1915 году члены кооперативов Вельского уезда признали необходимость оказания помощи семьям запасных из своих членов, для чего в районе деятельности каждого кооператива предлагалось организовать «дружину помощи семьям запасных». В дружины могли войти представители правления кооператива и все трудоспособные мужчины данного района. Дружина выбирала свой совет, который и должен был решать, какое из хозяйств запасных нуждается в помощи. В деревнях во время весенних и летних работ совет мог открыть ясли для детей из нуждающихся семей. Предлагалось собрать сведения о количестве семян, необходимых для посева семьям воинов, и сообщить их местному кооперативу³¹. Однако правила создания и деятельности дружин не соответствовали организационным принципам кооперации, поэтому идея об организации дружин на безвозмездной основе не нашла поддержки у кооператоров.

В 1916 году в Вологодской губернии расширилась география создания дружин, но их количество сократилось до трех. Одна дружина сформировалась из учащихся Тотемского реального училища, другая – из учеников Великоустюгской мужской гимназии (10 человек), третья – из воспитанниц Сольвычегодской женской гимназии (12 человек). Как видим, по сравнению с 1915 годом произошло сокращение числа дружин и их численного состава.

Руководство дружинами возлагалось на преподавателей учебных заведений, а дружиной Великоустюгской мужской гимназии руководил также и ее директор. По его поручению на организацию дружины была выдана сумма в размере 51 руб. из специальных средств гимназии. Орудия для работы и лошадь для перевозки дружинников предоставило уездное земство. Для создания дружины Тотемского реального училища «расхода не было». Дружина Сольвычегодской женской гимназии существовала на средства земства.

Учащиеся Тотемского реального училища «отправлялись на работу в 10 часов утра, возвращались в 7 часов вечера». Они «жали хлеб; работали охотно и серьезно относились к делу», хотя «родители неохотно отпускали на работы детей ввиду недостатка обуви». В результате помощь оказали пяти семьям.

Дружинники Великоустюгской мужской гимназии 12 дней трудились на уборке сена. Работа шла так хорошо, что «дружина сожалела, что мало пришлось поработать». Между тем «крестьяне видели в дружинниках себе конкурентов, избавлявших солдаток от необходимости нанимать на работу тех же крестьян, и потому относились к дружинникам недоброжелательно». В результате «дружинники вынесли довольно отрицательное впечатление о жителях деревни»³². Впрочем, исследователи установили, что

«повсеместно отмечалось недоверие со стороны крестьянства к самим дружинникам, чужеродному городскому элементу, и к трудовому потенциалу дружин, состоящих из необученной и непривычной к сельским работам молодежи» [16: 128].

В Вологодской губернии во время Первой мировой войны осталось без работников 10,8 % хозяйств, только пятая часть из них нанимала батраков [30: 257]. Бесплатная помощь горожан сбивала цены на рынке рабочей силы, хотя солдатики нередко надеялись на даровую мирскую помощь со стороны соседей. Неприязненное отношение сельских жителей к городской молодежи обуславливалось соперничеством со стороны наемных работников и их хозяев, а также завистью к тем односельчанам, кто получал помощь, со стороны тех крестьян, кто оказался лишен содействия трудовых дружин.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, организация и деятельность трудовых ученических дружин регулировались различными циркулярами и распоряжениями Главного управления землеустройства и земледелия, Департамента земледелия и Министерства народного просвещения. Нормативно-правовое регулирование выразилось в разработке «Правил о трудовых дружинах учащихся», которые регламентировали создание дружин и их непосредственную деятельность.

В 1915–1916 годах на Европейском Севере ученические дружины создавались в учебных заведениях, входивших в Петроградский учебный округ. В 1915 году в Архангельской губернии удалось сформировать одну дружину – в Архангельске из учащихся Ломоносовской мужской гимназии. В Вологодской губернии в 1915 году движение по созданию трудовых дружин нашло горячий отклик у учащихся гимназий и училищ разных ведомств. Тогда сформировались 11 ученических дружин, созданных из учащихся учебных заведений ведомства Ми-

нистерства народного просвещения, и две дружины, образованные из воспитанников Вологодской духовной семинарии. В 1915 году такое количество трудовых объединений в Вологодской губернии (11 дружин) было самым большим среди всех губерний Петроградского учебного округа. В 1916 году в Вологодской губернии движение пошло на спад, там смогли организовать только три дружины, а в Архангельской губернии – уже две дружины. По сравнению с другими губерниями Петроградского учебного округа численный состав дружин северных губерний был немногочисленным, да и количество дружин было невелико.

Для организации ученических дружин использовали разные источники финансирования. Необходимые средства предоставляли Архангельский отдел Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям, Педагогический совет Тотемской учительской семинарии, Вологодское уездное земское собрание. Дружины получали деньги также из специальных средств гимназий или училищ. В состав руководителей ученических дружин входили директора гимназий, инспекторы народных училищ, преподаватели учебных заведений, земские агрономы, сельскохозяйственные старосты.

Трудовая помощь дружин стала проявлением благотворительности и общественного призрения. Дружинники добровольно оказывали помощь семьям мобилизованных солдат в сельскохозяйственных работах. Бескорыстная дея-

тельность ученических трудовых дружин имела большое воспитательное значение для самих учащихся. Судя по отчетам руководителей, учащиеся, как правило, работали прилежно и охотно. Экономический эффект для всех хозяйств фронтовиков в целом был незначительным, поскольку помощь смогли оказать лишь малому количеству нуждающихся семей, поэтому отношение сельских жителей к дружинникам не везде было доброжелательным. Волонтерство встретило такие негативные формы социального взаимодействия, как конкуренция и соперничество.

Во многих уездах северных губерний дружины так и не появились. Причиной стала принципиальная установка деятельности дружин – труд осуществлялся на безвозмездной основе. Учащиеся вступали в дружины из альтруистических побуждений. Согласно «Правилам о трудовых дружинах учащихся», волонтеры не могли рассчитывать на какое-либо материальное поощрение. В то же время на Европейском Севере широкое распространение получило кооперативное движение, основанное на материальной заинтересованности, что привлекло в кооперативные общества и товарищества большую часть населения губерний. Тем не менее создание и деятельность трудовых ученических дружин в годы Первой мировой войны можно расценивать как положительную тенденцию в формировании волонтерского и патриотического движения молодежи, развитии гражданских инициатив на Европейском Севере.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Вельяминов-Зернов А. В. К вопросу об организации первых трудовых дружин учащихся для оказания помощи семьям призванных в Минской губернии. М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1916. 35 с.
- ² Смирнов О. Н. Дружины молодежи. На помощь деревне // Народный учитель. 1915. № 13. С. 1.
- ³ Кулешов И. Из истории движения среди учащихся средних учебных заведений (с 90-х годов по октябрь 1917 г.). М.: ОГИЗ: Молодая гвардия, 1931. С. 5, 6.
- ⁴ Трудовые дружины и их устройство: Сборник справочных сведений, составленный Комиссией по внешкольному сельскохозяйственному образованию, состоящей при Департаменте земледелия. Пг.: Типография В. Ф. Киршбаума, 1916. 36 с.
- ⁵ Ежемесячник Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну. М.: Типография А. Н. Иванова, 1915–1916.
- ⁶ Журнал Министерства народного просвещения. 1916. Новая серия. Ч. 62.
- ⁷ Трудовые дружины и их устройство: Сборник справочных сведений... С. 13.
- ⁸ Там же. С. 14, 15.
- ⁹ Там же. С. 17, 18.
- ¹⁰ Вельяминов-Зернов А. В. К вопросу об организации первых трудовых дружин учащихся... С. 33.
- ¹¹ Там же. С. 33, 34.
- ¹² Трудовые дружины и их устройство: Сборник справочных сведений... С. 20.
- ¹³ Журнал Министерства народного просвещения. 1916. Новая серия. Ч. 62, № 4. С. 80.
- ¹⁴ Трудовые дружины и их устройство: Сборник справочных сведений... С. 22.

- ¹⁵ Там же. С. 8.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Журнал Министерства народного просвещения. 1916. Новая серия. Ч. 62, № 7. С. 22.
- ¹⁸ Там же.
- ¹⁹ Там же. С. 23.
- ²⁰ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 733. Оп. 196. Д. 948. Л. 2–3.
- ²¹ Там же. Л. 31 об.–32.
- ²² Там же.
- ²³ Карелия в годы Первой мировой войны: Сборник документов и материалов. Петрозаводск: Verso, 2014. С. 236, 237.
- ²⁴ РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 948. Л. 2–4.
- ²⁵ Из отчета о работах ученических дружин в Вологодском уезде в 1915 году // Дела милосердия. Из истории добровольчества (волонтерства), благотворительности: По архивным документам ГАВО [Электронный ресурс]. Режим доступа: 1544162565.pdf (дата обращения 22.01.2025).
- ²⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 948. Л. 2–4.
- ²⁷ Из отчета о работах ученических дружин в Вологодском уезде в 1915 году...
- ²⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 948. Л. 2–4.
- ²⁹ Ежемесячник Комитета великой княгини Елизаветы Федоровны по оказанию благотворительной помощи семьям лиц, призванных на войну. 1915. № 2. С. 45.
- ³⁰ РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 948. Л. 31 об.–32.
- ³¹ Северный хозяин. 1915. № 6. С. 10.
- ³² РГИА. Ф. 733. Оп. 196. Д. 948. Л. 32 об.–33.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бахтин В. В. Волонтерская деятельность учащейся молодежи Центрального Черноземья в годы Первой мировой войны // Бюллетень социально-экономических и гуманитарных исследований. 2021. № 11 (13). С. 97–106.
2. Беленцов С. И. Ученическое движение в России: вторая половина XIX – начало XX века. СПб.: Нестор-История, 2013. 184 с.
3. Букалова С. В. Трудовая помощь солдатским семьям Центрального Черноземья в годы Первой мировой войны // Исторический журнал: научные исследования. 2020. № 5. С. 147–156.
4. Букалова С. В. Трудовые дружины учащихся как форма реализации молодежной политики в годы Первой мировой войны // Вестник государственного и муниципального управления. 2015. № 2 (17). С. 141–147.
5. Голикова Н. И., Смелкова Т. Н. К вопросу о взаимодействии государственных учреждений и общественных организаций в годы Первой мировой войны (по материалам Вологодской губернии) // Историческое краеведение и архивы: Сб. ст. Вып. 9. Вологда, 2003. С. 133–140 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.booksite.ru/war1914/2_st-61.html (дата обращения 22.01.2025).
6. Гордиенко О. Н. Организация трудовых дружин учащихся в помощь солдатским семьям на территории Алтайского округа в период Первой мировой войны // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2008. № 3 (77). С. 83–85.
7. Горлова Н. И. История возникновения и развития добровольных трудовых дружин учащихся как формы волонтерской деятельности молодежи на территории Курской губернии в годы Первой мировой войны // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 5 (194). С. 123–128.
8. Горлова Н. И. Становление и развитие института волонтерства в России: история и современность. М.: Ин-т Наследия, 2019. 290 с.
9. Долидович О. М. Учащиеся Барнаула в практике благотворительной работы в годы Первой мировой войны // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 409. С. 47–54.
10. Дорохина М. Н. Деятельность трудовых дружин учащихся в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. (по материалам Государственного архива Калужской области) // Платоновские чтения: XXIX Всерос. конф. молодых историков (Самара, 8–9 декабря 2023 г.): Материалы и доклады. Самара: САМАРАМА, 2024. С. 186–188.
11. Карпова В. В. «Встреча города и деревни»: опыт взаимодействия школьников и сельского населения в годы Первой мировой войны (на примере деятельности сельскохозяйственных ученических дружин) // Природно-географические факторы в повседневной жизни населения России: история и современность: Материалы междунар. науч. конф., Пушкин, 14–16 марта 2019 г. / Отв. ред. В. А. Веремченко. СПб., 2019. Т. 2. С. 37–43.

12. Карпова В. В. Деятельность ученических сельскохозяйственных трудовых дружин в годы Первой мировой войны в документах Российского государственного исторического архива // Клио. 2023. № 1 (193). С. 13–20.
13. Карпова В. В. К вопросу о рентабельности деятельности ученических трудовых дружин в годы Первой мировой войны (1915–1916 гг.) // Материальный фактор и предпринимательство в повседневной жизни населения России: история и современность: Сб. материалов междунар. науч. конф. / Под общ. ред. проф. В. Н. Скворцова, Отв. ред. В. А. Веремко. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2016. С. 370–377.
14. Карпова В. В. К вопросу об организационных особенностях формирования ученических трудовых дружин в 1915 г. // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: Материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Вып. 8. СПб., 2016. С. 61–67.
15. Карпова В. В. Повседневная жизнь участников трудовых ученических дружин в России (1915–1916 гг.) // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 4, № 3. С. 48–55.
16. Карпова В. В. Региональные особенности деятельности трудовых дружин учащихся в России в годы Первой мировой войны // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2020. № 3 (35). С. 128–145 [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://vestospu.ru/archive/2020/articles/10_35_2020.pdf. (дата обращения 22.01.2025).
17. Карпова В. В. Трудовые дружины учащихся в Ялтинском уезде в 1916 г. // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: Материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Вып. 9. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2018. С. 66–71.
18. Кудинов В. А. История детского и юношеского движения в России: Учеб. пособие. Кострома: Изд-во Костромского гос. ун-та, 2017. 289 с.
19. Минакова В. П. К истории организации в России движения трудовых ученических дружин. Воронеж: АОНО ИММиФ, 2002. 15 с.
20. Минакова В. П., Фомичев И. В. Общественно-педагогическое движение в России в годы Первой мировой войны. Воронеж: АОНО ИММиФ, 2003. 182 с.
21. Петрушин Ю. А. История молодежного движения в России. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2012. 103 с.
22. Полищук Е. Н. Молодежное движение России в дореволюционный период / Под ред. С. А. Комарова. СПб.: Юридический ин-т, 2011. 232 с.
23. Потворов А. И. Сельскохозяйственные дружины учащихся средней школы как элемент трудовой мобилизации в годы Первой мировой войны // Вестник государственного и муниципального управления. 2022. Т. 11, № 3. С. 69–77.
24. Самович А. Л. Патриотическое движение среди учащейся молодежи Минской губернии в годы Первой мировой войны // Новейшая история России. 2015. № 1 (15). С. 29–38.
25. Сенявская Е. С. Военная антропология в новых исторических условиях // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45, № 8. С. 46–54. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.974
26. Сулимов В. С. Движение трудовых дружин учащихся школ Западной Сибири в 1915 г. (на примере Барнаула) // Сибирский педагогический журнал. 2011. № 2. С. 190–195.
27. Сулимов В. С. Трудовые дружины учащихся школ Алтайского округа в 1915 году // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 4 (29). С. 172–174.
28. Сулимов В. С. Трудовые дружины учащихся школ Алтайского округа в 1916 году // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 5 (30). С. 282–284.
29. Тарасова Н. В. Трудовая помощь школьников в военные годы как одна из форм патриотического воспитания в России второй половины XIX – начала XX вв. // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 4 (43), ч. 3. С. 202–206.
30. Трошина Т. И. Великая война и северный край: Европейский Север России в годы Первой мировой войны: Монография. Архангельск: ИД САФУ, 2014. 347 с.
31. Трошина Т. И. Социальные мероприятия государства в годы Первой мировой войны и их влияние на крестьянское население (на примере северных губерний) // Первая мировая война и Европейский Север России: Материалы междунар. науч. конф. (Архангельск, 21–25 июня 2014 г.). Архангельск: ИД САФУ, 2014. С. 311–316.
32. Фомичев И. В., Крюков В. М. Белорусский почин по организации трудовых сельскохозяйственных дружин учащихся в годы Первой мировой войны // Устойчивое развитие экономики: состояние, проблемы, перспективы: Материалы третьей междунар. науч.-практ. конф., Пинск, 23–25 апреля 2009 г. Пинск, 2009. Ч. 2. С. 27–28.
33. Чубаров А. И. Формирование и деятельность трудовых дружин в Российской империи в годы Первой мировой войны // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 26 (194). С. 185–193.

Original article

Elena V. Dianova, Dr. Sc. (History), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
elena-dianowa@yandex.ru

STUDENT AGRICULTURAL SQUADS IN THE EUROPEAN NORTH, 1915–1916

Abstract. The article explores the formation of student labor squads in the European North, focusing on the Arkhangelsk and Vologda provinces during the First World War. The relevance of this topic stems from the need to examine the history of student squads as a form of the currently popular volunteer movement. The scientific novelty of the study lies in its pioneering use of archival and published sources to detail, for the first time, the creation and operation of student squads as children's and youth volunteer associations in the northern provinces. The primary objectives of the research are to analyze the legal framework governing the organization and activities of student labor squads, as well as to identify their funding sources, number, size, and management. Additionally, the study examines the participation of these squads in providing assistance to the families of conscripted peasants. Throughout the study, examples of the formation and activities of squads across various educational institutions in the Arkhangelsk and Vologda provinces have been revealed. The article highlights the key features of squad development during 1915–1916 and characterizes their involvement in agricultural work. It also explores the reasons behind the occasionally negative attitudes of rural residents toward the volunteers. Finally, the paper clarifies the essence of student work brigades as a form of volunteer movement that involved providing gratuitous aid to those in need.

Key words: European North, student labor squads, volunteering, agricultural work, unpaid labor

Acknowledgements. The author expresses her deep gratitude to Veronika V. Karpova, Candidate of Sciences in History, Associate Professor of the Department of Russian History at Pushkin Leningrad State University, for her advice and assistance.

For citation: Dianova, E. V. Student agricultural squads in the European North, 1915–1916. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(6):30–42. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1213

REFERENCES

1. Bakhtin, V. V. Volunteer activities of youth of the Central Black Earth Region during the First World War. *Bulletin Social-Economic and Humanitarian Research*. 2021;11(13):97–106. (In Russ.)
2. Belentsov, S. I. Student movement in Russia: the second half of the XIX and the early XX centuries. St. Petersburg, 2013. 184 p. (In Russ.)
3. Bukalova, S. V. Labor assistance to the families of soldiers of the Central Black Earth Region during the World War I. *History Magazine – Researches*. 2020;5:147–156. (In Russ.)
4. Bukalova, S. V. Labor squads of students as a form of realization of youth policy during the World War I. *Journal of Public and Municipal Administration*. 2015;2(17):141–147. (In Russ.)
5. Golikova, N. I., Smelkova, T. N. Revisiting the interaction between government agencies and public organizations during the First World War (a study of materials from the Vologda Province). *Regional historical studies and archives: Collection of articles*. Issue 9. Vologda, 2003. P. 133–140. Available at: https://www.booksite.ru/war1914/2_st-61.html (accessed 22.01.2025). (In Russ.)
6. Gordienko, O. N. Organization of pupils' labor teams to assist soldiers' families in the Altai District during the World War I. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2008;3(77):83–85. (In Russ.)
7. Gorlova, N. I. History of the rise and development of students' voluntary labor bands as a form of volunteer activity of the youth on the territory of the Kursk Gubernia during the First World War. *Tomsk State Pedagogical University Bulletin*. 2018;5(194):123–128. (In Russ.)
8. Gorlova, N. I. Formation and development of the institute of volunteering in Russia: history and modernity. Moscow, 2019. 290 p. (In Russ.)
9. Dolidovich, O. M. Students of Barnaul in the practice of charity work during the First World War. *Tomsk State University Journal*. 2016;409:47–54. (In Russ.)
10. Dorokhina, M. N. Activities of student labor squads during the First World War of 1914–1918 (a study of materials from the State Archives of the Kaluga Region). *Platonov Readings: the XXIX All-Russian Conference of Young Historians* (Samara, 8–9 December 2023): Materials and reports. Samara, 2024. P. 186–188. (In Russ.)
11. Karpova, V. V. "Bond between town and country": experience of interaction between schoolchildren and the rural population during the First World War (a study of the activities of student agricultural squads). *Natural and geographical factors in everyday life of the population of Russia: history and modernity: Proceedings of the international scientific conference, Pushkin, 14–16 March 2019*. St. Petersburg, 2019. Vol. 2. P. 37–43. (In Russ.)
12. Karpova, V. V. The activity of pupils' agricultural labor squads during the World War I in the documents of the Russian State Historical Archive. *Klio*. 2023;1(193):13–20. (In Russ.)
13. Karpova, V. V. Revisiting the profitability of the activities of student labor squads during the First World War (1915–1916). *Material factor and entrepreneurship in everyday life of the population of Russia: history and modernity: Proceedings of the international scientific conference*. St. Petersburg, 2016. P. 370–377. (In Russ.)

14. Karpova, V. V. Revisiting the organizational features of the formation of student labor squads in 1915. *The capital and the provinces: relationship between the center and the regions in the history of Russia: Proceedings of the all-Russian scientific conference with international participation*. Issue 8. St. Petersburg, 2016. P. 61–67. (In Russ.)
15. Karpova, V. V. Daily life of participants of pupils' labor squads in Russia (1915–16). *Pushkin Leningrad State University Journal*. 2015;4(3):48–55. (In Russ.)
16. Karpova, V. V. Regional features of the activity of pupil's labor squads in Russia during the First World War. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*. 2020;3(35):128–145. Available at: http://vestospu.ru/archive/2020/articles/10_35_2020.pdf (accessed 22.01.2025). (In Russ.)
17. Karpova, V. V. Student labor squads in the Yalta Uyezd in 1916. *The capital and the provinces: relationship between the center and the regions in the history of Russia: Proceedings of the all-Russian scientific conference with international participation*. Issue 9. St. Petersburg, 2018. P. 66–71. (In Russ.)
18. Kudinov, V. A. The history of the children's and youth movement in Russia: Textbook. Kostroma, 2017. 289 p. (In Russ.)
19. Minakova, V. P. The history of the organization of the student labor squad movement in Russia. Voronezh, 2002. 15 p. (In Russ.)
20. Minakova, V. P., Fomichev, I. V. Social and pedagogical movement in Russia during the First World War. Voronezh, 2003. 182 p. (In Russ.)
21. Petrushin, Yu. A. The history of the youth movement in Russia. Irkutsk, 2012. 103 p. (In Russ.)
22. Polishchuk, E. N. The youth movement in Russia during the pre-revolutionary period. (S. A. Komarov, Ed.). St. Petersburg, 2011. 232 p. (In Russ.)
23. Potvorov, A. I. Agricultural squads of students as an element of labor mobilization during the First World War. *Journal of Public and Municipal Administration*. 2022;11(3):69–77. (In Russ.)
24. Samovich, A. L. The patriotic movement among students in Minsk Province during World War I. *Modern History of Russia*. 2015;1(15):29–38. (In Russ.)
25. Senyavskaya, E. S. Military anthropology in new historical context. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2023;45(8):46–54. DOI: 10.15393/uchz.art.2023.974 (In Russ.)
26. Sulimov, V. S. Movement of labor teams of pupils schools of Western Siberia in 1915 (on an example of schools of Barnaul). *Siberian Pedagogical Journal*. 2011;2:190–195. (In Russ.)
27. Sulimov, V. S. Labor teams of pupils of schools in the Altai District in 1915. *The World of Science, Culture and Education*. 2011;4(29):172–174. (In Russ.)
28. Sulimov, V. S. Labor teams of pupils of schools in the Altai District in 1916. *The World of Science, Culture and Education*. 2011;5(30):282–284. (In Russ.)
29. Tarasova, N. V. Professional help pupils in war years as a form of patriotic education in Russia second half of XIX – early XX centuries. *Proceedings of Southwest State University*. 2012;4(43-3):202–206. (In Russ.)
30. Troshina, T. I. The Great War and the northern region: The European North of Russia during the First World War: Monograph. Arkhangelsk, 2014. 347 p. (In Russ.)
31. Troshina, T. I. State social measures during the First World War and their impact on the peasant population (a case of the northern provinces). *The First World War and the European North of Russia: Proceedings of the international scientific conference (Arkhangelsk, 21–25 June 2014)*. Arkhangelsk, 2014. P. 311–316. (In Russ.)
32. Fomichev, I. V., Kryukov, V. M. Belarusian initiative to organize agricultural labor squads of students during the First World War. *Sustainable economic development: status, problems, prospects: Proceedings of the third international scientific and practical conference, Pinsk, 23–25 April 2009*. Pinsk, 2009. Part 2. P. 27–28. (In Russ.)
33. Chubarov, A. I. Formation and activity of labor squads in the Russian Empire during the First World War. *Tambov University Review. Series: Humanities*. 2021;26(194):185–193. (In Russ.)

Received: 23 January 2025; accepted: 9 June 2025

ВИКТОРИЯ ВИКТОРОВНА ЕФИМОВА

доктор исторических наук, профессор кафедры публичного и частного права Института экономики и права
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0009-0008-0944-5889; efimova1870@rambler.ru

О НЕИЗВЕСТНОМ «ГЕРОЕ» БОРЬБЫ СО СТАРООБРЯДЧЕСТВОМ В ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ ПРИ ГУБЕРНАТОРЕ В. Н. МУРАВЬЕВЕ

А н н о т а ц и я . Существенное ослабление старообрядчества в Олонецкой губернии обычно связывают с деятельностью губернатора В. Н. Муравьева. Однако впервые приводимые в статье документы позволяют не только указать на человека, чьими неусыпными трудами это было сделано, но и оценить масштабы проделанной им работы. Речь идет о чиновнике особых поручений при губернаторе Александре Христофоровиче Смирнове, который за свои труды в конце 1856 года был представлен к награде. Именно усилиями этого чиновника в 1853–1854 годах были собраны подробные сведения о положении старообрядчества в Повенецком и Петрозаводском уездах, а затем сделан сводный обзор и по остальным уездам Олонецкой губернии. Он являлся неперменным участником всех мероприятий, проводившихся при губернаторе Муравьеве против старообрядцев. В 1856 году он представил свои соображения об устройстве в Данилово православного монастыря. Главным же результатом этой деятельности следует признать разгром крупнейших старообрядческих центров на Европейском Севере – монастырей в Данилово и Лексе.

К л ю ч е в ы е с л о в а : борьба со старообрядчеством, Олонецкая губерния, выго-лексинские монастыри

Д л я ц и т и р о в а н и я : Ефимова В. В. О неизвестном «герое» борьбы со старообрядчеством в Олонецкой губернии при губернаторе В. Н. Муравьеве // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 6. С. 43–49. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1214

ВВЕДЕНИЕ

О губернаторе В. Н. Муравьеве (апрель 1853 – ноябрь 1856) как, пожалуй, о самом энергичном и эффективном борце со старообрядчеством в Олонецкой губернии в XIX веке активно писали еще дореволюционные авторы¹. Продолжают эту традицию и современные исследователи [1], [2], [3], [4], [5: 75–76]. Но, как известно, лавры побед обычно достаются не подчиненным, а их начальникам. При таком подходе до сих пор в тени остается имя того, кто буквально ежедневно, бескомпромиссно и часто очень жесткими методами искоренял старообрядчество в губернии. Попробуем восстановить историческую справедливость и оценить деятельность чиновника особых поручений при губернаторе титулярного советника Александра Христофоровича Смирнова по его же отчетам. Впрочем, справедливости ради следует сказать, что исследователи иногда упоминают о нем, но чаще вскользь² или даже как о чиновнике особых поручений при министре внутренних дел³. Найденные нами два «наградных дела» Смирнова, содержащие ходатайства губерна-

ра Муравьева и епископа Аркадия о его награждении, копию журнала Петрозаводского секретного совещательного комитета (далее – ПССК) от 11 декабря 1856 года, на основании постановления которого и были сделаны эти ходатайства, а также «список поручений и трудов Смирнова», позволяют исчерпывающим образом оценить вклад этого чиновника в уничтожение старообрядчества. И хотя мы ничуть не сомневаемся в точности указанных в этих делах сведений, для еще большей их достоверности сошлемся на некоторые конкретные архивные дела. Благо это позволяет сделать достаточно высокая степень сохранности дел о старообрядцах, законченных или заново возбужденных при губернаторе Муравьеве.

* * *

Прежде чем представить основные заслуги Александра Христофоровича Смирнова на поприще борьбы со старообрядчеством, дадим краткую информацию о его служебной карьере. При этом оговоримся, что нам удалось за все

время нахождения Смирнова на службе в Олонецкой губернии, а это около четырех лет, найти лишь один его формулярный список, составленный не ранее апреля 1854 года, когда наш герой отслужил в Петрозаводске не более года. Смирнову было на тот момент всего 25 лет и происходил он «из обер-офицерских детей», а это значит, что его отец только после рождения сына был возведен в потомственное дворянство. Родового имени ни у Александра, ни у его отца не было, но за последним числилось благоприобретенное имущество в виде двух деревянных домов в Москве и 16 душ крепостных в Серпуховском уезде. В 1851 году А. Х. Смирнов окончил курс наук в Московском университете со степенью кандидата (к сожалению, в послужном списке не уточнено, на каком факультете он учился). В августе этого же года он с чином коллежского секретаря (10-й класс по Табели о рангах) поступил на службу в Московскую удельную контору канцелярским чиновником, затем в апреле 1852 года по собственному прошению был перемещен в канцелярию костромского губернатора. В декабре 1852 года по предложению губернатора он был определен на должность младшего помощника правителя канцелярии. И вдруг резкий поворот в службе – приказом от 2 октября 1853 года Смирнов был перемещен на должность старшего чиновника особых поручений при олонецком губернаторе В. Н. Муравьеве, а уже через полгода, то есть 8 апреля 1854 года, «за отличия» произведен в следующий чин титулярного советника (9-й класс)⁴. Таким образом, перед нами типичный представитель чиновничества поздней Николаевской эпохи: с одной стороны, это выходец из не дворян, с другой – имеет высокий уровень образования. Особо отметим, что Смирнов не просто окончил полный университетский курс наук, а освоил его с отличием, что позволяло согласно ст. 112 и 128 Университетского устава 1835 года сразу получить степень кандидата и вступить на службу в чине 10-го класса. Переход на службу в Олонецкую губернию можно объяснить двумя причинами. Первая из них, думаем, была вызвана конфиденциальным письмом губернатора Муравьева к министру внутренних дел Д. Г. Бибикову от 8 августа, в котором первый писал о сложностях, с которыми он столкнулся, исполняя высочайшую волю от 10 июня 1853 года о приведении «в точную известность современное положение раскола» в губернии. Губернатор жаловался, что не может доверить сбор информации, должный проходить «в величайшей тайне», чиновникам полиции,

а в его распоряжении есть лишь один чиновник особых поручений, «но что может он один из-за обширности Олонецкой губернии и ее труднопроходимости». Муравьев просил прислать ему хотя бы одного чиновника из МВД. Министр ответил таким же письмом от 15 августа, в котором посветовал, что и у него нет свободных чиновников, но он «будет иметь в виду» это обстоятельство⁵. И вдруг на начало декабря 1853 года в распоряжении губернатора мы видим сразу четырех чиновников по особым поручениям, причем все они назначены на эту должность в октябре – ноябре 1853 года⁶. Думаем, что без помощи министра такое усиление губернаторской канцелярии было бы невозможно. Вторая причина перевода на службу Смирнова в Олонецкую губернию связана с желанием ускорить служебную карьеру, так как эта губерния относилась «к отдаленным и малонаселенным краям империи» и чиновники, служившие в ней, имели ряд преимуществ по службе. Выскажем еще одно предположение: все, что делал Смирнов в отношении старообрядцев, было для него лишь исполнением его должностных обязанностей сначала в качестве чиновника особых поручений, а затем уже и делопроизводителя ПССК⁷. Как говорится, «ничего личного», но эти должности давали ему прекрасную возможность отличиться по службе как начинающему чиновнику и гораздо быстрее, чем это было бы возможно во «внутренних» губерниях, продвинуться по служебной лестнице. Другое дело, что по отношению к старообрядчеству период правления Николая I, когда министром внутренних дел был Д. Г. Бибиков (1852–1855), оказался самым жестким, так как имел своей главной целью его полное уничтожение. В этой связи считаем весьма уместным привести цитату из знаменитого стихотворения М. Ю. Лермонтова «Смерть поэта»: «...На ловлю счастья и чинов // Зброшен к нам по воле рока...», которая, как нам представляется, лучше всего характеризует мотивы поведения человека, ставшего «злым гением» для олонецких старообрядцев.

Что же дает нам основание охарактеризовать чиновника Смирнова подобным образом? В Национальном архиве Республики Карелия сохранилось «наградное дело» Смирнова. Оно содержит черновой вариант представления губернатора Муравьева к министру внутренних дел С. С. Ланскому от 15 декабря 1856 года⁸:

«Окончив ныне почти все главнейшие распоряжения касательно совершенного упразднения выгорецких жилищ Данилова и Лексы, Секретный Совестьный комитет постановлением, в подлиннике у сего прилага-

емого, признал достаточным ходатайствовать у Вашего Высочайшего превосходительства о награждении делопроизводителя Комитета титулярного советника Смирнова за отлично усердную трехлетнюю службу и вполне полезную деятельность к ослаблению раскола в губернии и восстановлению православия в Данилово и Лексе орденом Станислава 3-й степени или вместо сего чином коллежского асессора (8-й класс по Табели о рангах. – В. Е.) со старшинством с 8 апреля 1856 года»⁹.

При этом последняя фраза после союза «или» была зачеркнута в тексте и карандашом прибавлено: «все эти занятия Смирнова требовали полного знания дела, особых трудов и добросовестности и только при таких отличных его качествах могли быть исполнены совершенно». Как и полагалось при представлении к ордену, к ходатайству должны были быть приложены необходимые документы, которые и перечислялись в особом списке, это: 1) протокол о дворянстве; 2) метрическое свидетельство о рождении и крещении; 3) аттестат Московского университета об окончании курса наук; 4) формулярный список; 5) формуляр по форме; 6) список исполненных поручений; 7) копия с журнала ПССК. Однако в деле указанных в этом списке документов не было¹⁰.

Наудачу часть этих документов нашлась в деле о награждении Смирнова, хранящемся в фонде Канцелярии Синода (ф. 796) Российского государственного исторического архива, так как 17 января 1857 года туда с ходатайством о награждении Смирнова обратился и олонецкий епископ Аркадий. К ходатайству прилагались: 1) чистовой вариант представления губернатора, который по содержанию практически ничем не отличался от чернового, приведенного нами выше, за исключением того, что в нем не было вычеркнутой фразы¹¹; 2) копия журнала ПССК от 11 декабря 1856 года, на основе постановления которого и были сделаны ходатайства губернатора и епископа¹²; 3) список поручений, исполненных Смирновым¹³.

В копии журнала ПССК указывалось, что на заседании 11 декабря 1856 года слушалась записка, внесенная губернатором. В ней говорилось, что с самого прибытия в Олонецкую губернию на службу 2 декабря 1853 года Смирнов тотчас был командирован для исполнения Высочайшего повеления о приведении в точную известность положения раскола¹⁴ по особой инструкции МВД в Повенецком и Петрозаводском уездах¹⁵. Уже 7 декабря 1853 года губернатор Муравьев отдал такое распоряжение состоящим при нем чиновникам особых поручений Смирнову и Дейхману. Сведения следовало собирать «в

совершенной тайне» под видом сбора статистических сведений. Исполнительные рапорты от них датируются 4 августом 1854 года по Повенецкому уезду и 22 декабря 1854 года по Петрозаводскому уезду¹⁶.

Затем, сообщалось в записке, Смирнов приводил в порядок собранные сведения не только по этим двум уездам, но и по всем остальным, входящим в состав губернии, что требовало «специального познания» и времени, так как работа длилась с 7 декабря 1853 по 10 июня 1854 года и с 21 июля по 6 декабря 1854 года¹⁷. Уточним эту позицию. О масштабе проделанной Смирновым работы свидетельствуют два рапорта губернатора Муравьева министру Бибикову от 19 июня и 7 декабря 1854 года, при которых были отправлены в МВД: 1) по две записки по каждому уезду (подробная и краткая); 2) особая записка о расколе и краткий обзор его по всей губернии; 3) семь географических карт уездов и одна генеральная карта всей губернии; 4) общая перечневая ведомость о числе раскольников разных сект и согласий; 5) описание Даниловского и Лексинского селений; 6) картон с 11 рисунками значимых часовен в Данилово и Лексе. При этом губернатор констатировал, что если по официальным данным в губернии значилось 3284 старообрядца, то после проведенного исследования их оказалось 18197 душ обоего пола¹⁸. Мы не будем здесь касаться вопроса о достоверности представленных Смирновым сведений о численности старообрядцев, но все же заметим, что уже П. А. Шафранов полагал, что Смирнов в разы завысил данные о численности старообрядцев в губернии, причислив к явным раскольникам и тайных, «о числе которых нельзя было никаким образом достать таких точных сведений»¹⁹. С какой целью это было сделано, можно лишь догадываться, но именно на основании этих сведений, как указывается далее в губернаторской записке, «были произведены действия до конца 1856 г.», которые «олонецкий раскол потрясли в главном основании своем», проявившемся

«в уничтожении значения и влияния выгорецких обществ на единомышленников в России и в закрытии почти всех сборных пунктов или часовен раскольников, которыми так обильна была Олонецкая губерния, но в особенности Повенецкий уезд. Все высочайшие повеления, которые последовали по докладам, делаемым Смирновым в Секретном совещательном комитете, согласно ходатайству последнего были приводимы в исполнение на местах в уездах им же с точностью, добросовестностью в видах Правительства, с прилежным усердием и без малейших неблагоприятных последствий».

Смирнов также «оказывал услуги за неослабным наблюдением за полицией», чем и принес

«пользу краю в ослаблении раскола не только в Данилово и Лексе, за полтора века укоренившегося там, но и во всей дикой, труднопроходимой стране Повенецкого уезда и Каргопольского»²⁰.

В записке особо подчеркивалось, что он исполнял должность делопроизводителя ПССК с 10 сентября по 31 декабря 1855 года «по случаю отбытия в Санкт-Петербург прежнего делопроизводителя г. Бюргера и с 1 мая 1856 и по настоящее время». Так, например, в 1855 году Смирновым было сделано восемь докладов в ПССК, по которым в этом же году последний постановил: 1) 20 сентября – об упразднении в Данилово моленной, вновь заведенной после опечатывания богаделен; 2) 26 сентября – об уничтожении двух часовен в лесах Повенецкого уезда над самоубийцами, Столпозерской и Пайозерской, и еще 5 часовен в повенецких скитах: Кодозерском, Венихозерском, Куносозерском, Пельяцком и в Огорельшах; 3) 6 октября – о недозволении выгорецким раскольникам носить монашеские одеяния; 4) 7 октября – об упразднении открытого Смирновым в лесах Повенецкого уезда раскольничьего скита с двумя женщинами без паспортов (скит опечатан, дело передано в суд).

В 1856 году Смирнов сделал 42 доклада, на основе которых ПССК принял следующие наиболее важные решения: 1) 5 мая – о запечатывании раскольничьей часовни в д. Габсельга и ее перестройке в заштатную православную церковь; 2) 30 мая – об уничтожении в Повенецком уезде раскольничьей часовни, которая существовала при кладбищах; о воспрещении выгорецким женщинам посещать мужскую соборную часовню в Данилово; о запечатывании Тагозерской раскольничьей часовни; 3) 11 июня – о ветхой раскольничьей часовне в д. Сергеевской и обращении ее в православную по желанию жителей, которых убедил Смирнов; 4) 26 июня – об уничтожении открытой им же в д. Чупе-Сунской Петрозаводского уезда молельни; 5) 14 июля – об уничтожении в д. Совдозере Повенецкого уезда моленной над самосжигателями и такой же в д. Гнилой Лодейнопольского уезда; 6) 31 августа – о запечатывании и обращении в православную церковь главной соборной часовни в Данилово – единственном сборном пункте раскольников; 7) 14 сентября – о запечатывании и обращении в православную церковь главной соборной женской часовни в Лексе; о перенесении из столовой моленной в православную церковь в Лексе иконы Владимирской Божией матери,

которую старообрядцы выдавали за чудотворную (он же исполнил); 8) 30 сентября – о передаче в ведение епархиального начальства книг и тетрадей, принадлежащих раскольнице г. Каргополя Поповой, и 45 книг, взятых в 1843 году из сгоревшей даниловской соборной часовни; 9) 4 октября – о сломке четырех вновь открытых в повенецких лесах раскольничьих часовен и запечатывании Чаженьгской раскольничьей молельни в Каргопольском уезде за противозаконное возобновление (открыто им же и исполнено); об упразднении здания, где была молельня в д. Надконецкой Пудожского уезда; 10) 14 ноября – о результатах изысканий, произведенных по высочайшему повелению 1855 года о секте бегунов и их последователях в Каргопольском уезде и о необходимости учредить особых чиновников²¹; 11) 30 ноября – об образовании в Данилово православного монастыря с восьмью монахами²² и о выселении оттуда семи главных сектаторов в Каргопольский уезд; о поддержании Лексинского богадельного дома для призрения дряхлых с обращением его часовни в православную церковь; 12) 1 декабря – об устройстве Даниловского и Лексинского селений через «причисление в 10-ю ревизию оттуда женщин и девок в их прежние семейства»²³.

Далее в своей записке губернатор подчеркивал, что «все регистры и журналы Секретного совещательного комитета» ведутся Смирновым «в порядке». К записке прилагался «особый список раскольничьих дел по Олонецкой губернии», исполненных Смирновым, которые производились «в особом столе при губернаторской канцелярии» и которые были поручены ему секретным предписанием министра внутренних дел от 20 июня 1854 года. «Из документов же канцелярии видно, что в секретном столе дел таких с 20 июня 1854 г. по 11 декабря 1856 г. значится 152, в т. ч. решено – 91; бумаг входящих – 2061, а исходящих – 2553». Затем в записке обобщались основные результаты действий Смирнова по данным поручениям, а именно: 1) открыто с 1853 по 11 декабря 1856 года три раскольничьих молельни, неизвестных правительству, и один скит; 2) закрыто три больших богадельных дома и две большие столовые-молельни в Данилово и Лексе, часовня в Шелтопороге и Линдогорах; 3) уничтожены одна часовня в Кирпичном и одна в Тихвиноборском; 4) формально освидетельствованы 22 раскольничьих молельных здания и строения. «Всех же поручений, выполненных вне Петрозаводска по делам раскола с 1853 по 1856 г., 55».

Заслушав записку, ПССК постановил: представить Смирнова к ордену Святого Станислава 3-й степени, а губернатору и епископу Аркадию выйти с соответствующими ходатайствами о награждении. Журнал был подписан епископом Аркадием, губернатором Муравьевым, вице-губернатором Н. С. Дурново и жандармским штаб-офицером князем А. А. Мышецким²⁴.

У нас не вызывает никакого сомнения, что записка, которую слушал ПССК, была сочинена самим Смирновым. Это прямо вытекает из сравнения ее текста с приложенным к журналу «списком поручений», исполненных этим чиновником, который заключал в себе 56 пунктов²⁵. Поражает тщательность, с которой он был сделан. Не приводя здесь этого списка из-за его объема, заметим лишь, что он является ценным источником информации для исследователей, желающих знать хронологию действий по искоренению старообрядчества, предпринятых по линии МВД при губернаторе Муравьеве.

8 февраля 1857 года Синод, выслушав донесение архиепископа Аркадия о заслугах Смирнова, постановил «содействовать к награждению»²⁶. На этом «наградное дело» обрывалось, что не позволяет узнать, чем же завершилось ходатайство о награждении.

Но вернемся обратно в Олонецкую губернию. Думаем, что отъезд 9 января 1857 года бывшего губернатора Муравьева из Петрозаводска был для Смирнова крайне неприятным событием²⁷. 9 февраля в губернаторскую должность вступил генерал-майор Н. П. Волков, и, как он жаловался уже в сентябре министру внутренних дел, в губернии с отъездом его предшественника началась «эмиграция» служащих – из нее «выбыл уже 10-й по счету» чиновник²⁸. К их числу, как мы увидим ниже, принадлежал и А. Х. Смирнов. Но в начале 1857 года он еще продолжал исполнять свою должность, в основном выполняя возбужденные им и одобренные в 1856 году ПССК меры, вернувшиеся обратно в губернию в виде высочайших повелений или разрешений министра внутренних дел. Так, 4 марта 1857 года в его присутствии была разобрана раскольничья часовня в Чаженьге, а 20 марта он описал утварь и иконы в раскольничьей часовне д. Березовка, которую затем и запечатал²⁹. В начале мая по высочайшему повелению при самом его активном участии на Выге произошли трагические для судьбы старообрядчества события. 7 мая Смирнов внезапно для старообрядцев запечатал в Данилово главную соборную часовню со столовой при ней и сделал необходимые приго-

товления к торжественному акту освящения часовни и последующей ее передачи в ведение православной церкви. Сам же акт состоялся 9 мая. Параллельно с этим с 8 по 11 мая Смирнов описывал изъятые из этих зданий имущество, готовя его к отправке в Петрозаводск. Им же был составлен и текст о торжествах в Данилово для публикации в Олонецких губернских ведомостях. 18 мая Смирнов, по-видимому, подал Волкову последний рапорт о своих действиях в Данилово³⁰. Думаем, что свою службу в Олонецкой губернии он закончил, как и полагалось по «Уставу о службе по определению от правительства», передачей дел по своим должностям в конце мая, так как по постановлению ПССК от 20 мая 1857 года новым делопроизводителем этого комитета был назначен губернский секретарь И. Ф. Калугин³¹.

Последующая служебная карьера А. Х. Смирнова сложилась весьма благополучно. Вероятно, не без протекции Муравьева Высочайшим приказом от 4 июля 1857 года он был переведен в ведомство Министерства императорского двора, где состоял по 1860/61 год причисленным к Департаменту уделов³². В марте 1859 года Смирнов обратился к губернатору Волкову с просьбой вернуть ему документы, представленные в декабре 1856 года в МВД на награждение, которые были ему тогда же и возвращены. Под прошением он подписался уже коллежским ассессором (8-й класс)³³. Но эта информация слишком скудна, чтобы понять, получил ли вообще Смирнов свой первый орден за службу в Олонецкой губернии или ему вместо него был присвоен внеочередной чин за «отличия». Затем Смирнов продолжил службу в Департаменте общих дел Министерства государственных имуществ и, по-видимому, закончил ее там же в 1890 году в чине действительного статского советника (4-й класс), состоя в должности вице-директора³⁴.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Приведенные в статье документы убедительно показывают, чьими ежедневными усилиями реализовывался на практике в Олонецкой губернии начатый в конце правления Николая I курс на окончательное искоренение старообрядчества в Российской империи. Его главным исполнителем со стороны гражданской администрации следует признать не только олонецкого губернатора В. Н. Муравьева, но и скромного титулярного советника А. Х. Смирнова. Именно ему мы обязаны увеличением в несколько раз (по сравнению с прежними официальными сведениями) численности старообрядцев в Олонецкой губернии, что сыграло важную роль в ужесточении

политики в их отношении. Именно он: 1) являлся главным инициатором и действующим лицом при запечатывании или уничтожении большинства молитвенных зданий старообрядцев; 2) проводил важнейшие дознания об источниках финансирования знаменитых центров старооб-

рядцев на Европейском Севере – даниловского и лексинского общежития; 3) составил проект учреждения в Данилово православного монастыря. Важнейшим же итогом этой деятельности стал окончательный разгром выго-лексинских монастырей.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ См., напр.: Шафранов П. А. Выгорецкое старообрядческое общежитие в конце XVIII и в первой половине XIX столетия // Русское богатство. 1893. № 11. С. 85–97; Островский В. Д. Выговская пустынь и ее значение в истории старообрядческого раскола. Петрозаводск, 1914. С. 104–105; Любомиров П. Г. Выговское общество. Исторический очерк. М.; Саратов, 1924. С. 99–101.
- ² Шафранов П. А. Указ. соч. С. 86–90, [3: 158–159], [6: 191].
- ³ Любомиров П. Г. Указ. соч. С. 99.
- ⁴ Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. 1. Оп. 2. Д. 5/27. Л. 5 об.–7.
- ⁵ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1284. Оп. 208. Д. 455. Л. 3–9; НА РК. Ф. 1. Оп. 46. Д. 18/445. Л. 5–6.
- ⁶ См. формулярные списки чиновников особых поручений и служителей канцелярии олонекского губернатора за 1854 год (НА РК. Ф. 1. Оп. 2. Д. 5/27).
- ⁷ Открыт по постановлению 3 ноября 1838 года специально для рассмотрения дел о раскольниках «на первый раз» в Петрозаводске, Перми и Тамбове // Собрание постановлений по части раскола. Т. 1. Постановление МВД. Вып. 1. СПб., 1858. С. 217.
- ⁸ Вызывает сомнение правомочность этого ходатайства, так как приказом от 30 ноября 1856 года Муравьев переводился на должность губернатора Псковской губернии.
- ⁹ НА РК. Ф. 1. Оп. 50. Д. 1/1. Л. 1–3.
- ¹⁰ Там же.
- ¹¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 138. Д. 133. Л. 1–2.
- ¹² Там же. Л. 3–8.
- ¹³ Там же. Л. 9–17.
- ¹⁴ Имелось в виду высочайшее повеление от 10 августа 1853 года.
- ¹⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 138. Д. 133. Л. 3.
- ¹⁶ РГИА. Ф. 1284. Оп. 209. Д. 25. Л. 18–20.
- ¹⁷ РГИА. Ф. 796. Оп. 138. Д. 133. Л. 3.
- ¹⁸ НА РК. Ф. 1. Оп. 46. Д. 18/445. Л. 1–10, 65–70, 89, 91–96; Д. 28/776. Л. 1–3; РГИА. Ф. 1284. Оп. 208. Д. 455. Л. 1–2, 28, 38, 134–137.
- ¹⁹ Шафранов П. А. Указ. соч. С. 86.
- ²⁰ РГИА. Ф. 796. Оп. 138. Д. 133. Л. 3–4.
- ²¹ Имелись в виду чиновники, которые бы специально занимались поимкой бегунов.
- ²² Подробности о возникновении и реализации этого проекта см.: [2].
- ²³ Все перечисленные выше сведения о принятых в 1855 и 1856 годах решениях ПССК см.: РГИА. Ф. 796. Оп. 138. Д. 133. Л. 4–7.
- ²⁴ Там же. Л. 8.
- ²⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 138. Д. 133. Л. 9–17.
- ²⁶ Там же. Л. 18.
- ²⁷ Олонекские губернские ведомости (далее – ОГВ). 1857. № 6 (офиц. часть).
- ²⁸ НА РК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 26/6. Л. 106–107.
- ²⁹ НА РК. Ф. 1. Оп. 46. Д. 23/595. Л. 57, 94; Ф. 25. Оп. 8. Д. 3/19. Л. 19, 24, 52.
- ³⁰ РГИА. Ф. 1284. Оп. 211. Д. 108. Л. 13, 14–16, 23; НА РК. Ф. 25. Оп. 8. Д. 4/29. Л. 17; Оп. 20. Д. 84/973. Л. 27–39; ОГВ. 1857. № 21 (неофиц. часть).
- ³¹ НА РК. Ф. 1. Оп. 70. Д. 2. Л. 44.
- ³² ОГВ. 1857. № 33 (офиц. часть); Адрес-календарь. Общая роспись всех чиновных особ в государстве на 1858–1859 годы; Адрес-календарь. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в империи... на 1860–61 год. Ч. 1. Власти и места центрального управления и ведомства их. СПб.
- ³³ НА РК. Ф. 1. Оп. 50. Д. 1/1. Л. 2а–5.
- ³⁴ Адрес-календари. Общая роспись начальствующих и прочих должностных лиц по всем управлениям в империи... на 1880–1891 годы (ч. 1).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ефимова В. В. Олонецкий губернатор В. Н. Муравьев о своей борьбе со старообрядцами в 1853–1856 годах // Север Евразии – пространство взаимодействия: Сб. науч. ст. памяти А. И. Афанасьевой. Петрозаводск, 2023. С. 117–130.
2. Ефимова В. В. Кто и как пытался устроить православный монастырь на Выге и почему это не получилось // Актуальные вопросы экономики и права: Сб. трудов. Вып. 3 (10). Киров, 2022. С. 58–76.
3. Пашков А. М. Старообрядчество Олонецкой губернии в середине XIX в. (опыт фактического анализа) // Старообрядчество: история, культура, современность: Тезисы III науч.-практ. конф., 15–17 мая 1997 г., Москва. М., 1997. С. 158–162.
4. Ружинская И. Н. Старообрядчество Повенецкого уезда в середине XIX века // Вопросы истории Европейского Севера: Россия и Финляндия от Средневековья до середины XX века: Сб. науч. ст. памяти Г. Д. Корнилова. Петрозаводск, 2007. С. 125–135.
5. Юхименко Е. М. Старообрядчество: история и культура. М., 2016. 851 с.
6. Юхименко Е. М. Находка знаменитой выговской библиотеки // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 1997. № 4. С. 190–199.

Поступила в редакцию 09.01.2025; принята к публикации 09.06.2025

Original article

Viktoria V. Efimova, Dr. Sc. (History), Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0009-0008-0944-5889; efimova1870@rambler.ru

AN UNKNOWN “HERO” OF THE STRUGGLE AGAINST THE OLD BELIEVERS IN THE OLONETS PROVINCE UNDER GOVERNOR VALERIAN MURAVYOV

Abstract. The significant decline of the Old Believers in the Olonets Province is commonly attributed to the efforts of Governor Valerian Muravyov. However, the unique documents presented in this article not only identify the individual whose relentless efforts drove this outcome but also allow for an assessment of the scope of his work. This individual was an official assigned to special duties under Governor Alexander Smirnov, who was awarded for his contributions at the end of 1856. Through his efforts, detailed information was collected in 1853 and 1854 regarding the situation of the Old Believers in the Povenets and Petrozavodsk uyezds, and later a comprehensive review covering the remaining uyezds of the Olonets Province was prepared. He was an essential participant in all activities undertaken by Governor Muravyov against the Old Believers. In 1856, he proposed establishing an Orthodox monastery in Danilovo. The eventual dismantling of the largest Old Believers' centers in the European North – the monasteries in Danilovo and on the Leks – can be regarded as the primary achievement of his efforts.

Key words: struggle against Old Believers, Olonets Province, Vyg and Leksa monasteries

For citation: Efimova, V. V. An unknown “hero” of the struggle against the Old Believers in the Olonets Province under Governor Valerian Muravyov. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(6):43–49. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1214

REFERENCES

1. Efimova, V. V. Olonets Governor V. N. Muravyov on his struggle against the Old Believers in 1853–1856. *Eurasian North – the space of interaction. Collection of scientific articles in memory of A. I. Afanasyeva*. Petrozavodsk, 2023. P. 117–130. (In Russ.)
2. Efimova, V. V. Who and how tried to establish an Orthodox monastery on the Vyg and why they did not succeed. *Topical issues of economics and law: Collection of research papers*. Issue 3 (10). Kirov, 2022. P. 58–76. (In Russ.)
3. Pashkov, A. M. The Old Believers of the Olonets Province in the mid-nineteenth century (an attempt at a factual analysis). *The Old Believers: history, culture, modernity: Proceedings of the III research and practical conference*. Moscow, 1997. P. 158–162. (In Russ.)
4. Ruzhinskaya, I. N. The Old Believers of the Povenets Uyezd in the mid-nineteenth century. *Issues in the history of the European North: Russia and Finland from the Middle Ages to the mid-nineteenth century: Collection of research papers in memory of G. D. Kornilov*. Petrozavodsk, 2007. P. 125–135. (In Russ.)
5. Yukhimenko, E. M. The Old Believers: history and culture. Moscow, 2016. 851 p. (In Russ.)
6. Yukhimenko, E. M. The discovery of the famous Vyg library. *Bulletin of the Russian Foundation for Humanities*. 1997;4:190–199. (In Russ.)

Received: 9 January 2025; accepted: 9 June 2025

ЕЛЕНА АЛЕКСАНДРОВНА КАЛИНИНА

доктор исторических наук, профессор кафедры теории и методики физического воспитания Института физической культуры, спорта и туризма
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-8837-3674; kalinka46@yandex.ru

ПРЕПОДАВАНИЕ ГИМНАСТИКИ И «ВОЕННОГО СТРОЯ» В УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЯХ ОЛОНЕЦКОЙ ГУБЕРНИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

А н н о т а ц и я . Правовое положение воспитанников российских учебных заведений в XIX веке закреплялось школьными уставами. Программы преподавания учебных предметов были широки, отражали влияние идей Просвещения и обуславливали подготовку «благовоспитанного» человека к будущей жизни. В первой половине XIX века гимнастика не являлась обязательным предметом обучения, заниматься «телесными упражнениями» предписывалось во время проведения прогулок на свежем воздухе. Новизна исследования заключается в том, что в нем впервые предпринимается попытка анализа введения уроков гимнастики и «военного строя», форм организации внешкольной работы в учебных заведениях Олонецкой губернии во второй половине XIX – начале XX века. В научный оборот вводятся не опубликованные ранее архивные документы по истории народного образования. Показана реализация школьных уставов, постановлений Министерства народного просвещения по введению уроков по данным учебным дисциплинам. В работе представлены документы, содержащиеся в Российском государственном историческом архиве, Центральном государственном историческом архиве, Национальном архиве Республики Карелия. Выявлен и рассмотрен широкий круг опубликованных источников, материалов центральной и региональной периодической печати. Рассматриваются отчеты о состоянии учебных заведений директоров гимназии, рапорты заведующих городскими училищами и учителей начальных школ. Сделан вывод, что введение в школьный курс учебных заведений уроков гимнастики и обучение «военному строю» в общеобразовательных школах проходили в рамках правительственных распоряжений – постановлений и циркуляров Министерства народного просвещения и Военного ведомства. Однако организация обучения сопровождалась проблемами программного обеспечения, материально-технической базы и недостатка кадров.

К л ю ч е в ы е с л о в а : народное образование, гимназия, городские и начальные училища, Олонецкая губерния, физическое воспитание, военное обучение, гимнастика

Д л я ц и т и р о в а н и я : Калинина Е. А. Преподавание гимнастики и «военного строя» в учебных заведениях Олонецкой губернии: исторический аспект // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 6. С. 50–57. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1215

ВВЕДЕНИЕ

Вопросы преподавания физической культуры в российских учебных заведениях во второй половине XIX – начале XX века являются предметом исследований современных ученых. Новейшая историография по данной теме представлена научными исследованиями Т. М. Аминова, Л. Я. Аминовой [1], Ю. Г. Бич, Т. А. Самсоненко, Л. Г. Битаровой, А. В. Тонковидовой [2], в которых рассматривается организация преподавания физического воспитания и военного обучения в контексте педагогической и исторической науки. Интерес для исследователей истории педа-

гогики представляют диссертационные работы В. В. Гайла¹, Д. Г. Ефимова², Р. С. Наговицына³, Л. К. Прокофьевой⁴ и др. В них раскрыты особенности введения данных учебных курсов в провинциях Российской империи: в Оренбургской губернии, на Кубани, в Курске, на Урале.

История становления физического воспитания в учебных заведениях Олонецкой губернии в XIX – начале XX века до настоящего времени остается неизученной. Цель нашего исследования – обсуждение итогов становления и развития гимнастики и «военного строя» как учебных дисциплин в системе народного образования Рос-

сийской империи на примере Олонецкой губернии. В статье раскрыты способы организации физического воспитания, рассматриваются проблемы учебного процесса, связанные с недостаточной материально-технической базой, отсутствием программного обеспечения и специалистов по преподаванию данных курсов обучения.

Школьные уставы первой половины XIX века определяли программу обучения в общеобразовательных учебных заведениях (гимназиях, уездных и начальных приходских училищах). Ученики изучали Закон Божий, русский язык, арифметику, чтение, историю, географию, чистописание и другие предметы. Однако уроки физического воспитания в число обязательных учебных предметов не входили. Высшие училищные власти в этот период обращали значительное внимание на умственное развитие детей, а вопросы их физического развития не являлись предметом обсуждения.

Во второй половине XIX века особой тревогой высшего училищного начальства была проблема перегрузки учащихся во время учебных занятий и в связи с этим плохое состояние их здоровья. В этой связи в 1870–1880-е годы гимнастика постепенно входила в состав учебных курсов образовательных учреждений. С 1871 года этот предмет стал обязательным в мужских гимназиях и прогимназиях, а гимназисты, проживающие в гимназических пансионах, должны были вечером (с 20 до 21 ч.) посвящать свое свободное время физическим упражнениям⁵. С 1872 года гимнастику преподавали в городских училищах, с 1874 года в соответствии с «Положением о начальных народных училищах» – в начальных школах.

Вопрос о введении в школьный курс российских средних учебных заведений уроков гимнастики и обучении «военному строю» в Министерстве народного просвещения стал предметом обсуждения в середине XIX века. Министр народного просвещения П. А. Ширинский-Шихматов во время обозрения Киевской гимназии, благородного пансиона и гимназических квартир в декабре 1850 года обратил внимание «на нарушенную выправку, осанку, приличие в движениях и, наконец, непорядок встречи начальственных лиц»⁶. Об этом недостатке он сообщил Д. Г. Бибикову, попечителю Киевского учебного округа, и предложил ввести в гимназиях курс обучения приемам фронтовой военной службы, а для проведения таких занятий пригласить отставных унтер-офицеров. Предложения по введению в гимназиях «приемов фронтовой службы и выправки воспитанников» П. А. Ширинский-Шихматов сделал также попечителям

Санкт-Петербургского, Московского и Казанского учебных округов. Они вскоре рапортовали о принятых мерах по организации обучения гимназистов военной выправке приглашенными унтер-офицерами на «экономические средства» гимназий.

Впервые обучение «военному строю» было введено в гимназиях и университетах Санкт-Петербурга и Москвы накануне Крымской войны. В декабре 1854 года вышло постановление Министерства народного просвещения «Об открытии в столичных университетах и в высших классах всех гимназий преподавания строевого Устава пехотной службы, ротного и батальонного сверх того в означенных университетах – артиллерии и полевой фортификации»⁷. Однако в апреле 1855 года в связи с окончанием военных действий данное постановление отменили.

Манифест «О введении всеобщей воинской повинности» и новый «Устав о воинской службе», опубликованные в январе 1874 года, определили военное направление в физическом развитии учащихся. По новому военному законодательству все мужское население, достигшее 21 года, должно было исполнять «священную обязанность» по «защите престола и Отечества» и подлежало воинскому призыву⁸. Ввиду предстоящей обязательной повинности вопрос об ознакомлении детей с военными знаниями и характером строевых занятий, без сомнения, получил особое развитие. Высшие училищные власти говорили о введении «военного строя» как о вопросе государственной важности. Отсюда вытекала необходимость развития допризывной подготовки, осуществить которую представлялось возможным в рамках учебных заведений.

ОЛОНЕЦКАЯ ГУБЕРНСКАЯ ГИМНАЗИЯ

Согласно постановлению Министерства народного просвещения «Об изменении и дополнении в Уставе гимназий и прогимназий» (1871), учебный курс гимнастики в качестве обязательного предмета вошел в преподавание Олонецкой губернской гимназии в 1872 году⁹. В отчете директора гимназии В. Н. Елецкого за 1872/73 учебный год указывалось, что

«гимнастика ведется по ½ часа ежедневно во время большой перемены, причем учащиеся были разделены на три отделения по 40 человек. В неделю проводилось два урока. Специального помещения для проведения занятий не имеется. Занятия проходили в публичной зале, небольшой и невысокой, где не представляется возможным сделать все необходимые приспособления»¹⁰.

Гимнастические упражнения и подвижные игры организовывались весной и осенью на улице, а зимой – в гимназическом актовом зале

или в небольшой комнате на первом этаже. Вопросы расширения училищного здания Олонецкой гимназии, построенного в конце XVIII века, поднимались постоянно. Тесные помещения гимназии не удовлетворяли потребности гимназического образования в XIX веке. В своих донесениях директора гимназии указывали на отсутствие удобных помещений для библиотеки, физического кабинета и зала для гимнастических упражнений. Для решения данного вопроса в марте 1873 года князь П. И. Ливен, попечитель Санкт-Петербургского учебного округа, поручил директору гимназии В. Н. Елецкому составить план и смету

«на устройство во дворе гимназии флигеля, в верхнем этаже которого были бы две больших залы для библиотеки и вместе с тем для гимнастических упражнений, другие для физического кабинета и в нижнем этаже – две квартиры для помощников классных наставников»¹¹.

Однако постройка деревянного флигеля в конце 1870-х годов проблему не решила.

Судя по «Ведомости о численности учащихся, обучающихся в гимназиях Санкт-Петербургского учебного округа» в 1879 году, в Олонецкой гимназии из 203 воспитанников гимнастике обучалось 177 человек (87 %) ¹², что говорит о заинтересованности учащихся в данном предмете. Подобная ситуация была и в других гимназиях округа. Например, в Архангельской гимназии уроки гимнастики посещало 177 (92 %), в Вологодской – 200 (80 %), в Новгородской – 223 (80 %) учащихся.

В 1880–1890-е годы Олонецкая гимназия приобрела гимнастические снаряды: параллельные брусья, деревянного «козла», турник, веревочную лестницу, кольца, канаты.

В начале XX века для проведения уроков гимнастики в расписание занятий ввели особые учебные часы с таким расчетом, чтобы каждый класс занимался два раза в неделю. Во дворе гимназии оборудовали обширный плац с приспособлениями для установки трамплина (для прыжков в длину), столбы с прикрепленными к ним досками с отверстиями для метания мячей¹³.

Сохранившиеся «Отчеты о состоянии Олонецкой губернской гимназии» показывают, что уроки гимнастики проводились нерегулярно, в зависимости от наличия преподавателей. Так, в 1913/14 учебном году было проведено всего 24 урока: 16 уроков сокольской гимнастики¹⁴, три урока фехтования (учитель А. Л. Шенколович) и пять уроков «военного строя» под руководством офицера Петрозаводской воинской команды. При этом директор гимназии Э. И. Юрша отметил:

«...воспитательный персонал нашей гимназии строго следовал принципу поддержания здорового русского духа в здоровом теле наших воспитанников. Гимнастика, игры, фехтование и строевое обучение укрепляют тело наших питомцев»¹⁵.

В 1914 году для преподавания фехтования гимназия приобрела 16 комплектов эспадронов, нагрудников, масок и перчаток. В 1916 году гимнастические занятия были заменены подготовкой к военной службе по программе, составленной военным ведомством.

Основной формой внешкольной работы в это время были военно-гимнастические загородные прогулки учащихся. При этом, как правило, присутствовал военный оркестр, именитые гости, губернатор и командиры батальонов Петрозаводского гарнизона. Ученики в колоннах маршировали по городу с пением военных песен в такт барабанов и под музыку оркестра Свирского резервного батальона, затем шли за город по Санкт-Петербургскому тракту. На остановках, лесных полянах, они занимались подвижными играми и гимнастикой¹⁶.

Навыки «военного строя» демонстрировались и во время пребывания в Петрозаводске высшего начальства. Так, в мае 1892 года петрозаводские гимназисты продемонстрировали умение ходить строем помощнику попечителя Санкт-Петербургского учебного округа Л. И. Лаврентьеву и архитектору Санкт-Петербургского учебного округа А. Н. Иоссе.

«Подполковник Споре, преподаватель гимнастики, вывел гимназистов с гимназического двора на площадь, где они под звуки оркестра прошли церемониальным шагом перед помощником попечителя и довольно многочисленной публикой»¹⁷,

– сообщали «Олонецкие губернские ведомости» своим читателям о визите высокопоставленных чиновников.

Традиционными мероприятиями в Олонецкой гимназии были пешеходные паломничества (походы) к «святым местам». Обычно они проводились в конце учебного года по окончании экзаменов. Так, в 1892 году учащиеся старших классов посетили Яшезерский монастырь, находящийся от Петрозаводска на расстоянии 77 верст. В монастыре они «помолились преподобному Ионе и поблагодарили Господа за благополучный исход экзаменов»¹⁸. Примечательно, что для длительного перехода воспитанники использовали плетеные лапти.

С началом Первой мировой войны (1914) гимнастические упражнения постепенно стали заменяться «военным строем», маршировкой, ружейными приемами. Учебные предметы «Гимнастика» и «Военный строй» объединялись

в единое целое, где большая часть времени отводилась на допризывную подготовку будущих воинов. В 1914 году был принят новый учебный план для гимназий, согласно которому сохранялось преподавание «Военного строя», а «Гимнастика» отменялась. Занятия по допризывной подготовке в гимназиях вводились для учащихся старше 16 лет. В программу вошли: вольные движения, полевая гимнастика без снарядов, тренировка в ходьбе и беге, строевая подготовка, разведка и подготовительные упражнения к стрельбе, а также штыковой бой и подвижные игры. Прошедшим допризывную подготовку предоставлялось преимущественное право поступления в школу прапорщиков.

ГОРОДСКИЕ УЧИЛИЩА

В отчетах смотрителей о состоянии городских училищ Олонецкой губернии за 1870–1880-е годы представлены сведения о проведении гимнастических упражнений и подвижных игр. В 1874/75 учебном году в составе Олонецкой дирекции насчитывалось 12 городских училищ. Однако, судя по архивным документам, уроки гимнастики преподавались лишь в двух – Каргопольском и Олонецком. Так, смотритель Каргопольского уезда А. Ф. Кименталь отметил, что в Каргопольском городском училище «для физического развития учащихся по средам учитель Н. Благовещенский остается после уроков на один час для преподавания комнатной гимнастики»¹⁹; за преподавание уроков гимнастики он получал 10 рублей в год. В Олонецком городском училище этот предмет первоначально вел сам смотритель Н. М. Токарев, так как «учителя отказались по недостатку времени», а затем – заведующий училищем Л. Ф. Гавердовский, выпускник Главного Педагогического института²⁰. Преподавание гимнастики велось во время перемен, для учащихся организовывались подвижные игры «лапта», «лето и зима», «сало», «в лунки» и др. Важно отметить, что учителями гимнастики в этих школах были выпускники Олонецкой духовной семинарии и Главного Педагогического института в Санкт-Петербурге. В них преподавались уроки гимнастики, а семинаристы и студенты по окончании обучения получали свидетельства на право ее преподавания.

Введение гимнастики в городских училищах активизировалось в конце 1880-х годов. В ноябре 1888 году И. П. Новиков, попечитель Санкт-Петербургского округа, предложил Н. Е. Артемову, директору Олонецких народных училищ, ввести преподавание гимнастики согласно «Инструкции и программе преподавания гимнастики» с начала 1889/90 учебного года во всех городских и начальных народных училищах, где

имелись денежные средства от земств, городских обществ, сословных учреждений или других источников. В начальных народных училищах преподавателями гимнастики могли быть приглашенные запасные нижние чины по свидетельствам, выданным воинскими начальниками²¹.

Рапорты заведующих городскими училищами на имя Н. Е. Артемова показывают, что уроки гимнастики во всех городских училищах Олонецкой губернии были введены в 1888/89 учебном году. Однако ни в одном школьном здании не имелось зала или более-менее просторного помещения для проведения гимнастических упражнений. Как правило, занятия проводились в классных комнатах и в «рекреационных залах» (коридорах):

«Гимнастические упражнения с учениками производимы были при благоприятной погоде ежедневно во время большой перемены на дворе за теснотою и неудобств к тому помещения внутри здания училища. Неимение гимнастического зала в училище напряженно отзывается на обучении гимнастике, потому что на каждый урок необходимо одну классную комнату очистить от столов, каковые по окончании урока снова нужно устанавливать на место, что все отнимает много времени. Некоторые гимнастические упражнения и совсем невозможно производить в помещении училища»²²,

– отметил М. П. Мусин, заведующий Петрозаводским городским училищем. В Вытегорском городском училище площадь для занятий расширялась следующим образом: во время уроков гимнастики открывались двери соседних классов, так что ученики могли упражняться в ходьбе и беге на пространстве нескольких классов.

На уроках гимнастики активно применялись подвижные игры. Дети играли в «пятнашки», «лапту», «жгут», «коршун», «чехарду», «мешочек бежит», «кошки-мышки», «колечко». По мере финансовых возможностей городские училища приобретали гимнастические снаряды. Обычно на уроках использовались снаряды для прыгания в ширину и в высоту (трамплин-подушка), горизонтальное бревно, шведская мачта, отвесные и горизонтальные шесты, гимнастические кольца, параллельные брусья и гимнастические палки²³. На снарядах учащиеся выполняли несложные упражнения: лазание по шесту при помощи рук и ног, лазание с переходом с одного шеста на другой, хождение по шведской мачте вверх и вниз при помощи рук и ног лицом к мачте, лазание по наклонной лестнице вверх и вниз на одних руках.

Аналогичное положение дел было во всех 12 городских училищах губернии. Уроки гимнастики проводились по три часа в неделю в каждом классе. На занятиях учащихся обучали эле-

ментарным гимнастическим упражнениям. Школьники выполняли вольные движения руками, ногами, туловищем: движение

«рук вперед, вверх, вниз и в стороны; разведение рук сверху вниз и снизу вверх, поднимание ноги вперед, отведение ее назад, в стороны, качание ноги, нагибание туловища вперед, назад и в стороны, поворачивание туловища в стороны и в заключение бег на месте»²⁴.

На уроках «военного строя» ученики знакомились с необходимыми терминами и командами, строились в шеренги, производили расчет на четные и нечетные номера с правого фланга на левый, обучались поворотам на месте направо, налево, во фронт и передвижению в строю.

Организация обучения в целом зависела от согласия преподавателей вести этот учебный предмет. Большая часть педагогов отказывалась из-за своей некомпетентности, отсутствия помещений и гимнастических снарядов, а также большой учебной нагрузки. Проводить дополнительные бесплатные уроки во время перемен и в послеурочное время соглашались немногие. Унтер-офицеры могли выполнять свои обязанности временно в связи со спецификой воинской службы (частые переводы в другие воинские части), к тому же из-за низкой оплаты труда они не соглашались работать в школе.

Уроки «военного строя» велись только в тех училищах, где земства соглашались выделять на это дополнительную материальную помощь. В 1910 году в уездных городах Олонецкой губернии прошли земские собрания. На них с докладами выступали представители дирекции народных училищ, указывая на особую важность физического развития детей и военного обучения будущих защитников Отечества.

В июле 1910 года директор народных училищ Г. А. Попов в Олонецком губернском земском собрании сделал доклад «О пособии на введение обучения военному строю и гимнастике в начальных училищах Петрозаводска». В своей речи он убеждал собравшихся в необходимости занятий физическими упражнениями и создании «потешного» отряда из учеников начальных училищ для участия в празднике-смотре потешных войск в Петербурге в августе 1911 года. Просьбы директора касались денежной помощи на приобретение музыкальных инструментов для школьного духового оркестра (200 рублей), деревянных ружей (100 рублей) и обмундирования учащихся (400 рублей). Заслушав проникновенное и содержательное сообщение Г. А. Попова, губернская управа, «вполне сочувствуя преподаванию в школах гимнастики и военного строя, затруднилась со своей стороны высказаться за какое-либо ассигнование на этот предмет из средств гу-

бернского земства»²⁵. В этой связи в городских училищах Олонецкой губернии уроки гимнастики и «военного строя» преподавали штатные учителя в качестве дополнительной учебной нагрузки или, чаще всего, безвозмездно.

СЕЛЬСКИЕ НАЧАЛЬНЫЕ УЧИЛИЩА

Серьезные трудности по организации уроков гимнастики испытывали заведующие сельскими начальными училищами. Проблемы отсутствия специальных помещений, инвентаря и учителей физического воспитания в сельской местности обнажились более остро. Подавляющее большинство народных школ находились в арендованных крестьянских домах и имели в своем распоряжении только небольшие классные комнаты. Дворовые территории рядом с такими зданиями также не были приспособлены для занятий физическими упражнениями. Такие условия не позволяли проводить уроки ни в помещениях, ни на улице. К этому добавлялось отсутствие какого-либо инвентаря. Учителя отказывались работать бесплатно (см. таблицу).

Количество сельских начальных школ Олонецкой губернии в конце XIX – начале XX века, где проводились уроки гимнастики и «военного строя»²⁶

The number of rural primary schools in the Olonets Province in the late XIX and the early XX centuries where gymnastics and military training lessons were held

Учебный год	Количество начальных школ в губернии	Количество начальных школ, где проводились уроки гимнастики и военного строя		
		Школы земские и Министерства народного просвещения	Церковно-приходские школы	Всего (%)
1874/75	240	1	—	1 (0,4 %)
1877/78	Не преподавались			
1889/90	284	63	—	63 (22,1 %)
1908/09	406	Не преподавались		
1910/11	673	12	39	51 (7,5 %)
1911/12	760	40	47	87 (11,4 %)
1913/14	813	58	32	90 (11,0 %)
1914/15	813	17	16	33 (4,0 %)
1915/16	815	20	7	27 (3,3 %)

Табличные данные иллюстрируют полное отсутствие физического воспитания в сельских училищах Олонецкой губернии в 1870-е годы. Исключением можно считать организацию уроков гимнастики в 1874/75 учебном году в Оштинском двухклассном училище Вытегорского уезда. Это была единственная школа, где выпускник Олонецкой духовной семинарии, учитель А. Васильев, в хорошую погоду на переменах проводил подвижные игры, а в зимнее время –

во флигеле училищного здания, где были обустроены гимнастические снаряды²⁷.

Преподавание гимнастики в олонечских народных училищах началось после издания «Инструкции и программы преподавания гимнастики» (1889) и рекомендации Министерства народного просвещения о введении физических упражнений в начальных школах. Однако из 284 имеющихся в губернии школ нашли возможность проводить гимнастику только 63 (21,1 %). В дальнейшем численность начальных училищ, где преподавали гимнастику, постепенно снижалась. К началу XX века ни в одной начальной школе данный предмет не преподавался. При отсутствии каких-либо государственных средств на организацию такого обучения высшие училищные власти предложили изыскать земские или благотворительные средства. Однако уездные земства отказывались от финансирования. Так, на заседании Повенецкого земского собрания в октябре 1890 года было принято следующее решение: «Обучение военной гимнастике и военному строю учащихся в сельских школах введено быть не может» по причине крайней тесноты помещений сельских школ, «выносить же классные столы для производства гимнастических упражнений и строя совет признает невозможным»²⁸.

В 1909 году Министерство народного просвещения обязало ввести в начальных школах уроки военной гимнастики. Однако выполнить министерское распоряжение не представлялось возможным в полной мере. В своем рапорте попечителю Санкт-Петербургского учебного округа А. А. Мусину-Пушкину директор народных училищ Олонецкой губернии И. В. Волкович указал, что из существующих в губернии 406 начальных школ начать преподавание нового предмета возможно только в 62, где имелись более или менее подходящие помещения, на что требовалось 6820 рублей²⁹. Обращения директора училищ в 1909–1910 годах по выделению материальной помощи в адрес уездных земств не дали положительного результата. Только в 1911 году на организацию военного обучения в сельских начальных школах выделили: Петрозаводское уездное земство – 310 рублей на Ладвинское двухклассное училище; Вытегорское – 45 рублей на девять школ; Повенецкое – 200 рублей на три школы; Каргопольское – 225 рублей на пять школ³⁰. Отказы последовали из Олонецкого, Лодейнопольского и Пудожского уездных земств. Уездные собрания одобрили и признали желательным данное мероприятие. Однако ввиду ограниченности земских бюджетов дополнительных денежных средств на обучение военной гимнастике не имелось.

Таким образом, в 1911 году финансовая помощь была оказана только 18 училищам из имеющихся в Олонецкой губернии 760 сельских школ. В дальнейшем материальная поддержка не осуществлялась. Это и обусловило незначительное количество школ, где преподавалась данная дисциплина (см. таблицу).

Отметим, что такое положение дел было повсеместно. В июне 1910 года в Петербурге состоялся съезд директоров народных училищ Санкт-Петербургского учебного округа. На одном из заседаний съезда обсуждался вопрос оплаты труда учителей гимнастики и «военного строя». Участники с сожалением констатировали: «Местные земства отказывают в ассигновании каких-либо средств на правильную по всем школам постановку этого предмета»³¹. Надежда на земские учреждения не оправдалась. В конце XIX – начале XX века губернские и уездные земства выделяли значительные денежные средства на организацию всеобщего начального обучения: открывали земские школы, финансировали церковно-приходские училища Духовного ведомства, содержали народные библиотеки и т. д. В этой связи они отказывались от дополнительных выплат.

В Национальном архиве Республики Карелия сохранились отчеты учителей начальных школ о проведении уроков гимнастики. В них представлена статистика и краткое перечисление основных гимнастических упражнений, подвижных игр, используемых на уроках. Мало кто из преподавателей подробно описывал организацию занятий. Интерес для исследователей представляет отчет учителя Вохтозерского сельского училища К. Дмитриева. В мае 1893 года он отметил, что из 26 обучающихся в училище 24 занимаются гимнастическими упражнениями, двое освобождены по состоянию здоровья. Гимнастика проводится после третьего урока, перед обедом,

«с целью оживить засидевшегося за три урока ученика, укрепить физические силы, а тем самым освежить работу мозга (усиление кровообращения) и подчинить детей к порядку, слову учителя. Уроки гимнастики продолжаются 15–20 минут. Гимнастика производится в классной комнате, где имеется свободное место 36 аршин, а весной на улице. Учащиеся расставляются в два-три ряда, впереди те, кто меньше ростом. Гимнастические упражнения: строевые движения и вольные движения. Сначала учитель сам показывает, как нужно проделать их, а затем уже заставляет исполнить всех. По окончании гимнастических упражнений дети бегут (обязательно бегут) в деревню за 100 сажень от школы, обедают и назад идут тихо»³².

ВЫВОДЫ

Таким образом, в учебные заведения Олонецкой губернии уроки гимнастики и «военного

стоя» внедрялись в течение второй половины XIX века. Несмотря на обязательность преподавания, этот учебный предмет не входил в школьное расписание. Единых форм и методов физического воспитания в учебных заведениях не существовало. Гимнастические упражнения проводились во время «большой перемены» или после окончания учебного дня. Учителя, не имеющие знаний методики и опыта преподавания, в школьных коридорах или в классных помещениях занимались гимнастикой. Уроки по этому предмету в Олонецкой губернской гимназии и высших городских училищах проводились нерегулярно.

Попытка ввести в начальные сельские училища в 1889 году обучение военной гимнастике также не имела успеха. На практике все рекомендованные высшим училищным начальством мероприятия оказались невыполнимы. Большинство сельских училищ поме-

щались в тесных наемных домах, в которых «с трудом можно расставить классную мебель, даже проходов между классными столами часто не бывает». Безусловно, проводить гимнастические упражнения в таких помещениях было нельзя. Далеко не во всех селениях имелись оставшиеся унтер-офицеры или представители запасных нижних воинских чинов, которые могли обучать школьников «военному строю». Многие учебные заведения не имели свободных средств на вознаграждение за преподавание гимнастики, а безвозмездно работать в школе унтер-офицеры и запасные чины не соглашались.

Военное ведомство использовало физическое воспитание в гражданских учебных заведениях как основу допризывной подготовки молодежи в направлении милитаризации школы. В этой связи гимнастика подменялась строевыми упражнениями и элементарной шагистикой, а с началом Первой мировой войны была отменена.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Гайл В. В. Развитие «Физической культуры» как учебного предмета в школах Урала: 1889–1932: Дис. ... канд. пед. наук. Красноярск, 2003. 181 с.
- ² Ефимов Д. Г. Становление и развитие физической культуры и спорта в государственных учреждениях в России в 1861–1917 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000. 385 с.
- ³ Наговицын Р. С. Становление теории и практики физической культуры как самостоятельного предмета в средних общеобразовательных учебных заведениях России во второй половине – первой половине XX в.: Дис. ... канд. пед. наук. Киров, 2008. 182 с.
- ⁴ Прокофьева Л. К. Становление и развитие физической культуры в учебных заведениях Восточного Забайкалья в первой половине XX века.: Дис. ... канд. ист. наук. Шуя, 2009. 192 с.
- ⁵ Устав гимназий и прогимназий ведомства народного просвещения // Сборник Постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 5. СПб., 1877. Стб. 434.
- ⁶ РГИА. Ф. 733. Оп. 90. Д. 149. Л. 3.
- ⁷ Об открытии в столичных университетах и в высших классах всех гимназий преподавания строевого Устава пехотной службы, ротного и батальонного сверх того в означенных университетах – артиллерии и полевой фортификации // Сборник Постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 2. СПб., 1864. Стб. 1349–1350.
- ⁸ Манифест «О введении всеобщей воинской повинности» // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 49. Ч. 1. № 52882. С. 2. СПб., 1876; «Устав о воинской службе» // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. 49. Ч. 1. № 52983. С. 4. СПб., 1876.
- ⁹ Об изменении и дополнении в Уставе гимназий и прогимназий // Сборник Постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 5. СПб., 1877. Стб. 312–313.
- ¹⁰ Отчет о состоянии Олонецкой гимназии за 1872/73 учебный год. Петрозаводск, 1873. С. 14.
- ¹¹ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 6763. Л. 5.
- ¹² РГИА. Ф. 733. Оп. 203. Д. 300. Л. 24.
- ¹³ Сокольская гимнастика – гимнастика, базирующаяся на упражнениях с предметами, физических упражнениях на снарядах, массовых упражнениях и пирамидах. Ее основателем был профессор Пражского университета М. Тырш (1832–1884).
- ¹⁴ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 6763. Л. 5.
- ¹⁵ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 14300. Л. 18 об.
- ¹⁶ Олонецкая летопись // Олонецкие губернские ведомости. 1892. № 74. С. 778–779.
- ¹⁷ Пребывание в Петрозаводске помощника попечителя Санкт-Петербургского учебного округа // Олонецкие губернские ведомости. 1892. № 43. С. 6–7.
- ¹⁸ Путешествие гимназистов // Олонецкие губернские ведомости. 1892. № 42. С. 440.
- ¹⁹ НА РК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 7/56. Л. 60.
- ²⁰ НА РК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 9/79. Л. 287–287 об.
- ²¹ НА РК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 23/221. Л. 28.
- ²² НА РК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 23/221. Л. 33.
- ²³ НА РК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 29/305. Л. 9.
- ²⁴ НА РК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 23/271. Л. 45.

- ²⁵ По ходатайству директора народных училищ Олонецкой губернии о пособии на введение обучения военному строю и гимнастики в начальных училищах Петрозаводска // Доклады Олонецкой губернской земской управы губернскому собранию: сессий чрезвычайной 27–28 июля и 44 очередной 30 ноября – 17 декабря 1910 г. Петрозаводск, 1911. С. 531–532.
- ²⁶ Таблица составлена по материалам школьной статистики 1911–1916 годов.
- ²⁷ НА РК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 8/72. Л. 157.
- ²⁸ Журналы Повенецкого уездного земского собрания. Петрозаводск, 1891. С. 15.
- ²⁹ НА РК. Ф. 139. Оп. 1. Д. 11635. Л. 46.
- ³⁰ НА РК. Ф. 17. Оп. 1. Д. 68/1047. Л. 27–31.
- ³¹ ЦГИА СПб. Ф. 139. Оп. 1. Д. 18583. Л. 12.
- ³² НА РК. Ф. 78. Оп. 1. Д. 32/399. Л. 3–3 об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аминова Л. Я., Аминов Т. М. Физкультурное образование в учебных заведениях Башкортостана: историко-педагогический аспект // Теория и практика физической культуры. 2009. № 4. С. 40–43.
2. Бич Ю. Г., Самсоненко Т. А., Битарова Л. Г., Тонковидова А. В. Физическое воспитание кубанских казаков на рубеже 19–20 веков // Фундаментальная и прикладная наука: состояние и тенденции развития. Петрозаводск: МЦНП «Новая наука», 2021. С. 55–69. DOI: 10.46916/16122021-1-978-5-00174-403-0
3. Цуканова О. М., Карпова Г. Г. Физическое воспитание учащейся молодежи Курской губернии (в XIX – начале XX вв.). Курск: ЗАО «Университетская книга, 2021. 266 с.

Поступила в редакцию 06.02.2025; принята к публикации 09.06.2025

Original article

Elena A. Kalinina, Dr. Sc. (History), Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-8837-3674; kalinka46@yandex.ru

TEACHING GYMNASTICS AND “MILITARY ORDER” IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE OLONETS PROVINCE: THE HISTORICAL ASPECT

Abstract. The legal status of pupils of Russian educational institutions in the XIX century was fixed by school charters. The curricula of academic disciplines were broad, reflecting the influence of the Enlightenment ideas and determining the preparation of a “well-mannered” person for future life. In the first half of the XIX century, gymnastics was not a compulsory school subject, with “physical exercises” prescribed for students’ walks in the fresh air. This study is the first attempt to analyze the introduction of gymnastics and “military order” lessons, the forms of organizing extracurricular work in the educational institutions of the Olonets Province during the second half of the XIX and the early XX centuries. The novelty of the study is the introduction of previously unpublished archival documents on the history of public education into scholarly circulation. The author shows the implementation of school charters and the decrees of the Ministry of Public Education on incorporating these academic disciplines into the educational process. The paper presents documents stored in the Russian State Historical Archive, the Central State Historical Archive, and the National Archives of the Republic of Karelia. A wide range of published sources and materials from central or regional periodicals were identified and reviewed. The author examines reports on the state of educational institutions filed by gymnasium directors, as well as reports of the heads of city schools and primary school teachers. The author concludes that the incorporation of military gymnastics lessons and “military order” training into the comprehensive schools’ curricula took place within the framework of government orders, namely decrees and circulars of the Ministry of Public Education and the Military Department. However, the organization of training was plagued by problems with documentation, facilities, and material resources, and the lack of personnel.

Key words: public education, gymnasium, primary schools, Olonets Province, physical education, military training, gymnastics

For citation: Kalinina, E. A. Teaching gymnastics and “military order” in educational institutions of the Olonets Province: the historical aspect. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(6):50–57. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1215

REFERENCES

1. Aminova, L. Ya., Aminov, T. M. Physical education in educational institutions of Bashkortostan: the historical and pedagogical aspect. *Theory and Practice of Physical Culture*. 2009;4:40–43. (In Russ.)
2. Bich, Yu. G., Samsonenko, T. A., Bitarova, L. G., Tonkovidova, A. V. Physical education of the Kuban Cossacks at the turn of the XX century. *Fundamental and applied science: status and development trends*. Petrozavodsk, 2021. P. 55–69. DOI: 10.46916/16122021-1-978-5-00174-403-0 (In Russ.)
3. Tsukanova, O. M., Karpova, G. G. Physical education of students in the Kursk Province (in the XIX and early XX centuries). Kursk, 2021. 266 p. (In Russ.)

Received: 6 February 2025; accepted: 9 June 2025

АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ ПАШКОВ

доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Института истории, политических и социальных наук

Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-1408-3137; pashkov@petrsu.ru

О ПОПЫТКЕ УСТАНОВИТЬ ПАМЯТНИК ПЕТРУ I В ПЕТРОЗАВОДСКЕ В 1850 ГОДУ

Аннотация. Статья посвящена неудачной попытке установить памятник Петру I в Петрозаводске в 1850 году. Ее инициатором был губернатор Н. Э. Писарев. Памятник представлял собой усеченную стелу высотой около трех метров. Однако ходатайство об установке памятника было отклонено министром внутренних дел Л. А. Перовским по причине его низкого художественного уровня. В статье доказывается, что помимо этой существовали еще и другие причины: Н. Э. Писарев имел репутацию взяточника и мерзавца, за что и был переведен с Украины на пост губернатора в отдаленную и малонаселенную Олонецкую губернию. Эта должность была для него ссылкой, а инициативу установить памятник Петру I он рассматривал как возможность заявить о себе. Кроме того, за десять дней до подачи ходатайства Л. А. Перовскому, 22 августа, Н. Э. Писарев публично получил пощечину от ссыльного мелкого чиновника во время церковной службы. Такая публичная дискредитация губернатора, которого вскоре отправили в отставку, была еще одной причиной отказа в установке памятника.

Ключевые слова: историческая память, Петр I, Петрозаводск, Н. Э. Писарев, Л. А. Перовский

Для цитирования: Пашков А. М. О попытке установить памятник Петру I в Петрозаводске в 1850 году // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 6. С. 58–64. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1216

ВВЕДЕНИЕ

Создание памятников историческим деятелям является одной из основных форм проявления исторической памяти¹. Как правило, появление этих памятников санкционируется государством и является реализацией политики по формированию исторической памяти в конкретных исторических условиях². Однако в отдельных случаях государство не поддерживает открытие памятников признанным историческим деятелям, если их создание имеет какую-то нежелательную подоплеку. Примером этого является неудачная попытка сооружения памятника Петру I в Петрозаводске.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ПЕТРЕ I В НИКОЛАЕВСКОЙ РОССИИ

В России интерес к царю Петру и Петровской эпохе демонстрировал и взлеты, и падения. В годы правления Александра I интерес к петровскому времени угас. Власть была занята проектами реформ и войнами с Наполеоном. Кроме того, Александр I был полной противоположностью царя Петра. Петр был деятельной

личностью, а Александр I, по словам А. С. Пушкина, «враг труда». Петр отличался прямоотой и откровенностью, а Александр I, по выражению одного дипломата, был «фальшив, как пена морская».

Отношение к царю Петру изменилось с приходом к власти императора Николая I. Историки отмечают, что в 1830–1840-е годы фигура Петра становится предметом живого общественного интереса и сравнительно широкой дискуссии³. Вместе с тем поклонение ему приобретает характер официального культа. Был переиздан труд И. И. Голикова «Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России» (Т. 1–15. М., 1837–1843). В 1831 году А. С. Пушкин лично от Николая I получил разрешение работать в архивах для написания «Истории Петра I». После смерти А. С. Пушкина Николай I в 1842 году поручил работу по написанию истории Петра профессору Н. Г. Устрялову [1], [9], [12: 86–151]. Результатом его многолетних изысканий стало издание многотомной «Истории царствования Петра Великого» (Т. 1–4, 6. СПб., 1858–1864).

Образ Петра I привлекал внимание многих писателей и поэтов. А. С. Пушкин посвятил

ему ряд произведений («Стансы», «Полтава», «Медный всадник» и др.), незавершенный роман «Арап Петра Великого», незавершенный исторический труд «История Петра». Среди произведений других авторов можно назвать исторический роман И. И. Лажечникова «Последний Новик, или Завоевание Лифляндии в царствование Петра Великого», пьесы Н. А. Полевого «Дедушка русского флота» и «Купец Иголкин» и другие произведения.

Николаевская эпоха отмечена и появлением новых петровских памятников. К началу правления Николая I общее количество различных памятников в России не превышало полутора десятков. Но в годы его царствования началось активное сооружение монументов в честь исторических событий и выдающихся деятелей русской истории. Всего их появилось около ста. Минимум пять памятников были посвящены Петру I: стела в Лодейном Поле (1832), памятник в Кронштадте (1841), обелиск в имении князя С. М. Голицына Кузьминки под Москвой (1846), чугунный обелиск в Полтаве (1849) и стела в селе Васьково на берегу Плещеева озера (1852). На таком фоне у губернатора Олонецкой губернии Н. Э. Писарева возникла идея установить памятник Петру I в Петрозаводске.

ПЕРЕПИСКА ОЛОНЕЦКОГО ГУБЕРНАТОРА Н. Э. ПИСАРЕВА И МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ Л. А. ПЕРОВСКОГО

В Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге хранится дело «По представлению начальника Олонецкой губернии о сооружении в Петрозаводске памятника императору Петру I на том месте, где находился дворец Великого государя»⁴. Дело начинается представлением олонцкого губернатора Николая Эварестовича Писарева (1807–1884)⁵ на имя министра внутренних дел Льва Алексеевича Перовского (1792–1856) от 2 сентября 1850 года «О сооружении памятника императору Петру Великому»:

«Петрозаводск, основанный государем императором Петром Великим, не имеет никакого памятника, который бы свидетельствовал о том усиленном внимании, которое обращал Великий преобразователь России на весь Олонецкий край».

Здесь Н. Э. Писарев лукавит. Еще в 1823 году в соответствии с пожеланием Александра I, посетившего Петрозаводск в 1819 году, в городском саду был установлен бюст Петра I. Далее губернатор продолжает:

«В Петрозаводске сохраняется еще доселе несколько преданий о пребывании Петра в Петрозаводске, об основании заводов, о беседах его и, наконец, о дворце, в котором Петр имел пребывание во время своих посещений Петрозаводска».

В данном случае имеет место вольный пересказ содержания завершенного в 1814 году сочинения старейшего петрозаводского краеведа Т. В. Баландина (1745–1830) «Петрозаводские северные вечерние беседы»⁶. В представлении имеется ценная информация об остатках дворца Петра I:

«Время и невнимание разрушили этот дворец, — и я с трудом мог отыскать по рассказам и преданиям место, где он стоял. На месте этом остались только в земле признаки давних строений, какие обыкновенно остаются после их разрушения. Место это находится в городском саду, который устроен был впоследствии из березовой рощи, посаженной самим Петром Великим».

Здесь обращают на себя внимание два момента. Н. Э. Писарев заявляет министру Л. А. Перовскому, что он лично отыскивал остатки дворца Петра I. Но о его местонахождении писал Т. В. Баландин в своих «Беседах», кроме того, в подчинении губернатора служил редактором неофициальной части газеты «Олонецкие губернские ведомости» вполне компетентный краевед А. И. Иванов (1820–1890)⁷. Н. Э. Писарев, вероятно, не знал, что дворец не разрушился, а был разобран в 1772 году. Но здесь показательно другое. Н. Э. Писарев понимал, что забота о поиске и сохранении исторических памятников вызывает в Санкт-Петербурге положительную реакцию. Неслучайно в высочайше утвержденном Общем наказе гражданским губернаторам 1837 года было сказано:

«Гражданские губернаторы должны иметь попечение и о сбережении по возможности от разрушения всех остатков старых замков, крепостей и других памятников древности. О всех находимых вновь древностях они немедленно доносят Министерству внутренних дел с надлежащею точностию и подробностию»⁸.

С этого времени раздел о вновь открытых древностях вошел в ежегодные губернаторские отчеты.

Далее Н. Э. Писарев перешел к сути вопроса:

«Дабы сохранить память о том месте, где был дворец державного Петрозаводска, я полагал бы поставить на оном простой архитектуры памятник с приличною надписью.

Памятник этот... вылитый из чугуна, может стоять по заверению управителя здешнего завода не более 200 рублей серебром.

Если Ваше сиятельство изволите одобрить мысль поставления сего памятника, то я буду иметь честь представить Вашему сиятельству проект оного с теми надписями и изображениями, которые можно было бы на нем вылить».

Естественно, что в решении вопроса об установке в Петрозаводске памятника царю Петру большое значение имел источник финан-

сирования. Н. Э. Писарев предложил здесь два варианта:

«1. Находится в самом городе Петрозаводске несколько лиц, которые желали бы этот памятник поставить на свой счет.

2. Александровский литейный завод, основанный императором Петром, может вылить и устроить этот памятник на свой счет...»

Петрозаводск был маленьким и небогатым городом с населением около 10 тысяч жителей. По ревизии 1851 года, здесь проживал только один купец 1-й гильдии и потомственный почетный гражданин М. П. Пименов (1799–1865) (о нем см: [6]). Он известен как благотворитель, и, возможно, именно его имел в виду Н. Э. Писарев. Что касается отливки памятника на Александровском заводе, который, кстати, был основан не Петром, а в 1774 году, то Н. Э. Писарев ссылается на то, что по высочайшему повелению Министерство финансов разрешило бесплатно отлить чугунный памятник на могилу многолетнего смотрителя этого завода В. Е. Кларка⁹ стоимостью 300 рублей серебром (рис. 1). К представлению Н. Э. Писарева был приложен чертеж предполагаемого памятника в виде усеченной стелы высотой 4 аршина (около 2,84 метра) (рис. 2).

Казалось, что предложение Н. Э. Писарева об установке памятника Петру I в Петрозаводске обречено на успех. Оно шло в русле правительственной политики по прославлению царя Петра и его деятельности, имело под собой какое-никакое историческое обоснование и, наконец, было продумано в финансовом плане. Но министр внутренних дел Л. А. Перовский, от которого зависело дальнейшее решение этого вопроса, высказался против из-за недостаточно высокого эстетического уровня памятника. В ответе Л. А. Перовского Н. Э. Писареву было сказано:

«По рассмотрении представленного... рисунка проектированному памятнику, находя, что он не соответствует своему высокому назначению, предлагаю Вашему превосходительству войти в ближайшее соображение тех средств, которые для сего имеются, и, если они окажутся достаточными для выполнения хотя простого, но вполне изящного и художественного монумента, то представить о сем в подробности для испрошения Высочайшего на то разрешения».

Неудача не заставила Н. Э. Писарева отказаться от своего намерения. 23 сентября он пишет на имя Л. А. Перовского новое представление:

«...честь имею ответить, что предположение мое поставить в Петрозаводске на том месте, где был дворец императора Петра Великого, приличный памятник имеет единственною целью сохранить это место от забвения, в котором оно уже находилось. Но в настоящее время у меня нет чиновника,

Рис. 1. Памятник В. Е. Кларку на старом немецком кладбище. 1845 год. Фото 1930 года. Источник: интернет-ресурс, свободный доступ

Figure 1. Monument to Basil Clark at the old German cemetery, 1845 (photo dates to 1930), an open Internet source

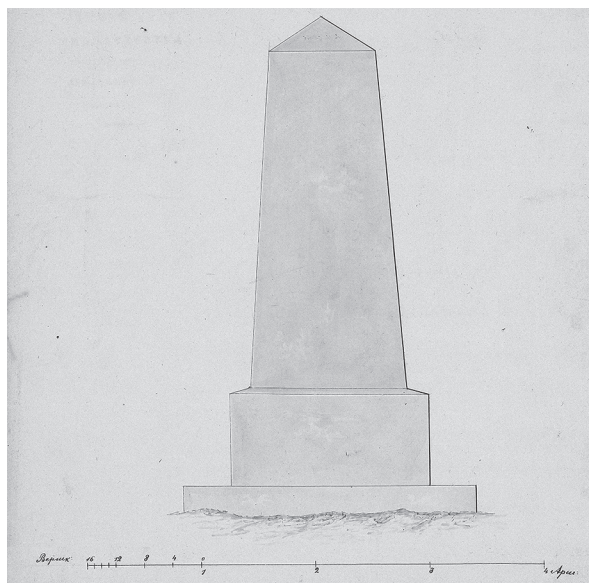

Рис. 2. Чертеж предполагаемого памятника Петру I. 1850 год. Российский государственный исторический архив

Figure 2. Drawing of the proposed monument to Peter the Great, 1850, the Russian State Historical Archive

который мог бы составить изящный и художественный проект этого памятника, а потому я имею честь... просить Ваше сиятельство... приказать изготовить этот проект в Академии художеств. Когда это будет исполнено, я бы мог тогда... составить на постройку этого памятника смету и изыскать потребные для постройки средства».

Ответ министра на это представление был еще более негативным:

«...уведомляю вас, что я нахожу неудобным прежде изыскания средств для сооружения сказанного памятника изготовлять проект, так как при составлении его должно соображаться с имеющимися в виду на сей предмет денежными суммами».

После получения такого ответа Н. Э. Писарев отказался от идеи установить в Петрозаводске памятник Петру I.

Возникает вопрос: в чем истинная причина неудачи? Проблема о том, что должно быть раньше – создание проекта памятника или составление сметы на его изготовление – представляется надуманной, ее можно было решить в рабочем порядке. Относительно художественной ценности стелы можно сказать, что в 1832 году в Лодейном Поле был установлен памятник Петру I в виде четырехгранной стелы, увенчанной двуглавым орлом, с профилем царя в виде барельефа в овале на одной из сторон и надписью (рис. 3). Профессор С.-Петербургского университета А. В. Никитенко, побывавший в Лодейном Поле в июле 1834 года, писал:

«Над самую рекой я встретил, впрочем, нечто любопытное: памятник Петру Великому, воздвигнутый здешним купцом Софроновым. Это пирамидка вроде той, что на Васильевском острове в Петербурге, которая называется Румянцевскою, – только в миниатюре. На пирамидке надпись: “На том месте, где некогда был дворец императора Петра I, да знаменует следы Великого сей скромный, простым усердием воздвигнутый памятник – усердием с.-петербургского купца 2 гильдии, Мирона Софронова”. Право, не дурно, ибо просто, без всякой риторики»¹⁰.

Высота памятника была, вероятно, три сажени (около 6,4 метра). Согласно преданию, памятник был воздвигнут М. Софроновым по предсмертному желанию его малолетнего сына.

Поэтому и по размерам, и по декоративному убранству лодейнопольский уездный памятник превосходил губернский памятник по проекту Н. Э. Писарева, тем более что оба имели одинаковое предназначение: отмечали места петровских дворцов. Уже исходя из этого проект Н. Э. Писарева мог быть отвергнут Л. А. Перовским.

НИКОЛАЙ ЭВАРЕСТОВИЧ ПИСАРЕВ – ЧИНОВНИК НИКОЛАЕВСКОЙ ЭПОХИ

Но была и другая причина такой реакции министра Л. А. Перовского – это крайне неблагоприятная репутация Н. Э. Писарева. Потомок старинного дворянского рода, Н. Э. Писарев окончил Московский благородный пансион и в 1825 году поступил на службу в Министерство финансов. В 1837 году дальний родственник Писаревых Д. Г. Бибиков был назначен военным губернатором Киевской губернии и генерал-губернатором Волынской и Подоль-

Рис. 3. Памятник Петру I в Лодейном Поле. 1832 год.
Источник: интернет-ресурс, свободный доступ

Figure 3. Monument to Peter the Great in Lodeynoye Pole, 1832, an open Internet source

ской губерний. Н. Э. Писарев перешел к нему на службу, стал чиновником особых поручений, а в 1841 году – правителем канцелярии Д. Г. Бибикова. На Украине Н. Э. Писарев проявил себя как махровый взяточник и мерзавец. Известная мемуаристка А. О. Смирнова-Россет писала со слов своего брата – сослуживца Н. Э. Писарева, что «Бибиков жил с женою Писарева, правителя его канцелярии, этот взятки брал беспощадно»¹¹. Сослуживец Н. Э. Писарева П. Д. Селецкий вспоминал:

«Писарев был тогда всемогущим человеком в администрации генерал-губернатора. Хотя и ходили довольно неблагоприятные слухи о причинах его влияния и насчет нравственных его качеств, тем не менее, пользуясь неограниченным доверием Бибикова, Писарев пользовался в Киеве большим почетом и играл в последнюю роль... Писарев, получивший воспитание в Московском благородном пансионе, был мне не по сердцу. В его маленькой фигуре, в его светло-голубых стеклянных глазах, светивших умом и фальшью, было что-то отталкивающее, антипатичное... В каждом деле Писарев искал личной пользы и находил ее... Рассказывали, что однажды Бибиков сказал Писареву: “носятся слухи, что вы берете взятки”. “Не всякому слуху следует верить, – ответил Писарев, – говорят также, будто ваше высокопревосходительство в связи с моей женой. Я этому не верю”... Чем больше знакомился я с делами, тем безвыходнее становилось мое положение... Осталось или подчиниться вполне требованиям Писарева, что по правилам моим было немыслимо, или оставить занятия... направление настоящей молодежи и мое в особенности крайне не нравились Писареву. Он называл нас утопистами, мечтателями, проводителями новых начал, несвойственных русской природе и нашему общественному строю»¹².

Поэт Т. Г. Шевченко в своем «Дневнике» назвал Н. Э. Писарева «гениальным взяточником»¹³.

В конце концов слухи о запредельной коррупции Н. Э. Писарева дошли до Министерства внутренних дел и III отделения. Министр внутренних дел Л. А. Перовский писал главноуправляющему III отделением царской канцелярии и шефу жандармов графу А. Ф. Орлову, что держать Н. Э. Писарева на Украине нельзя, ибо он «человек подкупной». Но благодаря заступничеству Д. Г. Бибикова Н. Э. Писарев отделался легко: в июле 1848 года был назначен гражданским губернатором Олонецкой губернии.

Олонецкая губерния была небольшой по населению (263,4 тысячи человек по ревизии 1851 года) и бедной (около 83,2 % мужского населения составляли крестьяне). Там не было богатых помещиков (всего в губернии насчитывалось только 5,9 тысячи душ мужского пола крепостных крестьян), а купцов было всего 250 душ мужского пола¹⁴. Брать взятки было не с кого.

Н. Э. Писарев прибыл в Петрозаводск в год, когда по всей Западной Европе происходили революции. Чтобы показать начальству свое служебное рвение, он начал гонения на живших в Петрозаводске ссыльных: инициировал обыски и жандармское расследование в отношении члена Кирилло-Мефодиевского братства (об этой организации см.: [4]) Г. Л. Андрузского¹⁵, участника кружка петрашевцев А. П. Баласогло (о нем см.: [7: 84–107], [10: 113–218]) и польского дворянина В. Липпомана (о нем см.: [7: 20]). Результатом этого стало ужесточение мер в отношении этих ссыльных: в апреле 1850 года Г. Л. Андрузский был сослан в Соловецкий монастырь, а в декабре 1850 года В. Липпоман был переведен

в ссылку в Олонец. Не выдержав постоянных придинок и преследований Н. Э. Писарева и воспользовавшись его отсутствием в Петрозаводске, А. П. Баласогло 27 мая 1851 года публично объявил, что ему известна «одна важная государственная тайна» и он требует отправить его в Петербург для личного объяснения с Николаем I. Перепуганные чиновники поторопились отправить А. П. Баласогло в столицу, при этом вице-губернатор М. М. Большев в сопроводительном письме дал ему вполне благоприятную характеристику [7: 91–92].

Служебная карьера Н. Э. Писарева прервалась неожиданно. 22 августа 1850 года на молебне в кафедральном соборе по случаю годовщины коронации Николая I он сделал замечание мелкому чиновнику, семь лет назад высланному из Петербурга, Михаилу Матвееву за то, что тот пришел в поношенной шинели и стоптанных башмаках, и предложил ему удалиться. М. Матвеев ответил, что перед богом все равны, и остался. Губернатор приказал по окончании службы его арестовать. Но когда Н. Э. Писарев подошел, чтобы приложиться к кресту, М. Матвеев ударил его по щеке. Полиция немедленно арестовала смутьяна, а суд приговорил его к бессрочной каторге на Нерчинских рудниках [7: 70–71], [10: 180–181]. Этот инцидент окончательно дискредитировал Н. Э. Писарева. Чтобы как-то поправить свое пошатнувшееся реноме, он срочно вышел с инициативой установить в Петрозаводске памятник Петру I, но встретил непреодолимое препятствие в лице министра внутренних дел Л. А. Перовского. Можно предположить, что его отказ поддержать ходатайство Н. Э. Писарева был обусловлен двумя причинами. Во-первых, судя по чертежу, предполагаемый памятник (усеченная стела) был довольно примитивным и проигрывал даже в сравнении с памятником, установленным в Лодейном Поле. Во-вторых, одиозная репутация Н. Э. Писарева делала его, выражаясь современным языком, слишком токсичным и не позволяла допускать его к формированию культа Петра. И, наконец, после инцидента с публичной пощечиной судьба побитого губернатора была предопределена: его ожидала отставка.

В июле 1851 года Н. Э. Писарев был уволен с государственной службы. Последние годы жизни он провел в своем имении в Тульской губернии. За годы «служения отечеству» он сумел сколотить большое состояние и охотно помогал своим многочисленным родственникам. Так, он оплачивал учебу в гимназии и Петербургском университете своего двоюродного племянника Дмитрия Ивановича Писарева (1840–1868),

Рис. 4. Место петровского дворца. 1916 год.

Фотограф С. М. Прокудин-Горский.

Источник: интернет-ресурс, свободный доступ

Figure 4. The site of Peter the Great's palace, 1916, (photo taken by S. M. Prokudin-Gorsky), an open Internet source

в будущем известного публициста и литературного критика демократического направления.

ПЕТРОВСКИЙ ДВОРЕЦ КАК ПАМЯТНОЕ МЕСТО ПЕТРОЗАВОДСКА НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВЕКОВ

Памятник Петру I был поставлен на Круглой площади (ныне площадь Ленина) в центре Петрозаводска в 1873 году. Что же касается места, где находился дворец Петра I, оно было заброшено. Мемуарист С. А. Адрианов, посетивший Петрозаводск в 1896 году, писал:

«Пруд, выкопанный в саду при Петре, сохранился, но он весь засорен и заплесневел, хотя на обоих концах его стоят столбы с надписью “Просят пруда не сорить и не портить”. На лужайке над прудом высится деревянный кол, а на нем дощечка с надписью: “Здесь стоял дворец Петра Великого” – это все, что осталось от дворца»¹⁶.

Примерно таким же увидел в 1916 году место петровского дворца известный фотограф

С. М. Прокудин-Горский и запечатлел его на одной из своих фотографий (рис. 4).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Историческая память о Петре I всегда являлась составной частью коллективной исторической памяти жителей Петрозаводска от уровня бытового сознания (памятный крест 1725 года в память о кончине царя Петра, народные предания, историописания краеведов) до разного рода официальных дискурсов и мемориализации памяти о Петре (установка в 1823 году бюста Петра I в городском саду, открытие памятника Петру I в 1873 году). Попытка установить памятник Петру в Петрозаводске в 1850 году шла в русле этой традиции, но потерпела неудачу в силу указанных выше причин, главной из которых была репутация олонцкого губернатора Н. Э. Писарева.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Подробнее об исторической памяти, ее разновидностях и проявлениях см.: [8].
- ² Об истории появления скульптурных памятников в России в дореволюционный период см.: [3].
- ³ Подробный анализ отношения к личности Петра I в период правления Николая I см.: [1], [9].
- ⁴ РГИА. Ф. 1284. Оп. 35. Д. 172. Л. 1–7.
- ⁵ Биографические сведения о Н. Э. Писареве см.: [5: 67–71].
- ⁶ Баландин Т. В. «Петрозаводские северные вечерние беседы» и другие сочинения и письма. СПб., 2016. С. 35–137.
- ⁷ Подробнее о нем см.: Воронов А. П. Иванов Александр Иванович // Русский биографический словарь. Т. 8 «Ибак – Ключарев». СПб., 1897. С. 14–15.
- ⁸ Высочайше утвержденный общий наказ гражданским губернаторам [3 июня 1837 года] // ПСЗРИ. Собр. 2-е. Т. 12. Ч. 1. № 10303. СПб., 1838. С. 385–386.
- ⁹ Кларк Василий Егорович (Григорьевич) (1770–1842) – горный техник из Шотландии («английский художник»), «уроженец из Великобритании», начал службу на Александровском пушечном заводе в 1787 году, с 1805 года был смотрителем завода, в 1834 году произведен в подполковники. Подробнее о нем см.: [2].
- ¹⁰ Никитенко А. В. Дневник. Т. 1. М., 1955. С. 148.
- ¹¹ Смирнова-Россет А. О. Дневник. Воспоминания. М., 1989. С. 232.
- ¹² Селецкий П. Д. Записки // Киевская старина. 1884. Т. 10, № 9. С. 82–84, 86–88, 94.
- ¹³ Шевченко Т. Г. Дневник. М., 1939. С. 114.
- ¹⁴ Кеппен П. И. Девятая ревизия: Исследование о числе жителей в России в 1851 году. СПб., 1857. С. 92–93.
- ¹⁵ Подробнее о нем см.: Виноградов Н. Н. К истории политической ссылки в Карелии. Георгий Львович Андруцкий // Карелия. Ежегодник Карельского государственного музея за 1928 год. Петрозаводск, 1930. Т. 1. С. 88–93; [11: 181–193].
- ¹⁶ Адрианов С. А. Петрозаводская старина // Исторический вестник. 1896. № 9. С. 698.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Выходков Л. В. Два императора: образ Петра Великого как идеологическая модель царствования Николая I // Русско-Византийский вестник. 2023. № 1 (12). С. 130–145.
2. Генделев Д. З. Иностранные специалисты на Петровских железоделательных и Александровском пушечном заводах (XVIII век) // Генделев Д. З. Жизнь и книги. Петрозаводск: Острова, 2020. С. 103–107.
3. Еремеева С. А. Памяти памятников: практика монументальной коммеморации в России XIX – начала XX в. М.: РГГУ, 2015. 530 с.
4. Зайончковский П. А. Кирилло-Мефодиевское общество. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1959. 172 с.
5. Кораблев Н. А., Мошина Т. А. Олонцкие губернаторы и генерал-губернаторы: Биографический справочник. Изд. 2-е. Петрозаводск: Изд-во ООО «Строит. стандарт», 2012. 140 с.
6. Кораблев Н. А., Мошина Т. А. Пименовы: династия предпринимателей, благотворителей, общественных деятелей. Петрозаводск: Карельский НЦ РАН, 2016. 107 с.
7. Пашков А. М. Политическая ссылка и развитие исторического краеведения Карелии в XIX – начале XX века. СПб.: Дмитрий Буланин, 2022. 336 с.
8. Сафонова Ю. А. Историческая память: введение. СПб.: Изд-во Европейского университета в С.-Петербурге, 2020. 244 с.

9. Соловьев П. С. Николай I и «петровская легенда»: Общество, власть, литература // Освободительное движение в России. Вып. 18. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2000. С. 52–63.
10. Тхоржевский С. С. Портреты пером. М.: Книга, 1986. 351 с.
11. Фруменков Г. Г. Узники Соловецкого монастыря. Изд. 4-е. Архангельск: Сев.-зап. кн. изд-во, 1979. 224 с.
12. Riasanovsky N. V. The image of Peter the Great in Russian history and thought. New York; Oxford: Oxford University Press, 1985. 331 p.

Поступила в редакцию 15.01.2025; принята к публикации 09.06.2025

Original article

Alexander M. Pashkov, Dr. Sc. (History), Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-1408-3137; pashkov@petrsu.ru

AN ATTEMPT TO BUILD A MONUMENT TO PETER THE GREAT IN PETROZAVODSK IN 1850

Abstract. The article addresses an unsuccessful attempt to erect a monument to Peter the Great in Petrozavodsk in 1850 initiated by Governor Nikolay Pisarev. The monument was designed as a truncated stele about three meters high. However, the request for the monument's installation was rejected by the Minister of Internal Affairs, Lev Perovsky, because of its low artistic value. The article proves that it was not the only reason for refusal: Nikolay Pisarev had a reputation as a bribe taker and a scoundrel, for which he was transferred from Ukraine and appointed Governor of the remote and sparsely populated Olonets Province. This position was an exile for him, and he saw his proposal to build a monument to Peter the Great as an opportunity to redeem himself. Moreover, on August 22, ten days before submitting the petition to Lev Perovsky, Nikolay Pisarev was publicly slapped in the face by an exiled minor official during a church service. This public disgrace of the Governor, who was soon dismissed, was another reason to deny the installation of the monument.

Keywords: historical memory, Peter the Great, Petrozavodsk, Nikolay Pisarev, Lev Perovsky

For citation: Pashkov, A. M. An attempt to build a monument to Peter the Great in Petrozavodsk in 1850. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(6):58–64. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1216

REFERENCES

1. Vyskochkov, L. V. Two emperors: the image of Peter the Great as the ideological design of the Nicholas I reign. *Russian-Byzantine Herald*. 2023;1(12):130–145. (In Russ.)
2. Gendeleev, D. Z. Foreign specialists at Petrovsky ironworks and Alexandrovsky cannon foundries (the XVIII century). *Gendeleev, D. Z. Life and books*. Petrozavodsk, 2020. P. 103–107. (In Russ.)
3. Eremeeva, S. A. In memory of monuments: the practice of monumental commemoration in Russia during the XIX and the early XX centuries. Moscow, 2015. 530 p. (In Russ.)
4. Zayonchkovsky, P. A. The Cyril and Methodius Brotherhood. Moscow, 1959. 172 p. (In Russ.)
5. Korablev, N. A., Moshina, T. A. Olonets governors and governors-general: Biographical reference book. Petrozavodsk, 2012. 140 p. (In Russ.)
6. Korablev, N. A., Moshina, T. A. The Pimenovs: a dynasty of entrepreneurs, philanthropists, and public figures. Petrozavodsk, 2016. 107 p. (In Russ.)
7. Pashkov, A. M. Political exile and the development of Karelian historical local lore in the XIV and the early XX centuries. St. Petersburg, 2022. 336 p. (In Russ.)
8. Safonova, Yu. A. Historical memory: an introduction. St. Petersburg, 2020. 244 p. (In Russ.)
9. Solovyov, P. S. Nicholas I and the “Peter’s legend”: Society, power, literature. *The liberation movement in Russia*. Issue 18. Saratov, 2000. P. 52–63. (In Russ.)
10. Tkhorzhevsky, S. S. Pen portraits. Moscow, 1986. 351 p. (In Russ.)
11. Frumenkov, G. G. Prisoners of the Solovetsky Monastery. Arkhangelsk, 1979. 224 p. (In Russ.)
12. Riasanovsky, N. V. The image of Peter the Great in Russian history and thought. New York; Oxford, 1985. 331 p.

Received: 15 January 2025; accepted: 9 June 2025

ЕЛЕНА ЮРЬЕВНА ДУБРОВСКАЯ

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Института языка, литературы и истории
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр
Российской академии наук»
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0000-0003-1893-7873; ldubrovskaya@inbox.ru

ВЕРНОСТЬ НАУКЕ И ОБЩЕСТВЕННОЕ СЛУЖЕНИЕ: К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ МАРИИ НИКОЛАЕВНЫ ВЛАСОВОЙ

А н н о т а ц и я . В контексте актуальных проблем сохранения преемственности в науке, поддержания профессиональной идентичности научного исторического сообщества и роли коммеморации в этих процессах рассматривается биография Марии Николаевны Власовой – видного историка Карелии, заслуженного деятеля науки КАССР, Почетного гражданина г. Петрозаводска. М. Н. Власова с 1948 по 1988 год работала в Карельском филиале АН СССР: была ученым секретарем Президиума филиала, заведующим сектором истории, долгие годы возглавляла Институт языка, литературы и истории. Успешную научно-организационную работу сочетала с огромной общественной деятельностью, с 1955 по 1959 год была депутатом и заместителем председателя Верховного Совета Карело-Финской ССР (КАССР), в 1966–1970 годах – депутатом Верховного Совета СССР и членом постоянной комиссии Совета Национальностей по народному образованию, науке и культуре, членом Парламентской группы СССР. Основными направлениями ее научной деятельности стали история Карелии начала XX века и раннесоветского периода 1920–1930-х годов, проблемы финляндского рабочего движения 1900–1907 годов, изучение советско-финляндского научного сотрудничества. Впервые привлекаются материалы семейного архива М. Н. Власовой, прежде не вводившиеся в научный оборот, которые позволяют проследить жизненную траекторию и творческое наследие человека, оставившего заметный след в истории карельской науки и в общественной жизни республики. Сделан вывод о востребованности результатов ее исследований при изучении коллективной памяти о революционных событиях в Карелии и Финляндии, взаимной радикализации финских рабочих и российских военнослужащих в годы Первой русской революции, политической топографии финляндской столицы, развития научного сотрудничества историков двух стран. Автор отдает долг памяти коллеге, наставнику, организатору науки.

К л ю ч е в ы е с л о в а : М. Н. Власова, жизненная траектория, история Карелии, история Финляндии, история науки, общественная деятельность

Б л а г о д а р н о с т и . Статья подготовлена в рамках государственного задания КарНЦ РАН, № 124022000029-0.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Дубровская Е. Ю. Верность науке и общественное служение: к 100-летию со дня рождения Марии Николаевны Власовой // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 6. С. 65–76. DOI:10.15393/uchz.art.2025.1217

ВВЕДЕНИЕ

В ноябре 1955 года в центральном издании компартии Финляндии «*Työkansan Sanomat*», выходящем в послевоенные годы, появилась обширная публикация, посвященная диссертационной работе молодой карельской исследовательницы Марии Власовой.

«Едва ли удастся найти кого-то, даже среди участников рабочего движения Финляндии, кто мог бы с таким же отличным знанием вопроса рассказать о событиях в нашей стране в 1905 году, – отмечал репортер газеты,

– и показать их историческое значение так, как это делает хорошо понимающая по-фински, всего лишь тридцатилетняя карелка, ученый секретарь Карельского филиала Академии наук СССР, которая находится сейчас в Финляндии в составе советской делегации, приехавшей на празднование месячника дружбы Финляндии и СССР»¹.

По словам автора публикации, столь глубокая осведомленность Марии Власовой о происходившем в этот период «объясняется тем, что она избрала темой своей диссертации исто-

рию рабочего движения 1905–1907 годов и проблемы борьбы рабочего класса Финляндии во время Всеобщей забастовки 1905 года»². Удивленному журналисту, поинтересовавшемуся, почему выбор пал именно на эту тему, исследовательница ответила, что ее очень интересуют вопросы рабочего движения, особенно в Финляндии, поскольку они еще остаются малоизученными³.

Пройдет несколько лет, и из-под пера М. Н. Власовой выйдет первый обобщающий труд по избранной проблеме [9], построенный на разносторонних и прежде неизвестных исследователям документальных материалах, в том числе и найденных ею – одной из первых отечественных историков, работавших в финляндских архивах, – во время этой поездки. Почти четверть века Мария Николаевна будет возглавлять старейший академический институт нынешнего Карельского научного центра РАН, став первой женщиной – директором Института языка, литературы и истории (ИЯЛИ) и установив своего рода рекорд директорского долголетия⁴.

Как и ее коллега, ровесница и подруга – известный историк Галина Николаевна Богданова, М. Н. Власова относится к первому поколению женщин-ученых из национальных регионов России, чья юность пришлась на годы Великой Отечественной войны и кто, несмотря на все трудности, сумел получить высшее образование, защитить кандидатскую диссертацию и войти в науку [3]. Изучение их жизненной траектории лежит в русле таких быстро развивающихся направлений в российской антропологии, как «женская история», «гендерная история повседневности», «антропология академической жизни»⁵.

Н. Л. Пушкарева, ведущий отечественный специалист по проблемам участия женщин в научной жизни академического сообщества, отметила, что признание значимости гендерного исследования истории науки и изучения женской повседневности как самостоятельной темы «идет рука об руку с признанием ценности женской субъективности, аксиосферы женского» и с преодолением «патриархальных воззрений в науке» [17: 53]. Обращение к биографии М. Н. Власовой дает возможность показать на региональном материале этапы творческого пути и общественной деятельности выдающейся женщины, проявившей себя в тех сферах, которые долгие годы традиционно считались областью мужских занятий.

Источниковой основой для нашей статьи, помимо архивных документов, публикаций

в периодической печати⁶, обобщающих работ по истории карельской науки и биографических справочников⁷, послужили впервые привлекаемые материалы семейного архива М. Н. Власовой⁸, в том числе уникальные фотодокументы, связанные с ее разносторонней научно-организационной и общественной деятельностью, а также семейные фотографии. Знакомство с визуальными источниками такого рода перспективно с точки зрения изучения особенностей и закономерностей структуры, культуры и общественной жизни научного сообщества⁹.

НАЧАЛО ПУТИ

Несомненно, интерес к истории рабочего движения возник у М. Н. Власовой не только в силу личного профессионального выбора, но и под влиянием тех мировоззренческих установок и ценностей, которые были привиты ей с детства отцом, в буквальном смысле слова «делавшим историю» в раннесоветский период становления Карельской республики.

Мария Николаевна родилась 1 октября 1925 года в уездном городе Олонце – столице карелов-ливвиков, в карельской семье. Ее отец Николай Иванович Власов (1890–1969) происходил из с. Колатсельга Тулмозерской волости Олонецкого уезда, из бедной крестьянской семьи. Он закончил трехгодичную церковно-приходскую школу и с 10 лет начал работать. Участвовал в Первой мировой войне, а затем в Гражданской – на стороне большевиков. В 1919–1922 годах во время военной интервенции в советскую Карелию принимал участие в боях и разгроме вторгшихся в ее пределы финских добровольцев, за что был награжден жетоном «Честному воину Карельского фронта». Его дочь, став историком, опубликовала воспоминания отца об этих событиях в сборнике документов [4: 284]. С 1918 по апрель 1919 года Николай Иванович являлся членом, а с июля 1919 по 1922 год – председателем Тулмозерского волостного исполкома. Позже, работая в лесозаготовительной промышленности, он окончил курсы директоров леспромхозов, а в 1937 году – курсы повышения квалификации в Архангельском лесотехническом институте. С 1927 года находился на руководящих должностях, в том числе в лесной промышленности Карелии: работал директором Олонецкого и Пряжинского леспромхозов. Мама М. Н. Власовой – Екатерина Николаевна, уроженка дер. Палалахта в карельском приграничье, – не умела ни читать, ни писать. Она познакомилась с будущим мужем еще в Гражданскую войну. Во время войны при речной переправе

оказалась в ледяной воде, чудом спаслась, но серьезно подорвала здоровье¹⁰.

«Все мое детство наша семья беспрестанно переезжала. Олонец, Петрозаводск, Видлица, Пряжа, вновь Петрозаводск, Пудож, а затем глубокий тыл в Западной Сибири. Из довоенного детства – ощущение какой-то тишины, покоя, безмятежности...», – вспоминала Мария Николаевна¹¹.

В 1933 году семья приехала в Петрозаводск, где девочка начала учиться в первом классе, а затем и заниматься в городском Дворце пионеров.

«Склонность у меня была, наверное, к общественной работе. Сколько себя помню – всегда в активе. Кружки, секции... Помню, вышивали огромный портрет Сталина. Петя очень любила, выступала в ансамбле песни и пляски. Довелось встречать во Дворце пионеров теперь уже легендарных Антикайна, Куусинена...»¹²

Мария Николаевна сохранила воспоминания о повседневной жизни периода Советско-финляндской войны 1939–1940 годов, когда пряжинским лесорубам пришлось спешно готовить трассу, по которой за 140 дней была проложена железная дорога от Петрозаводска до Суоярви.

«В ту зиму каждую ночь у нас ночевали по десятку красноармейцев, направлявшихся на фронт. А потом и в школе, и в больнице разместились госпитали, заполненные ранеными и обмороженными»¹³.

В ее воспоминаниях о войне присутствуют как описание реальных фактов, так и традиция рассказывания о войне, характерная для биографического дискурса и включающая типовые образы и мотивы, свойственные нарративизации истории («враг», «война», «смерть», «жизнь»), а также соотношение описываемых событий с общепринятой системой ценностей, рефлексия зрелого рассказчика и эмоциональная оценка пережитого¹⁴:

«Две войны – финская и большая, Отечественная – это тяжелый, сильный отпечаток... Помню, сидим дома с мамой, рассуждаем, что война, дескать, далеко... А следом за нашими словами неизвестно как прорвавшийся финский летчик кидает в соседний лес бомбу... В школу не ходили, рыли траншеи, в девятом классе готовились в медсестры... Было много и хорошего, и светлого, но сейчас осознаешь: война определяла жизни – и взрослые, и детские. И настоящее, и будущее...»¹⁵

Накануне Великой Отечественной войны Мария Власова окончила в Петрозаводске восемь классов 13-й средней школы, а в августе 1941 года вместе с семьей была эвакуирована на барже на восточный берег Онежского озера в г. Пудож – райцентр Карело-Финской ССР. В течение месяца работала в Пудожском совхо-

зе на копке картофеля, а 1 октября встретила свое шестнадцатилетие по дороге на Урал, куда вместе с матерью уехала в эвакуацию. В 1941–1943 годах во время школьных каникул трудилась в совхозах рядом с селом Лопатки Челябинской (ныне Курганской) области. В 1943 году закончила Лопаткинскую среднюю школу, а летом того же года пришлось перебираться в г. Каширу. Здесь, в 93 км от Москвы, отец работал директором предприятия, снабжавшего шахты крепёжным материалом.

После успешного окончания школы Мария поступила в знаменитый Московский авиационный институт (МАИ), ведь в годы войны авиация вошла в рейтинг престижных профессий, о которой мечтали не только способные юноши, но и девушки¹⁶. Однако из-за тяжелой болезни матери институт пришлось оставить, вернуться в Каширу к родителям и перевестись на заочное отделение исторического факультета Московского государственного университета (МГУ). За полгода окончила первый курс заочного отделения и была принята на второй курс очного. Как вспоминала впоследствии с ее слов школьная подруга Нина Алексеевна Тиккоева (Робонен), Мария «училась со Светланой Сталиной»¹⁷ в одной группе на историческом факультете, и иногда профессора ездили к той «на квартиру, учить дома, чтобы она экзамены хорошо сдала»¹⁸.

Во время учебы в МГУ М. Н. Власовой повезло, по ее словам, у нее была отличная наставница – доктор исторических наук Евгения Акимовна Степанова, выпускница Института красной профессуры¹⁹. Когда в 1948 году Мария Власова с отличием окончила университет, Е. А. Степанова рекомендовала ее для поступления в аспирантуру по специальности «Новая история».

В это время отца Марии Николаевны перевели в Петрозаводск начальником карело-финского отделения «Главшахтолеса» Министерства угольной промышленности СССР. По ее воспоминаниям, «в Петрозаводске узнали, что карелка готовится стать аспиранткой в Москве, и скорректировали мою судьбу»²⁰. В сентябре 1948 года ее пригласили на работу младшим научным сотрудником в Институт языка, литературы, истории Карело-Финской научно-исследовательской базы АН СССР²¹. Вскоре молодая сотрудница на отлично сдала вступительные экзамены в аспирантуру с прикомандированием к Ленинградскому отделению Института истории АН СССР (ЛОИИ). Об этом свидетельствует протокол от 16 ноября 1948 года, подписанный председателем приемной комиссии, в то время

директором ИЯЛИ, членом-корреспондентом АН СССР Д. В. Бубрихом [2: 130–131].

Научным руководителем Марии Николаевны был назначен работавший тогда в ЛОИИ доктор исторических наук Анатолий Васильевич Предтеченский, видный специалист в области истории общественной мысли и освободительного движения, истории внешней политики и дипломатии Российской империи. Начались годы учебы и работы над темой «Рабочий класс Финляндии в Первой русской революции (1905–1907 гг.)», занятия в фондах Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и в Центральном историческом архиве в Ленинграде. Избранная тема исследования потребовала от аспирантки свободного владения финским языком, и Мария Николаевна взялась за его изучение, однако для осуществления этой задачи времени оказалось недостаточно. По ее просьбе, поддержанной А. В. Предтеченским, срок обучения был продлен на шесть месяцев. Аспирантка из Карелии, с пятнадцати лет участвовавшая в общественной работе, была избрана секретарем комсомольской организации ЛОИИ, входила в лекторскую группу Института.

Рис. 1. М. Н. Власова в день защиты кандидатской диссертации 25 июня 1952 года. Фото из семейного архива

Figure. 1. Maria N. Vlasova on the day of her Candidate of Sciences dissertation defense, 25 June 1952.
Photo from the family archive

В июне 1952 года М. Н. Власова успешно защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук, осветив события, развернувшиеся в автономном Великом княжестве Финляндском под воздействием общероссийского революционного процесса

1905–1907 годов, и деятельность социал-демократической партии Финляндии.

НАУЧНЫЕ ПОИСКИ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Вся трудовая жизнь Марии Николаевны была связана с Карельским филиалом АН СССР. После окончания аспирантуры она с мая 1952 года работала младшим научным сотрудником сектора истории ИЯЛИ, а затем была переведена на должность ученого секретаря Президиума КФАН СССР (1952–1957). В связи с необходимостью подготовки к изданию кандидатской диссертации по собственному желанию вернулась в сектор на должность младшего научного сотрудника и исполняла обязанности ученого секретаря Института, а в 1962 году была избрана по конкурсу на должность заведующего сектором. С марта 1965 года до выхода на пенсию в 1988 году возглавляла ИЯЛИ.

Мария Николаевна занималась изучением вопросов финляндского рабочего движения 1900–1907 годов, опубликовала ряд статей по этой проблематике [5], [10] и подготовленную на основе диссертации монографию [9], о которой сохранился отзыв доцента (впоследствии профессора) Петрозаводского государственного университета Ивана Ивановича Кяйвярйнена. Отметив солидную источниковую базу работы, известный специалист в области истории Финляндии подчеркнул:

«Следует признать, что среди популярных и пропагандистских книг, посвященных революции 1905–1907 гг. в Финляндии, труд М. Н. Власовой, вслед за сочинением Коллонтай, носит характер подлинно научного, квалифицированно выполненного исследования»²².

Показательна отсылка к вышедшему в 1903 году статистическо-социологическому исследованию²³ А. М. Коллонтай – дипломата, социолога, деятеля международного и русского революционного движения, ставшей предшественницей Марии Николаевны в изучении экономических вопросов жизни финляндских рабочих.

В исследовательской деятельности сектора истории сохранялось традиционное внимание к сбору воспоминаний об отдельных событиях периода Гражданской войны в Карелии и Финляндии, в том числе о военной интервенции финских отрядов в южную Карелию и в Заонежье весной – летом 1919 года. В 1949 году сотрудники Института, входившего тогда в Карело-Финский филиал АН СССР, готовили материалы для сборника воспоминаний к 30-летию легендарной

Видлицкой операции, проведенной в июне 1919 года силами Красного флота и частей РККА. И хотя сборник так и не был издан, а сохранились лишь подготовительные материалы²⁴, выявленные в источниках новые фактические данные позволили более глубоко проникнуть в ход и смысл исследуемых событий и, что особенно важно, получить интересный материал для изучения настроений и психологии людей в повседневной жизни в чрезвычайных обстоятельствах Гражданской войны. В этот период специальных работ, посвященных анализу различных видов мемуаров о Гражданской войне в нашей стране, было крайне мало. Среди таких немногочисленных публикаций ленинградский историк А. В. Смолин²⁵ два десятилетия спустя отметил вышедшую в 1960 году статью М. Н. Власовой и К. А. Морозова (впоследствии заведующего сектором истории), которые показали, что Видлицкая операция стала одним из звеньев наступления советских войск на Петроградском фронте во второй половине июня 1919 года [12].

В послевоенное время в ИЯЛИ началась практическая работа по подготовке первого обобщающего труда по истории Карелии. Когда молодые кандидаты наук М. Н. Власова и Г. Н. Богданова вернулись на прежнее место работы после окончания аспирантуры в ЛОИИ, их сразу же включили в авторский коллектив, который готовил к печати «Очерки истории Карелии». Представленные главы проходили рецензирование и неоднократно обсуждались на заседаниях сектора. Судя по протоколам, почти все авторы, даже с солидным научным стажем, до трех раз переделывали свои разделы после коллективного обсуждения [3]. Примечательно, однако, что П. Л. Пехконен, автор глав, посвященных событиям в Карелии в 1907–1917 годах, однажды выразил несогласие с замечанием о том, что «в главах есть объективистско-краеведческий дух», и заявил: «...если мы откажемся от местных фактов, то у нас “Очерки” не получатся»²⁶. Поскольку монографических работ по истории Карелии тогда почти не было, авторам «нелегко давалось преодоление научной целины» [16: 144]. Так, на предложение М. Н. Власовой указать партийную принадлежность матросов, приехавших в Карелию во время революционных событий 1917 года, ведь в тексте «не приводится ни одной фамилии большевика», П. Л. Пехконен вынужден был ответить, что ему не удастся учесть это замечание: «...таких фамилий у меня нет, и я не мог их найти»²⁷.

Работа над обобщающим исследованием по истории Карелии была продолжена после XX съезда КПСС, который в феврале 1956 года осудил сталинский диктат в политике, догматизм и начетничество в идеологии [18: 189]. В период заметного обновления в исторической науке вышел первый том двухтомного труда «Очерки истории Карелии»²⁸ (1957), где давалось целостное представление о процессе развития Карельского края в досоветское время. Перу М. Н. Власовой принадлежит глава «Карелия в годы Первой русской революции (1905–1907)», а также три первые параграфа главы «Советская Карелия в годы борьбы за создание фундамента социалистической экономики СССР (1926–1932)» во втором томе обобщающего труда, увидевшем свет в 1964 году. Судьба этой книги сложилась удачно: уже десятки лет

«она служит студентам незаменимым учебным пособием, краоведам – справочником по широкому кругу вопросов, ученым – историографической основой дальнейших научных поисков» [18: 189].

Внимание Марии Николаевны привлекали проблемы истории советской Карелии 1920–1930-х годов, она приняла участие в подготовке «Очерков истории Карельской организации КПСС» – важнейшего исследования по истории партийной организации Карелии. Ею написана глава «Борьба Карельской партийной организации за социалистическую индустриализацию и подготовку коллективизации (1926–1928 гг.)»²⁹. М. Н. Власова – автор более 80 научных работ – была одним из составителей вышедшего в 1963 году сборника воспоминаний участников Гражданской войны в Карелии³⁰, научным редактором ряда исследований по истории Карелии и Финляндии³¹, состояла членом специализированного совета Петрозаводского государственного университета по присуждению ученой степени кандидата исторических наук.

Мария Николаевна приложила много сил и энергии для развития советско-финляндских научных связей, стояла у истоков сотрудничества Института с научным сообществом Финляндии [7: 49–53], участвовала в организации и работе 12 советско-финляндских симпозиумов историков, раз в два года поочередно проводившихся в обеих странах. На этих встречах наши ученые могли представить результаты своих исследований и познакомиться с работами коллег за рубежом. Ее первая уже упоминавшаяся научная поездка в Финляндию состоялась в ноябре 1955 года в составе делегации советских деятелей культуры по линии действовавшего в те годы Всесоюзного общества культурных связей с за-

рубежными странами, впоследствии реорганизованного в Союз советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами. Наряду с участием в официальных мероприятиях, проводимых Обществом дружбы «Финляндия – СССР» по случаю годовщины Октябрьской революции в столичном Хельсинки, в городах Тампере и Турку, Мария Николаевна, владевшая финским языком, одной из первых среди советских ученых познакомилась с интересовавшими ее фондами Государственного (ныне Национального) архива Финляндии и Архива Рабочего дома. Визит делегации получил освещение в многочисленных финляндских газетах различного направления. После этой поездки она еще десять раз посетила Финляндию, укрепляя связи с научными и учебными учреждениями, архивами, музеями, ведущими учеными³².

В качестве только что назначенного директора ИЯЛИ в декабре 1965 года М. Н. Власова была делегатом Учредительной конференции Карельского отделения Всероссийского добровольного общества по охране памятников истории и культуры, где выступила с докладом о проекте его Устава.

Рис. 2. М. Н. Власова и корреспондент ТАСС Н. И. Горбунوف перед зданием Университета Хельсинки, май 1984 года. Фото из семейного архива

Figure. 2. Maria N. Vlasova and TASS correspondent N. I. Gorbunov in front of the University of Helsinki, May 1984. Photo from the family archive

Научная и научно-организационная работа М. Н. Власовой, ее высокий профессионализм получили заслуженное признание коллег в нашей стране и за рубежом. В 1974 году она была избрана иностранным членом-корреспондентом Общества финской литературы (*Suomalaisen kirjallisuuden seura*)³³, а в 1984-м – членом-корреспондентом Исторического общества Финляндии (*Suomen historiallinen seura*). С 1970 года входила

в советско-финляндскую рабочую группу по научному сотрудничеству в области истории, с 1976 по 1987 год являлась ее сопредседателем [1: 215]. На этом посту в октябре 1981, затем в сентябре 1983 и в конце ноября – начале декабря 1985 года занималась подготовкой и проведением совместных заседаний группы для подписания VI и VII протоколов о сотрудничестве с финскими историками, готовила проект VIII протокола, который был подписан в Риге в декабре 1985 года.

Мария Николаевна избиралась членом Национального комитета историков СССР и Советского комитета финно-угроведов, была председателем Оргкомитета по проведению VIII Советско-финляндского симпозиума историков, состоявшегося в Петрозаводске в октябре 1981 года. Заметным событием в научной жизни нашей республики стала Всесоюзная научная конференция, посвященная 150-летию первого издания «Калевалы», проходившая в январе 1985 года. М. Н. Власова возглавила ее Оргкомитет, а затем активно участвовала в работе советского Оргкомитета по подготовке и проведению VI Международного конгресса финно-угроведов в Сыктывкаре (июль 1985 года), за что получила Благодарность Президиума АН СССР, ею был сделан доклад на тему «Экономика, просвещение и культура КАССР».

Имея огромный опыт написания обобщающих трудов по истории Карелии и Финляндии, М. Н. Власова выступала с докладами на всесоюзных конференциях скандинавистов, международных конференциях финно-угроведов [6], [11], [13], [14]. В мае 1981 года состоялся ее доклад «Финно-угроведение в Институте ЯЛИ КФАН СССР» на заседании Исторического общества Финляндии; в мае 1983 года она рассказывала о деятельности советской части рабочей группы по научному сотрудничеству в области истории на проходившей в Москве 29-й сессии Советско-финляндской комиссии по научно-техническому сотрудничеству. В мае 1984 года в Институте истории Университета Хельсинки был заслушан доклад М. Н. Власовой о проводившихся в нашей стране исследованиях по истории Карелии и Финляндии.

Результаты ее научно-организационной работы нашли отражение и в обобщающей историографической статье, посвященной развитию научных контактов между историками СССР и Финляндии [8]. С финской стороны аналогичную публикацию о сотрудничестве финляндских и советских историков для сборника научных трудов Института всеобщей истории РАН

подготовил Туомо Полвинен, директор Национального архива Финляндии, профессор всеобщей истории университетов Хельсинки и Тампере³⁴.

Много сил и внимания директор ИЯЛИ уделяла подготовке научных кадров, занималась проведением конференций молодых ученых и редактированием их материалов. Во время ее руководства Институт пополнился высококвалифицированными специалистами в области языкознания, литературы, археологии, этнографии и истории, защитившими кандидатские и докторские диссертации.

Успешную научную и научно-организационную работу Мария Николаевна сочетала с плодотворной общественной деятельностью. В 1954–1955 годах она входила в республиканский комитет профсоюза работников культуры КФССР, с 1955 по 1959 год являлась депутатом и заместителем председателя Верховного Совета КФССР (КАССР) 4-го созыва. В 1966 году была избрана депутатом Верховного Совета СССР 7-го созыва и членом постоянной комиссии Совета Национальностей по народному образованию, науке и культуре, а также членом Парламентской группы СССР (по 1970 год)³⁵. В 1968–1969 годах принимала участие в работе Межпарламентского Союза в составе делегаций Парламентской группы СССР в Дакаре (Сенегал) и Вене (Австрия).

В интервью для газеты «Ленинская правда», отвечая на вопрос, «стало ли ее избрание делегатом XXIV съезда КПСС результатом общественного признания», М. Н. Власова согласилась:

«Возможно, так и было. Делегатом съезда с правом решающего голоса я была избрана в 1971 году. В 1974-м, когда по всей планете ширилось движение сторонников мира, меня избрали членом Советского комитета защиты мира, а на следующий год – председателем Карельского комитета защиты мира, где работала 17 лет»³⁶.

Мария Николаевна избиралась членом Петрозаводского городского комитета комсомола, ЦК ЛКСМ Карело-Финской ССР (затем – Карельского обкома комсомола), членом и секретарем партийного бюро ИЯЛИ, членом партбюро и заместителем секретаря партбюро КФАН СССР, Петрозаводского горкома партии, с 1971 по 1979 год – депутатом пленума Карельского областного комитета КПСС, работала в качестве нештатного лектора Карельского обкома партии, входила в правление Республиканского общества по распространению политических и научных знаний. Только за пятилетие с 1981 по 1985 год выступала в среднем с полутора десятками лекций и докладов в год. В 1984 году являлась пред-

седателем окружной избирательной комиссии № 569 по выборам в Совет Национальностей Верховного Совета СССР.

В интервью 2003 года на вопрос: «Как Вы пришли в науку» М. Н. Власова дала ответ, с которым согласились бы многие другие представители ее поколения и поколения ее отцов и учителей: «Если коротко, путь мне в науку открыла Советская власть»³⁷. В годы наступившей перестройки и в постперестроечный период она тяжело переживала крушение прежних идеалов. Как и многие историки своего поколения, Мария Николаевна оставалась убежденным коммунистом, сторонником социалистических ценностей.

Еще в апреле 1961 года ее избрали делегатом I съезда женщин Карельской АССР, состоявшегося в Петрозаводске. Позже Мария Николаевна вошла в республиканский совет по работе среди женщин. На III съезде женщин Карелии в ноябре 1984 года делегат Власова выступила с докладом на такую актуально звучащую сегодня тему, как борьба за сохранение мира на планете и предотвращение ядерной катастрофы.

«Решимость народов не допустить третьей мировой войны, которая после изобретения ядерного оружия грозит уничтожением всей человеческой цивилизации, привела к возникновению всемирного движения народов за мир»,

– подчеркнула докладчица, рассказывая о традиционно проводившейся в конце октября Всемирной неделе действий за разоружение.

В эти дни «наши женщины активно участвовали в митингах и других антивоенных мероприятиях в республике, которых было проведено более 1300, а участвовало в них до 270 тыс. человек. Эти массовые акции в защиту мира, как и в других городах нашей страны, прошли под лозунгами: “Нет ядерному оружию в Европе – ни на Западе, ни на Востоке! Нет ядерному оружию нигде в мире!”, “За немедленное замораживание всех ядерных вооружений!”, “За единство всех антивоенных сил!” и др.»³⁸

М. Н. Власова возглавляла Карельский комитет защиты мира с 1975 по 1988 год, в октябре 2005 года была награждена Золотой медалью Российского фонда мира «За миротворческую и благотворительную деятельность». В течение 18 лет состояла в правлении Карельского отделения Общества дружбы «СССР – Финляндия», входила в правление Карельского и Петрозаводского отделений Общества дружбы «СССР – США». Значительное внимание уделяла популяризации исторических знаний в общественно-политических журналах республики «Север» и «Punalippi» на финском языке, в республиканских и местных газетах, на радио и телевидении.

Несмотря на высокие посты, Мария Николаевна была удивительно скромной и доброжелательной, неизменно откликавшейся на просьбы о помощи, душевной и простой в общении, внимательной к нуждам и заботам коллег. По словам сменившего ее в должности директора ИЯЛИ Ю. А. Савватеева, примечательным качеством руководителя «было то, что она хорошо знала коллектив, была выдержанной, уравновешенной, доброжелательной к людям, не вмешивалась без нужды в работу структурных подразделений», их заведующих и сотрудников³⁹.

Заслуги Марии Николаевны Власовой получили признание и отмечены многими правительственными наградами. За многолетнюю плодотворную научную и общественную деятельность она награждена орденами «Знак Почета» (1966) и «Дружбы народов» (1975), медалями «За доблестный труд», «Борцу за мир», «Ветеран труда», удостоена почетного звания Заслуженного деятеля науки Карельской АССР (1980). 3 ноября 1987 года решением Петрозаводского городского совета за особые заслуги перед городом в области развития науки М. Н. Власовой присвоено звание «Почетный гражданин города Петрозаводска»⁴⁰.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные направления научной и научно-организационной работы Марии Николаевны Власовой, ушедшей из жизни 16 сентября 2008 года в возрасте 82 лет, свидетельствуют как о ее весомом вкладе в изучение истории Карелии и Финляндии, так и об оставившей заметный след многогранной общественной деятельности на благо страны, города, республики.

Известный историк-скандинавист А. С. Кан, характеризуя этапы развития советской исторической науки, период 1960–1970-х годов обозначил временем ее становления в качестве комплексной дисциплины. Эти годы были отмечены благоприятным климатом в советско-финляндских отношениях, что оживляло интерес ученых к «русскому периоду» в истории Финляндии. Среди авторов первых монографических работ он назвал петрозаводских историков М. Н. Власову, И. И. Кяйвярайнена, А. С. Жербина. Однако, по наблюдениям А. С. Кана, «феминизация» российских гуманитарных междисциплинарных исследований в области изучения Скандинавских стран и Финляндии как часть общего демократического процесса, когда «женщины среднего поколения встали у штурвала истории», произошла только в 1990-е годы [15: 10, 19–20]. В этом отношении Мария Николаевна опередила

время, ее имя – в ряду исследовательниц-первопроходцев, в советскую эпоху занимавшихся сложными и многоаспектными проблемами социальной истории автономного Финляндского княжества и истории предреволюционной Российской империи.

Отличительными чертами ее научного творчества являются тщательное отношение к источникам, свойственное ленинградской школе историков, а также новые для 1950–1970-х годов подходы к проблематике исследований. Сохраняет свою научную ценность фактический материал, представленный в ее монографии, обобщающих работах и статьях, как и тематика причин и факторов, вызвавших социальные катаклизмы в российском и финляндском обществе начала XX столетия. Детальный анализ особенностей развития экономики Финляндии на рубеже XIX–XX веков и положения финляндских рабочих, выбор аспектов изучения революционного движения во время и после Всеобщей забастовки 1905 года позволяют и сегодня опираться на результаты монографического исследования М. Н. Власовой.

Среди бурно обсуждаемых событий в истории Финляндии XX века период 1905–1906 годов вызывает особый интерес. Несмотря на очевидный и вполне объяснимый духом времени классовый подход и крен в сторону изучения большевистского руководства восстанием русских артиллеристов и моряков-балтийцев в крепости Свеаборг в июле 1906 года, проведенное Марией Николаевной исследование темы Свеаборгского восстания и участия в нем финских красногвардейцев, несомненно, сохраняет актуальность. Ее работы востребованы при изучении Свеаборга как места памяти о совместных действиях жителей финляндской столицы и российских военнослужащих, вопросов об их взаимной радикализации, политической топографии города, о том, как коллективная память о революционных потрясениях 1905–1907 годов в Финляндии повлияла на исторические события Российской революции 1917 года в Империи и в Великом княжестве.

Сегодня в отечественной научной литературе отмечается недооценка политической составляющей революционного процесса и спад интереса к «рабочей истории», к солдатскому движению, к деятельности социалистических партий, как и к феномену левого радикализма. Знакомство с работами М. Н. Власовой, подготовленными на материале Карелии и Финляндии начала XX века, дает возможность учитывать их результаты при исследовании широкого спектра проблем от стачек и трудовых конфликтов

до концепций социальной мобильности рабочего класса, от истории профсоюзов до тем, посвященных изучению «рабочих как таковых» и связанных с ними вопросов гендерной истории и политической культуры, а также аспектов научного сотрудничества историков России и Финляндии.

В нынешней обстановке крайне напряженных отношений между нашей страной и странами Запада, в частности Финляндией, приходится только сожалеть об обрыве контактов внутри сообщества ученых, которые склады-

вались на протяжении долгих лет и приносили добрые плоды. Тем заметнее становится подвижническая деятельность Марии Николаевны и ее коллег, приложивших огромные усилия для развития и укрепления сотрудничества специалистов в различных областях знаний по обе стороны границы. Наряду с многолетней научной и общественной работой эта часть наследия, оставленная нам Марией Николаевной Власовой, заслуживает благодарной памяти и дополняет портрет замечательной женщины-ученого.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Suomen työväen taistelu suurlakkovuonna 1905 nuoren karjalaisen tiedenaisten väitöskirjan aiheena // Työkansan Sanomat. 1955. 18 marraskuun.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Савватеев Ю. А. Стабильный директор Мария Власова // Курьер Карелии. 2005. 30 сент.

⁵ См.: Валькова О. А. «Повседневность женщин в академическом сообществе, вклад женщин из научных семей в создание и сохранение семейных архивов» на XVI Международной научной конференции исследователей женской истории // Вопросы истории естествознания и техники. 2024. Т. 45, № 2. С. 430–435. DOI: 10.31857/S0205960624020161; Здравомыслова О. М. Российские женщины и эмансипация: незавершенный проект // Неприкосновенный запас: дебаты о политике и культуре. 2012. № 3 (83). С. 42–51; Пушкарева Н. Л. Русская женщина: история и современность: История изучения «женской темы» русской и зарубежной наукой. 1800–2000: Материалы к библиографии. М.: Ладомир, 2002. 528 с.; Разумова И. А. Жанрово-видовые особенности книги воспоминаний Е. Б. Халезовой. Часть 2. Генеалогия и история семьи // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2022. Т. 1, № 1. С. 5–19. DOI: 10.37614/2949-1185.2022.1.1.001 и др.

⁶ Публикации биографического характера: Почетные граждане столицы Карелии // Ленинская правда. 1987. 5 нояб. С. 1; 70 лет – это зрелость, опыт, вера в себя [к юбилею ИЯЛИ КарНЦ РАН] // Карелия. 2000. 30 сент. С. 8; Поздравляем! // Ленинская правда. 2005. 12 окт. С. 1; Указ Президиума Верховного Совета Карельской АССР // Ленинская правда. 1980. 25 сент. С. 1; Власова М. Н. [Некролог] // Курьер Карелии. 2008. 17 сент.; Zherbin A. Historiantutkija ja yhteiskunnallinen toimihenkilö: M. N. Vlasovan 50-vuotispäiväksi // Neuvosto-Karjala. 1975. Lokakuun 1. pñä. S. 4; Zherbin A., Pahomova M. Toteutunut haave // Neuvosto-Karjala. 1985. Syyskuun 27 pñä. S. 2; VSFNT:n Korkeimman Neuvoston Puhemiehistön Asetus // Neuvosto-Karjala. 1985. Lokakuun 2. pñä. S. 3; Tiedomiehen vuotipäivu // Oma mua. 2005. 29.09. S. 3; Aro J. Maria Vlasova täytti 80 vuotta // Karjalan Sanomat. 2005. 12 Lokakuuta. S. 9.

⁷ См., напр.: Академическая наука в Карелии: 1946–2006: В 2 т. Т. 2. КарНЦ РАН. М.: Наука, 2006. С. 10–11, 17; Виртаранта П. Этюды о карельской культуре: Люди и судьбы. Петрозаводск: Карелия, 1992. С. 58–59; Годы свершений. 1946–1986 (Карельский филиал Академии наук СССР). Петрозаводск: Карелия, 1986. 247 с.; Ученые Карельского научного центра Российской академии наук: Биограф. словарь (2-е доп. и перераб. изд.). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 1999. С. 258–259; Ученые Карельского научного центра Российской академии наук: Биограф. словарь (3-е доп. и перераб. изд.). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2012. С. 357.

⁸ Материалы семейного архива М. Н. Власовой и фотографии из него находятся в Научном архиве КарНЦ РАН (НА КарНЦ РАН) в стадии приема. Приношу благодарность сотруднику архива Г. В. Фофановой, проводившей первичную обработку и классификацию поступивших документов.

⁹ Миронова Н., Филиппова Т., Лисевич Н. Некоторые практики репрезентации научного работника (на материалах фотодокументов Коми НЦ УрО РАН) // Антропология академической жизни: традиции и инновации / Отв. ред. Г. А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2013. С. 342–351.

¹⁰ Жизнь в науке [Интервью с М. Н. Власовой] // Ленинская правда. 2003. 4 марта [Беседу вел Ю. П. Власов, в недавнем прошлом – председатель Карельского комитета защиты мира и Карельского отделения Советского фонда мира].

¹¹ М. Власова: «...Три березки под окном дома в Олонце и я, надраивающая полы и без нужды бегающая полоскать тряпку аж в речку...» // Город. Еженедельная газета. 2000. 27 сент. С. 20.

¹² Там же. Тойво Антикайнен (1898–1941), деятель финского и международного рабочего движения, активный участник Гражданской войны в Финляндии и в России, один из организаторов и руководителей компартии Финляндии. Отто Вильгельмович Куусинен (Отто Вилле) (1881–1964), входил в революционное правительство во время Финляндской революции 1918 года, финский, российский и советский политический

- и государственный деятель, один из организаторов компартии Финляндии, с 1940 по 1956 год Председатель Президиума Верховного Совета КФССР, затем член Политбюро и секретарь ЦК КПСС.
- ¹³ Жизнь в науке // Ленинская правда. 2003. 4 марта.
 - ¹⁴ См. об этом: Дианова Т. Б. Автобиографический дискурс и устная фольклорная традиция: к методологии исследования // Традиционная культура. 2009. № 4. С. 8–9.
 - ¹⁵ М. Власова: «...Три березки...». С. 20.
 - ¹⁶ Благодарю И. Ю. Винокурову за биографические сведения о М. Н. Власовой, приведенные в докладе «Диалог поколений в научной судьбе М. Н. Власовой и Г. Н. Богдановой» на Конгрессе этнологов и антропологов России (Пермь, июль 2025).
 - ¹⁷ Дочь И. В. Сталина Светлана Иосифовна Аллилуева (1926–2011).
 - ¹⁸ Интервью с Н. А. Робонен // Устная история в Карелии: Сборник науч. ст. и источников. Вып. 1. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. С. 58.
 - ¹⁹ Жизнь в науке // Ленинская правда. 2003. 4 марта.
 - ²⁰ Там же.
 - ²¹ Впоследствии ИЯЛИ Карельского филиала АН СССР (КФАН СССР), ныне – ИЯЛИ Карельского научного центра РАН.
 - ²² Личное дело М. Н. Власовой. НА КарНЦ РАН. Ф. 2. Оп. 35. Д. 2926. Л. 136–137.
 - ²³ Коллонтай А. М. Жизнь финляндских рабочих. Экономическое исследование. СПб.: Т-во художественной печати, 1903. 335 с.
 - ²⁴ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 41. Д. 14.
 - ²⁵ Смолин А. В. Воспоминания участников обороны Петрограда в 1919 г. как исторический источник: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1977. С. 8.
 - ²⁶ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 4. Д. 330. Л. 26. Протокол заседания сектора истории 25 января 1955 г.
 - ²⁷ Там же. Л. 25–26.
 - ²⁸ Очерки истории Карелии. Т. 1 / Под ред. В. Н. Бернадского, И. И. Смирнова, Я. А. Балагурова. Петрозаводск: Гос. изд-во Карел. АССР, 1957. 430 с.; Т. 2 / Отв. ред. В. И. Машезерский и др. Петрозаводск: Гос. изд-во Карел. АССР, 1964. 615 с.
 - ²⁹ Очерки истории Карельской организации КПСС. Петрозаводск: Карелия, 1974. 600 с.
 - ³⁰ За Советскую Карелию (1918–1920). Воспоминания о гражданской войне. Петрозаводск: Карельское кн. изд-во, 1963. 535 с.
 - ³¹ Вопросы истории Карелии: [Сб. статей]. Петрозаводск: Гос. изд-во КАССР, 1959. 110 с. (Труды Карельского филиала Академии наук СССР. Вып. 22); Жербин А. С. Формирование промышленного пролетариата в Финляндии во второй половине XIX в. М.; Л.: Акад. наук СССР [Ленингр. отд-ние], 1963. 104 с.; Финно-угроведение в Институте языка, литературы и истории Карельского филиала Академии наук СССР. Петрозаводск: КФАН СССР, 1970. 24 с.; Корнилов Г. Д. Русско-финляндские торгово-таможенные отношения в конце XX – начале XIX в. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1971. 219 с.; Революционные события в Карелии в годы Первой русской революции. 1905–1907: Сб. документов и материалов. 2-е изд. Петрозаводск: Карелия, 1981. 176 с.; Труды VIII советско-финляндского симпозиума историков (Петрозаводск, 21–23 октября 1981 г.). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. 109 с. и др.
 - ³² Савватеев Ю. А. Указ. соч.; Публикации М. Н. Власовой в финских научных журналах: Vlasova M. Suomen työväenliike ja Venäjän ensimmäinen vallankumous vuosina 1905–1907 // Historiallinen aikakauskirja. 1966. № 4. S. 59–76 («Рабочее движение Финляндии и Первая русская революция 1905–1907 гг.»); доклад в соавторстве с К. Ф. Шацилло «Первая русская революция 1905–1907 гг. в России и Финляндии» на V Советско-финляндском симпозиуме историков в Тампере (Historiallinen arkisto, 72. Helsinki, 1977) и др.
 - ³³ Керт Г. М. Симпозиум в Петрозаводске (Дни науки и техники Финляндии в СССР) // Ленинская правда. 1974. 14 апр. С. 3.
 - ³⁴ Полвинен Т. Сотрудничество финляндских и советских историков // Северная Европа. Проблемы новейшей истории. М.: Наука, 1988. С. 177–187.
 - ³⁵ Депутаты Верховного Совета СССР. Седьмой созыв. М.: Известия, 1966. С. 569; Народные избранники Карелии: Депутаты высших представительных органов власти СССР, РСФСР, РФ от Карелии и высших представительных органов власти Карелии, 1923–2006: Справочник / Авт.-сост. А. И. Бутвило. Петрозаводск, 2006. 320 с.
 - ³⁶ Жизнь в науке // Ленинская правда. 2003. 4 марта.
 - ³⁷ Семейный архив М. Н. Власовой (НА КарНЦ РАН).
 - ³⁸ Савватеев Ю. А. Указ. соч.
 - ³⁹ Почетные граждане города Петрозаводска. Петрозаводск, 2010. С. 90–91; Васильев В. Почетные граждане Петрозаводска // Ленинская правда. 1988. 5 мая.
 - ⁴⁰ Жизнь в науке // Ленинская правда. 2003. 4 марта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вавулинская Л. И. Власова Мария Николаевна // Карелия: Энциклопедия: В 3 т. / Гл. ред. А. Ф. Титов. Т. 1. Петрозаводск: ИД «ПетроПресс», 2007. С. 215.

2. Вавулинская Л. И. Мария Николаевна Власова (к 90-летию со дня рождения) // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. Гуманитарные исследования. 2015. № 8. С. 130–132.
3. Винокурова И. Ю., Дубровская Е. Ю. Галина Николаевна Богданова: к 100-летию со дня рождения // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 2. С. 33–42. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1143
4. Власов Н. И. События в Тулмозерской волости // За Советскую Карелию (1918–1920). Воспоминания о гражданской войне / Отв. ред. В. И. Машезерский. Петрозаводск: Карельское кн. изд-во, 1963. С. 284–289.
5. Власова М. Н. Всеобщая забастовка в Финляндии в октябре – ноябре 1905 г. // На рубеже. 1955. № 6. С. 97–104.
6. Власова М. Н. Встреча советских и финских историков // Новая и новейшая история. 1967. № 2. С. 183–184.
7. Власова М. Н. Институт языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР: Препринт доклада на расширенном заседании Ученого совета ИЯЛИ 25 сентября 1980 г. Петрозаводск: КФАН СССР, 1980. 55 с.
8. Власова М. Н. О сотрудничестве советских и финляндских историков (1960-е – 1980-е гг.) // Северная Европа: Проблемы новейшей истории. М.: Наука, 1988. С. 170–177.
9. Власова М. Н. Пролетариат Финляндии в годы Первой русской революции (1905–1907). Петрозаводск: Гос. изд-во КАССР, 1961. 186 с.
10. Власова М. Н. Участие финских красногвардейцев в Свеаборгском восстании 1906 г. // Скандинавский сборник. Вып. 2. 1957. С. 222–236.
11. Власова М. Н. VII финско-советский симпозиум историков [22–24 окт. 1979 г. Хельсинки] // Вопросы истории. 1980. № 4. С. 158–159.
12. Власова М. Н., Морозов К. А. Видлицкая операция 27 июня 1919 г. (в воспоминаниях) // Из истории интервенции и гражданской войны в Карелии (1918–1920). Петрозаводск: Госиздат КАССР, 1960. С. 29–38.
13. Власова М. Н., Суни Л. В. Советско-финский симпозиум историков // Вопросы истории. 1976. № 4. С. 188–190.
14. Власова М. Н., Суни Л. В. VIII Всесоюзная конференция скандинавистов // Скандинавский сборник. Вып. 25. 1980. С. 233–237.
15. Кан А. С. Советская и постсоветская историческая нордистика – первые итоги // Северная Европа: Проблемы истории / Ин-т всеобщей истории. Вып. 4; Отв. ред. О. В. Чернышова. М.: Наука, 2003. С. 5–36.
16. Кораблев Н. А., Макуров В. Г. Алексей Степанович Жербин (к 90-летию со дня рождения) // Труды Карельского научного центра Российской академии наук. Гуманитарные исследования. 2013. № 4. С. 143–145.
17. Пушкарева Н. Л. История повседневности: предмет и методы // Социальная история. Ежегодник, 2007 / Редкол.: И. Ю. Новиченко, А. К. Соколов, К. М. Андерсон и др. М.: РОССПЭН, 2008. С. 9–56.
18. Филимончик С. Н. Основные направления исторических исследований в Карелии (1917–2000) // Историческое краеведение в Карелии / Ред. Л. Н. Юсупова. Петрозаводск: Изд-во КГПА, 2012. С. 142–190.

Поступила в редакцию 14.02.2025; принята к публикации 09.06.2025

Original article

Elena Yu. Dubrovskaya, Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-1893-7873; ldubrovskaya@inbox.ru

COMMITMENT TO SCIENCE AND PUBLIC SERVICE: CELEBRATING THE 100TH ANNIVERSARY OF MARIA NIKOLAEVNA VLASOVA

Abstract. The article examines the biography of Maria Nikolaevna Vlasova, a distinguished historian of Karelia, Honored Scientist of the Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic, and Honorary Citizen of Petrozavodsk, within the broader context of ongoing discussions about continuity in science, the preservation of professional identity within the scientific historical community, and the role of commemoration in these processes. From 1948 to 1988, Vlasova worked at the Karelian Branch of the USSR Academy of Sciences, serving as the scientific secretary of the branch's presidium, head of the history sector, and for many years, director of the Institute of Linguistics, Literature and History. Her successful scientific leadership was complemented by extensive public activity: from 1955 to 1959, she served as a deputy and the vice-chairman of the Supreme Council of the Karelo-Finnish Soviet Socialist Republic (later the Karelian Autonomous Soviet Socialist Republic). Between 1966 and 1970, she was a deputy of the Supreme Soviet of the USSR and a member of the Standing Committee of the Soviet of Nationalities on National Education, Science, and Culture, as well as a member of the USSR's Parliamentary Group. Her primary research interests included the history of Karelia in the early twentieth century and during the early Soviet period of the 1920s–1930s, the Finnish labor

movement of 1900–1907, and Soviet-Finnish scientific cooperation. For the first time, previously unexamined materials from Vlasova's family archive are introduced into scientific circulation, providing new insights into her life trajectory and creative legacy, which enables a deeper understanding of her significant contributions to Karelian science and public life. The study concludes that her research remains highly relevant for studying collective memory related to revolutionary events in Karelia and Finland, the mutual radicalization of Finnish workers and Russian military personnel during the First Russian Revolution, the political landscape of the Finnish capital, and the development of scientific collaboration between historians of both countries. The author pays tribute to a colleague, mentor, and organizer of scientific endeavors, emphasizing her lasting impact on the field.

Key words: M. N. Vlasova, life trajectory, history of Karelia, history of Finland, history of science, public work

Acknowledgements. The article was written as part of the state research project assigned to the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Project No 124022000029-0).

For citation: Dubrovskaya, E. Yu. Commitment to science and public service: celebrating the 100th anniversary of Maria Nikolaevna Vlasova. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(6):65–76. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1217

REFERENCES

1. Vavulinskaya, L. I. Vlasova Maria Nikolaevna. *Karelia: Encyclopedia*. In 3 vols. Vol. 1. (A. F. Titov, Ed.). Petrozavodsk, 2007. P. 215. (In Russ.)
2. Vavulinskaya, L. I. Maria N. Vlasova (on the 90th anniversary). *Transactions of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. Research in the Humanities*. 2015;8:130–132. (In Russ.)
3. Vinokurova, I. Yu., Dubrovskaya, E. Yu. Galina Nikolayevna Bogdanova: the 100th anniversary of the scholar. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(2):33–42. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1143 (In Russ.)
4. Vlasov, N. I. Events in the Tulmozero Volost. *For Soviet Karelia (1918–1920). Memories of the Civil War*. (V. I. Mashezersky, Ed.). Petrozavodsk, 1963. P. 284–289. (In Russ.)
5. Vlasova, M. N. A nationwide general strike in Finland in October–November 1905. *Na rubezhe*. 1955;6:97–104. (In Russ.)
6. Vlasova, M. N. Meeting of Soviet and Finnish historians. *Novaia i noveishaia istoriia*. 1967;2:183–184. (In Russ.)
7. Vlasova, M. N. Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Branch of the USSR Academy of Sciences. Preprint of a report at the expanded meeting of the Academic Council of the Institute of Linguistics, Literature and History on 25 September 1980. Petrozavodsk, 1980. 55 p. (In Russ.)
8. Vlasova, M. N. About cooperation between Soviet and Finnish historians (the 1960s–1980s). *Northern Europe: Problems of modern history*. Moscow, 1988. P. 170–177. (In Russ.)
9. Vlasova, M. N. The proletariat of Finland during the First Russian Revolution (1905–1907). Petrozavodsk, 1961. 186 p. (In Russ.)
10. Vlasova, M. N. Participation of the Finnish Red Guards in the Sveaborg rebellion of 1906. *Scandinavian Collection*. 1957;2:222–236. (In Russ.)
11. Vlasova, M. N. The VII Finnish-Soviet Symposium of Historians [22–24 October 1979, Helsinki]. *Voprosy istorii*. 1980;4:158–159. (In Russ.)
12. Vlasova, M. N., Morozov, K. A. The Vidlitsa operation on 27 June 1919 (in memoirs). *From the history of the foreign intervention and Civil War in Karelia (1918–1920)*. Petrozavodsk, 1960. P. 29–38. (In Russ.)
13. Vlasova, M. N., Suni, L. V. The Soviet-Finnish Symposium of Historians. *Voprosy istorii*. 1976;4:188–190. (In Russ.)
14. Vlasova, M. N., Suni, L. V. The VIII All-Union Conference of Scandinavists. *Scandinavian Collection*. 1980;25:233–237. (In Russ.)
15. Kan, A. S. Soviet and post-Soviet historical Nordic studies – the first results. *Northern Europe: Problems of history*. (O. V. Chernyshova, Ed.). Issue 4. Moscow, 2003. P. 5–36. (In Russ.)
16. Korablev, N. A., Makurov, V. G. Aleksey Stepanovich Zherbin (celebrating his 90th anniversary). *Transactions of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences. Research in the Humanities*. 2013;4:143–145. (In Russ.)
17. Pushkareva, N. L. The history of everyday life: subject and methods. *Social history. The 2007 yearbook*. (I. Yu. Novichenko, A. K. Sokolov, K. M. Anderson et al., Eds.). Moscow, 2008. P. 9–56. (In Russ.)
18. Filimonchik, S. N. The main directions of historical research in Karelia (1917–2000). *Local historical studies in Karelia*. (L. N. Yusupova, Ed.). Petrozavodsk, 2012. P. 142–190. (In Russ.)

Received: 14 February 2025; accepted: 9 June 2025

ЮЛИЯ НИКОЛАЕВНА КОЖЕВНИКОВА

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центр гуманитарных проблем Баренц региона – филиал
Федерального государственного бюджетного учреждения
науки Федеральный исследовательский центр «Кольский
научный центр Российской академии наук»

(Апатиты, Российская Федерация)

ORCID 0000-0002-2570-8641; yukozhevnikova@gmail.com

АНТИМИНСЫ ИЗ ПРИХОДСКИХ ЦЕРКВЕЙ КОЛЬСКОГО БЛАГОЧИНИЯ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

А н н о т а ц и я . Впервые рассматривается группа печатных антиминсов, использовавшихся во время богослужения приходскими священниками Кольского благочиния Архангельской епархии в начале XIX века. Основным источником сведений для исследования стали ведомости о церквях, составленные в 1812 году благочинным Андреем Ануфриевым (из Государственного архива Мурманской области). Информация о времени печати и освящении платов, а также их физическом состоянии позволяет определить особенности местной литургической практики. Выясняется, что после ремонта старых и восстановления сгоревших храмов прежние антиминсы не всегда заменялись на новые. Таинство Евхаристии нередко совершалось на льняных платах, освященных еще в последней четверти XVII века первым архангельским епископом Афанасием (Любимовым). Хорошая сохранность старинных антиминсов и столь длительное их использование могут свидетельствовать в том числе о редком совершении литургии в конкретных храмах Кольского благочиния. Выявляется архаичная для начала XIX века традиция сохранения старых антиминсов, вышедших из употребления, на престоле главного в благочинии Воскресенского собора в городе Кола. Сведения из надписей, сохранявшихся на литургических платах, позволяют дополнить или уточнить факты из истории отдельных церквей, действовавших на Кольском Севере.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Кольское благочиние, Кольский уезд, антиминс, приходские священники, богослужение Благодарности. Статья подготовлена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра № FMEZ-2024-0002 «Динамика социокультурного облика Кольского Севера в контекстах истории освоения арктического фронта России».

Д л я ц и т и р о в а н и я : Кожевникова Ю. Н. Антиминсы из приходских церквей Кольского благочиния Архангельской епархии в начале XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 6. С. 77–84. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1218

ВВЕДЕНИЕ

В православии освященный епископом антиминс – четырехугольный тканый плат с вшитыми в него частицами мощей святых – необходим для таинства Евхаристии, совершаемого во время литургии. Историки связывают его появление в качестве переносного престола в Восточной Римской империи с необходимостью проводить богослужения вне храма, например в миссионерских и военных походах императоров [3: 489]. Первые упоминания об антиминсах относятся к периоду иконоборческого движения (730–843 годы), отрицавшего почитание «честных останков» христианских подвижников. По его завершении литургические платы

широко распространяются в византийской богослужебной практике.

В Русской православной церкви антиминсы известны по письменным источникам со второй половины XI века, а повсеместное их использование устанавливается только в XIII веке [3: 490]¹. Внешний вид, размеры, способы изготовления платов варьировались в разные исторические периоды. Небольшие рукописные антиминсы из холста с простым рисунком Креста Господня благодаря развитию техники книгопечатания и гравирования в середине XVII века сменились печатными, на которых при патриархе Никоне (1652–1666) утвердилось живописное изображение положения Христа во гроб [8: 78]. Первые гравированные антиминсы были изде-

лиями Московского печатного двора, позднее их выпускали синодальные типографии [10: 175]².

Вначале антиминсы массово печатались по заказам русских патриархов на деревянных и оловянных гравированных досках на льняной ткани. По рекомендациям Святейшего Синода в XVIII веке ее заменили на более дорогой разноцветный шелк или атлас³. Епархиальные архиереи, также выступавшие заказчиками печати антиминсов, могли предоставлять свой материал для удешевления ее стоимости⁴.

Антиминсы различались на «неподвижные», то есть предназначенные для конкретного храма, где они постоянно находились на престоле, и «подвижные» – «для служения на всяком месте» при необходимости⁵. Согласно Большому Требнику, изданному при патриархе Иосифе в 1651 году, священные платы выдавались правящими епископами при возведении храма или его значительных перестройках, требовавших перемещения престола, при смене посвящения церкви, после ее осквернения еретиками и язычниками. После утверждения требника, исправленного при патриархе Никоне, престолы, переносимые в новую церковь из разобранный, освящались на прежнем антиминсе⁶. За состоянием платов должны были строго следить местные благочинные, о чем указывалось во всех общероссийских инструкциях, издававшихся для них в конце XVII–XIX веке⁷. Требовалось заменять прохудившиеся или «слинялые» антиминсы с выцветшими надписями и рисунками на новые.

Единообразный формуляр надписи на антиминсе, которая канонически свидетельствовала о разрешении епархиальной власти совершать на нем богослужение, а также ее расположение на плате установились не сразу. К началу XIX века напечатанная типографским способом надпись помещалась в верхней и нижней частях антиминса и включала имя государя, в правление которого он освящался с дозволения Святейшего Синода. Наименование церкви и время освящения вписывались позднее от руки в специально оставленном месте⁸. По дополненной инструкции благочинным, изданной Синодом в 1857 году, стала обязательной подпись епископа⁹.

В отечественной историографии рассматриваются общие вопросы, связанные с использованием антиминсов в богослужбной практике; выявляются их иконографические типы; описывается история конкретных экземпляров¹⁰ [3], [5], [8], [13]. Отдельные работы посвящены платам как ценным произведениям декоративно-прикладного искусства и графики [1], [6]. Определяются этапы эволюции антиминсных гравюр

и развитие методов печати [10]. Объектами изучения выступают музейные собрания старинных антиминсов [11], [12]. Имеющие дополнительные рукописные надписи на полях платы оцениваются как значимые исторические источники, которые заслуживают большего внимания исследователей, несмотря на ряд очевидных сложностей работы с ними (например, отсутствие четкой географической привязки и нередкое отсутствие наименования храма) [13].

В данной статье впервые представлена и проанализирована информация о группе антиминсов из приходских храмов Кольского благочиния, использовавшихся в начале XIX века, а также выявлены региональные особенности их бытования. Основным источником сведений стали ведомости о церквях Кольского благочиния, составленные в начале 1812 года по указу Архангельской духовной консистории для Кемского духовного правления, из фонда Кольского Благовещенского собора (Государственный архив Мурманской области, далее – ГАМО)¹¹. Помимо данных о приходских храмах и служивших в них клириках, они содержат редкие сведения о состоянии всех антиминсов, применявшихся в литургической практике в тот период. Ведомости заполнял священник Успенского собора уездного города Кемь Андрей Ануфриев, временно заведовавший приходами двух соседних благочиний, Кемского и Кольского, Архангельской епархии¹².

* * *

В Кольском благочинии, объединявшем обширные территории Русской Лапландии и севера Беломорской Карелии, в начале XIX века существовали семь приходов: Соборный Кольский, Кандалакшский, Керетский, Умбский, Варзужские Успенский и Петропавловский, Понойский. В них действовали 19 самостоятельных и приписных церквей. Благочинный упоминает в ведомостях 23 антиминса, которые использовались в литургической практике приходскими священниками округа (см. таблицу)¹³.

Все перечисленные в ведомостях платы были выполнены в технике печати на гравированных досках и принадлежали к «неподвижным». Еще в середине XVIII века печатный «подвижный» антиминс «на полотне» сохранялся в Петропавловской церкви Кольского Печенгского монастыря¹⁴. С ним священники, по всей видимости, когда-то ездили в лопарские погосты, где совершали богослужения в часовнях, построенных кольскими саамами¹⁵.

Как видно из таблицы, антиминсы церквей Кольского благочиния были изготовлены из разных тканей: «холстины», «полотна» и «рудожел-

того атласа». Как утверждает известный исследователь богослужебного устава протоиерей Константин Никольский, холщовые антиминсы (из «простого холста», «холста белого цвета») использовались на литургии до конца XVIII века наряду с шелковыми, несмотря на царские и синодальные указы, рекомендовавшие печатать их на «приличной материи», то есть на атласе¹⁶. Богослужебная практика показывала, что платы из «холстины» и «полотна» оставались в хорошем состоянии более семидесяти лет, тогда как шелковые изнашивались за четверть века¹⁷.

Все антиминсы Кольского благочиния, за исключением двух из Успенской и Николь-

ской церковью в селе Варзуга, имели надпись с указанием имени епископа, который их освящал. Четыре плата священнодействовал первый архиерей Холмогорской и Важской епархии, образованной в 1682 году, преосвященный Афанасий (Любимов); пять – Варсонофий (Щенников) в середине XVIII века; четыре – Иоасаф (Лисянский) в 1760-е годы; по два – Вениамин (Краснопевков-Румовский) в последней четверти XVIII века и Евлампий (Введенский) в начале XIX века; по одному – Сильвестр (Крайский) в начале XVII века, Рафаил (Краснопольский), Аполлос (Байбаков) и Варнава (Волатковский) на протяжении XVIII века.

Антиминсы из церквей Кольского благочиния в начале XIX века

Antimensions from the parish churches of the Kola Deanery in the early XIX century

Церковь	Престол	Материал антиминса	Дата освящения антиминса
Воскресения Христова в городе Кола	Воскресения Христова	«на полотне»	1685 год
	в приделе святителя Николая Чудотворца	«на полотне»	17 ноября 1750 года
	в приделе великомученика Георгия	«на полотне»	17 ноября 1750 года
новопостроенная каменная, «еще не освящена» в городе Кола	в приделе Алексия человека Божия	«на рудожелтом атласе»	13 сентября 1804 года
Живоначальной Троицы в бывшем Кольском Печенгском монастыре	Живоначальной Троицы	«на полотне»	30 июля 1757 года
Сретения Господня на реке Печенга	Сретения Господня	«на полотне»	20 декабря 1709 года
святых мучеников Бориса и Глеба на реке Паз	святых мучеников Бориса и Глеба	«на холстине»	16 февраля 1763 года
Крестителя Господня Иоанна Предтечи в селе Кандалакша	Крестителя Господня Иоанна Предтечи	«на рудожелтом атласе»	1799 год
Рождества Пресвятой Богородицы в с. Кандалакша	Рождества Пресвятой Богородицы	«на полотне»	13 декабря 1694 года
святителя Христова Николая чудотворца в селе Ковда	святителя Христова Николая чудотворца	«на полотне»	13 июля 1750 года
святителя Николая Чудотворца в селе Кереть	«внизу» святителя Николая Чудотворца	«на полотне»	2 ноября 1682 года
	«вверху» великомученика Георгия	«на полотне»	10 июня 1690 года
Воскресения Христова в селе Умба	Воскресения Христова	«на полотне»	30 июля 1757 года
святителя Николая Чудотворца в селе Порьегубском	святителя Николая Чудотворца	«на полотне»	16 января 1794 года
Успения Пресвятой Богородицы в селе Варзуга	Успения Пресвятой Богородицы	«на полотне»	—
святителя Афанасия Александрийского в селе Варзуга	святителя Афанасия Александрийского	«на полотне»	13 ноября 1750 года
преподобных Зосимы и Савватия Соловецких в селе Варзуга	преподобных Зосимы и Савватия Соловецких	«на полотне»	14 октября 1720 года
святителя Николая Чудотворца в селе Варзуга	святителя Николая чудотворца	«на полотне»	28 июля 1705 года
	в приделе пророка Божия Или	«на полотне»	19 июля 1705 года
апостолов Петра и Павла в селе Варзуга	апостолов Петра и Павла	«на полотне»	18 сентября 1765 года
великомученика Димитрия Солунского в деревне Кузомень	великомученика Димитрия Солунского	«на полотне»	28 февраля 1763 года
Успения Пресвятой Богородицы в селе Поной	Успения Пресвятой Богородицы	«на полотне»	15 декабря 1775 года
апостолов Петра и Павла в селе Поной	апостолов Петра и Павла	«на рудожелтом атласе»	28 сентября 1804 года

Рассмотрим группу самых старых по длительности использования антиминсов из церквей Кольского округа, отпечатанных на Московском типографском дворе во второй половине XVII века. Священники Воскресенского собора — главного храма в благочинии, имевшего два придела, в его центральном алтаре служили на плате, освященном архиепископом Афанасием ко времени завершения строительства соборной церкви в 1685 году. Благочинный отметил, что антиминс, на котором литургия совершалась более 120 лет, «приходит в ветхость»¹⁸. Также он сообщал в Кемское духовное правление о том, что на престоле лежали еще три старых платы из «бывших церквей» и «без всяких почти подписаний». По средневековой традиции обветшавшие антиминсы могли класться под срачицу, то есть тканевое облачение на престол, соборного храма¹⁹, однако в начале XIX века этот обычай уже не соответствовал принятым правилам. Синодальным указом от 24 октября 1735 года предписывалось отправлять все антиминсы, вышедшие из употребления, в архиерейские или соборные ризницы²⁰. В 1817 году старые платы из кольского собора были отосланы на хранение в кафедральный Свято-Троицкий собор в Архангельске благочинным Иоанном Дьяконовым, избранным на должность в 1813 году²¹.

В начале XIX века наиболее древний антиминс благочиния находился в алтаре деревянной шатровой Успенской церкви в селе Варзуга. Надпись на нем, на первый взгляд противоречивая, говорила о том, что он «печатан при царе Алексее Михайловиче и при святейшем патриархе Иосифе 1600 года»²². Как поясняет протоиерей Константин Никольский, в подобных случаях отпечатанный типографским способом на плате год «показывал только столетие» гравирования антиминса, а не время его освящения или подписания архиереем²³. По всей видимости, благочинный Андрей Ануфриев неверно прочитал имя патриарха Иоасафа, бывшего предстоятелем Церкви в 1667–1672 годах (названный им патриарх Иосиф возглавлял Русскую православную церковь в 1642–1652 годах), которое было вписано от руки и, скорее всего, плохо сохранилось²⁴. Историки установили, что первые издания антиминсов печатались при патриархе Никоне с одной деревянной гравированной доски [10: 177]. Позднее имя опального архиерея было срезано, а на оттиске чернилами наносились имена патриархов Иоасафа и Питирима (1672–1673 годы). Из другой ведомости за 1828 год известно, что освященный для Успенской церкви плат выдали в 1670 году, поэтому его должны были изготовить на Москов-

ском печатном дворе с помощью первой антиминной доски, выполненной из дерева²⁵.

Антиминс из Успенской церкви был «ни кем не подписан», что допускалось действовавшими правилами²⁶. Как уже говорилось, инструкции благочинным, изданные до середины XIX века, не содержали указания о необходимости собственноручной архиерейской подписи. Также на нем отсутствовало наименование церкви, для которой он предназначался.

Этот антиминс, напечатанный при царе Алексее Михайловиче, по всей видимости, был выдан в храм после его перестройки во второй половине XVII века. Как сообщает священник Варзужского прихода Михаил Истомин, на южной стене в Успенской церкви в конце XIX века сохранялся восьмиконечный крест с надписью об ее освящении 4 августа 1674 года в период «межпатриаршества», при новгородском митрополите Иоакиме²⁷.

Третий антиминс XVII века находился в приходской церкви Рождества Пресвятой Богородицы в селе Кандалакша. Ранее этот деревянный храм принадлежал мужскому Пречистенскому Кандалакшскому монастырю, упраздненному по секуляризационной реформе, проводившейся при Екатерине II. Антиминс священнодействовал архиепископ Афанасий в 1694 году для монастырской церкви, восстановленной после пожара, произошедшего в 1690/91 году при игумене Иоасафе [7: 159]. Упомянутый в ведомости благочинным Андреем Ануфриевым Пречистенский храм был построен прихожанами на собранные средства в 1802 году. При этом старинный плат, сохранившийся в целости, не был заменен на новый²⁸.

В селе Кереть стояла двухэтажная церковь с двумя престолами: нижним в честь святителя Николая Чудотворца и верхним — великомученика Георгия. На втором этаже была установлена гробница с мощами местночтимого святого Варлаама Керетского. Деревянный храм прихожане построили в 1773 году вместо двух приходских церквей, зимней Никольской и летней Георгиевской, полностью уничтоженных пожаром в 1769 году. Как выясняется, керетские священники в начале XIX века по какой-то причине продолжали служить литургию на прежних антиминсах, спасенных из огня²⁹.

Единственный антиминс «на холстине» лежал на престоле древнейшей в Кольском благочинии церкви во имя святых мучеников Бориса и Глеба, построенной по преданию преподобным Трифоном Печенгским на реке Паз в 1565 году. Согласно надписи, антиминс был отпечатан «при державе Петра Великого», что позволяет датиро-

вать его периодом до 1721 года³⁰, а подписан гораздо позднее, в 1763 году, архангельским епископом Иоасафом.

Из антиминсов, освящавшихся для храмов Кольского благочиния на протяжении XVIII века, часть была выдана для перестроенных или поновленных церквей: Никольской³¹ и придельной Ильинской в селе Варзуга; Сретенской при реке Печенга; Никольской в селе Ковда; Троицкой в Кольском Печенгском монастыре, ставшей после его упразднения кладбищенской в Соборном приходе³²; Никольской в селе Поръегубском; Крестителя Господня Иоанна Предтечи в селе Кандалакша.

Другие платы привозились приходскими священниками, скорее всего, на замену прохудившимся или испорченным платам. Для двух дополнительных престолов, кольского Воскресенского собора – во имя великомученика Георгия и святителя Николая Чудотворца, антиминсы освящались в один день архиепископом Варсонофием в 1720 году³³. При этом древний антиминс в главном алтаре не заменялся вплоть до начала XIX века, что может косвенно свидетельствовать о более частом богослужении в приделах.

Другой плат, священнодействованный тем же архангельским архиереем, полагался для церкви, возведенной в селе Варзуга во имя святителя Афанасия Александрийского в 1596/97 году. К первой четверти XVIII века относился антиминс из другого варзужского храма в честь преподобных Зосимы и Савватия Соловецких, срубленного в 1683 году³⁴. В надписи на этом плате наименование церкви отсутствовало.

В селе Кузомень в начале XIX века богослужения проводились в деревянной церкви во имя великомученика Димитрия Солунского, построенной в 1782 году и приписанной к Петропавловскому Варзужскому приходу. В историографии считается, что это был первый храм, поставленный кузоменскими крестьянами [9: 63]. Между тем, по данным благочинного Андрея Ануфриева, «входящие» священники пользовались на литургии антиминсом, освященным для Димитриевской церкви в 1763 году епископом Иоасафом³⁵. Другими словами, существовавший в последней четверти XVIII века храм предположительно имел предшественника, время возведения которого остается пока неизвестным. В селе Умба после перестройки обветшавшей Воскресенской церкви в 1778 году³⁶ на ее престоле также оставался старый антиминс, который архиепископ Варсонофий священнодействовал в 1757 году.

К началу XIX века относятся два новых шелковых антиминса из церквей Соборного Кольского и Понойского приходов³⁷. Оба освятил и подписал епископ Евлампий в сентябре 1804 года. Первый предназначался для придела в честь Алексия, человека Божия в каменной церкви, строившейся рядом с Воскресенским собором. Второй плат лежал на престоле в Петропавловском храме, возведенном в селе Поной в 1802 году³⁸.

Состояние антиминсов Кольского благочиния зависело не только от ткани и длительности их использования в литургической практике, но и частоты совершавшихся богослужений в конкретных храмах. В Никольской церкви, поставленной в 1596/97 году в селе Ковда, плат, освященный в середине XVIII века, по отзыву кольского благочинного Иоанна Дьяконова, даже в 1828 году был «по редкому употреблению в литургии подобно как новый»³⁹.

В заключение несколько слов о дальнейшей судьбе антиминсов из церквей Кольского благочиния. По ведомости за 1828 год, в приходских храмах Сретения Господня на реке Печенга, мучеников Бориса и Глеба на реке Паз и Рождества Богородицы в селе Кандалакша к тому времени они были уже заменены на новые платы из атласа. Как отмечалось, при кольском благочинном Иоанне Дьяконове (1813–1838) стало соблюдаться общероссийское правило о старых антиминсах, поэтому они отсылались на хранение в ризницу Свято-Троицкого собора в Архангельске. Оттуда часть из них попала в собрание Архангельского Епархиального церковно-археологического комитета, образованного в 1887 году. В краеведческой литературе упоминается его ценная коллекция из восьми десятков рукописных и печатных экземпляров XV–XVIII веков⁴⁰. Современное местонахождение платов, использовавшихся в начале XIX века в приходских церквях Кольского благочиния, мне неизвестно.

ВЫВОДЫ

Ведомости о церквях, составленные благочинным Андреем Ануфриевым, содержат важные и редкие сведения об антиминсах, которыми пользовались священники Кольского благочиния в начале XIX века, и позволяют выявить особенности сложившейся в местных приходах богослужебной практики. Выясняется, что в этот период продолжали использоваться старинные литургические платы, в том числе освященные первым архиереем Архангельской епархии епископом Афанасием (Любимовым) в XVII веке. После перестройки обветшавших или возобновления сгоревших церквей приходские иереи со-

вершали Евхаристию на прежних антиминсах в селах Кандалакша, Умба и Кереть. За исключением трех платов из атласа, выданных в конце XVIII – начале XIX века, все антиминсы были печатаны «на полотне». Их хорошее состояние может объясняться не только особой прочностью льняной ткани, из которой они были изготовлены, и аккуратностью священников, но и редкостью совершения на них литургии в конкретных церквях. На Кольском Севере сохранялась анахроничная для начала XIX века традиция оставлять священные платы из «бывших» церквей на престоле главного храма благочиннического

округа, Воскресенского собора в городе Кола. «Подвижные» антиминсы, известные по источникам предыдущего столетия, уже не использовались в литургической практике. Самый старый из платов, описанных благочинным Андреем Ануфриевым, лежал на престоле Успенской церкви в селе Варзуга. Предположительно он принадлежал к числу ранних изданий, отпечатанных на первой гравированной доске, выполненной из дерева, на Московском печатном дворе. Антиминсы и сохранявшиеся на них надписи позволяют уточнить или дополнить имеющиеся знания по истории приходских храмов.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Никольский К. Об антиминсах Православной церкви. СПб.: Типография Якова Трея, 1872. С. 260.
- ² Часть антиминсов, по предположению ряда историков, печаталась в Великом Новгороде для нужд церквей Новгородской епархии [1], [6], [10: 180].
- ³ Наибольшая пошлина взималась за печатание на шелке большого антиминса с «фряжской медной доски», изготовленной при патриархе Адриане. См.: Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб.: Синодальная типография, 1913. Т. 24. Стб. 629–630.
- ⁴ Синодальный указ от 26 июля 1753 года. См.: Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного вероисповедания Российской империи. СПб.: Синодальная типография, 1912. Т. 4. С. 21. В 1862 году в богослужебную практику снова вводились льняные платы, оказавшиеся более долговечными. См.: Ивановский Я. И. Обзор церковно-гражданских узаконений по духовному ведомству с историческими примечаниями и приложениями. СПб.: Синодальная типография, 1900. С. 97.
- ⁵ Никольский К. Об антиминсах... С. 61.
- ⁶ Там же. С. 94–96.
- ⁷ Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое: 1649 – по 12 декабря 1825 г. СПб., 1830. Т. 3. № 1612; Платон (Левшин), архиепископ. Инструкция благочинным иереям или протоиереям. М.: Московская синодальная типография, 1775; Инструкция благочинному. СПб.: Синодальная типография, 1857.
- ⁸ Никольский К. Об антиминсах... С. 243–259.
- ⁹ Там же. С. 257.
- ¹⁰ Никольский К. Об антиминсах...
- ¹¹ ГАМО. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 2.
- ¹² Бывший кольский благочинный протоиерей Василий Ивановский, служивший в Воскресенском соборе в городе Кола, был отстранен от должности в 1811 году [4].
- ¹³ Даты освящения антиминсов указаны по старому стилю.
- ¹⁴ К истории Трифоно-Печенгского монастыря. Опись 1757 г. // Архангельские епархиальные ведомости. 1896. № 23. С. 668.
- ¹⁵ Например, в Иркутской епархии в середине XIX века выдавались «подвижные» антиминсы для богослужений в отдаленных часовнях. В длительных поездках по благочинию проще было возить освященные платы, чем походные церкви в палатках, которые могли использоваться только в теплое время года. См.: Никольский К. Об антиминсах... С. 63.
- ¹⁶ Там же. С. 107–108.
- ¹⁷ Там же. С. 111.
- ¹⁸ ГАМО. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.
- ¹⁹ Никольский К. Об антиминсах... С. 100–101.
- ²⁰ Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода. СПб.: Синодальная типография, 1907. Т. 15. Стб. 422–423.
- ²¹ ГААО. Ф. 29. Оп. 4. Т. 1. Д. 773.
- ²² ГАМО. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.
- ²³ Последние две цифры порядкового номера года вписывались вручную при освящении антиминса. См.: Никольский К. Об антиминсах... С. 163–165.
- ²⁴ Позднее все надписи наносились на антиминсы типографским способом с оловянных печатных форм [10: 176–177].
- ²⁵ ГАМО. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 15. Л. 7.
- ²⁶ В собрании Архангельского епархиального древлехранилища находились старинные холщовые антиминсы без подписи архиерея. См.: Список предметов древлехранилища в г. Архангельске // Труды Седьмого археологического съезда в Ярославле. М.: Типография Э. Лисснера и Ю. Романа, 1891. Т. 2. С. 287.

- ²⁷ Истомин М. Варзугский Петропавловский приход // Архангельские епархиальные ведомости. 1896. № 19. С. 250–251.
- ²⁸ НА РК. Ф. 663. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 17; ГАМО. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 15. Л. 4 об.
- ²⁹ ГАМО. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 15. Л. 5 об.
- ³⁰ После того, как в 1721 году Петр I принял титул Отца Отечества, на антиминсах вместо слов «при державе» стали печатать «повелением». См.: Никольский К. Об антиминсах... С. 247.
- ³¹ В надписи на антиминсе из варзужского Никольского храма говорилось о том, что он «священнодействован преосвященными архиереями соборне между патриаршеством». См.: ГАМО. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 15. Л. 10.
- ³² Троицкий храм был возведен вместо Петропавловской церкви, сгоревшей в пожаре в октябре 1756 года, о чем свидетельствует указ Архангельской духовной консистории, подписанный 23 марта 1757 года.
- ³³ Оба боковых алтаря изначально предусматривались трехчастной конструкцией величественного соборного здания [2: 42].
- ³⁴ В древлехранилище хранилась грамота преосвященного Афанасия, выданная в 1683 году на постройку церкви в Варзуге. См.: Список предметов древлехранилища... С. 288.
- ³⁵ ГАМО. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 15. Л. 10–10 об.
- ³⁶ НА РК. Ф. 663. Оп. 1. Д. 1/5. Л. 33. По другим данным, церковь поставили в 1772 году. См.: Там же. Д. 1/1. Л. 13.
- ³⁷ ГАМО. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 15. Л. 1 об., 11 об.
- ³⁸ НА РК. Ф. 663. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 23.
- ³⁹ ГАМО. Ф. И-16. Оп. 1. Д. 15. Л. 7.
- ⁴⁰ Ленгауэр В. А. О памятниках церковной древности до XVIII в. в Архангельской губернии. Архангельск: Губернская типография, 1912. С. 12; XXV-летие Архангельского Епархиального церковно-археологического комитета. Архангельск: Типо-литография наследников Д. Горяйнова, 1912. С. 23.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева М. А. Малоизвестные произведения русского искусства XVII – первой половины XVIII в. – гравированные антиминсы // Памятники культуры. Новые открытия. Л., 1984. С. 430–451.
2. Бодэ А. Б. Графическая реконструкция Воскресенского собора в заполярном городе Кола. К вопросу о североευропейских влияниях // Фундаментальные, поисковые и прикладные исследования РААСН по научному обеспечению развития архитектуры, градостроительства и строительной отрасли Российской Федерации в 2016 году: Сб. науч. тр. М.: РААСН, 2017. С. 40–49.
3. Желтов М. С., Попов И. О. Антиминс // Православная энциклопедия. М.: ЦНЦ «Православная энциклопедия», 2001. Т. 2. С. 489–493.
4. Кожевникова Ю. Н. Благочинный на Кольском Севере в начале XIX века (по документам Кемского духовного правления Национального архива Республики Карелия) // Известия Коми НЦ УрО РАН. 2023. № 1 (59). С. 67–73. DOI: 10.19110/1994-5655-2023-1-67-73
5. Малинский А. В. История антиминса Воскресенского войскового собора станицы Старочеркасской (антиминс как исторический источник) // Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской духовной академии. 2018. № 2. С. 144–150. DOI: 10.24411/2587-8425-2018-10026
6. Николаева С. Г. Неизвестные антиминсные гравюры второй половины XVIII столетия // Труды Государственного музея истории религии. 2005. № 5. С. 7–14.
7. Никонов С. А. Кандалакшский монастырь в XVI–XVII вв.: Исследования и материалы. Мурманск: МГГУ, 2011. Ч. 1. 324 с.
8. П. Е. Русские антиминсы (церковно-археологический очерк) // Журнал Московской патриархии. 1964. № 2. С. 73–78.
9. Федоров П. В. Православный словарь Кольского Севера. СПб.: Международный банковский институт, 2017. 232 с.
10. Хромов О. Р. Об издании антиминсов на Московском печатном дворе в XVII веке // Федоровские чтения – 2024: к 460-летию русского книгопечатания (Москва, 28–29 мая 2024 г.). М.: ФГБУН НИЦ «Наука» РАН, 2024. С. 173–182.
11. Чеботарева К. Формирование антиминсной коллекции Музея Московской духовной академии «Церковно-археологический кабинет» и история ее изучения // Вестник церковного искусства и археологии. 2022. № 1 (5). С. 81–99. DOI: 10.31802/BCAA.2021.5.1.005
12. Чекалова И. В. К истории изучения коллекции вологодских антиминсов: свидетельства освящения престолов Софийского и Воскресенского кафедральных соборов Вологды // Историко-культурное наследие Русского Севера: проблемы сохранения и перспективы развития: Материалы науч.-практ. конф. (г. Вологда, 16–18 октября 2018 г.). Вологда, 2019. С. 260–275.
13. Яганов А. В. Два древних антиминса из Торжка: опыт историко-топографического исследования с использованием нестандартных письменных источников // Вестник университета Дмитрия Пожарского. 2020. № 4 (20). С. 143–152.

Yulia N. Kozhevnikova, Cand. Sc. (History), Senior Researcher, Barents Centre of the Humanities, Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences (Apatity, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-2570-8641; yukozevnikova@gmail.com

ANTIMENSIONS FROM THE PARISH CHURCHES OF THE KOLA DEANERY WITHIN THE ARKHANGELSK DIOCESE IN THE EARLY XIX CENTURY

Abstract. This study examines, for the first time, a collection of printed antimensions used during Divine Services by parish priests of the Kola Deanery within the Arkhangelsk Diocese in the early XIX century. The principal written source for this research is the 1812 “Bulletin of Churches”, compiled by Dean Andrei Anufriev and currently stored in the State Archive of the Murmansk Region. Data regarding the dates of printing and consecration of the corporals, along with their physical condition, provide valuable insights into the specifics of local liturgical practices. The findings reveal that, following the renovation of old churches and the restoration of those damaged by fire, the original antimensions were not always replaced with new ones. Instead, the Eucharist was frequently celebrated on linen cloths consecrated in the last quarter of the XVII century by the first Bishop of Arkhangelsk, Athanasius (Lyubimov). The well-preserved state of these ancient antimensions and their continued use suggest, among other factors, a rarity of liturgical celebrations in certain churches within the Kola Deanery. Furthermore, the article reveals the persistence of an archaic tradition into the early XIX century: the retention of obsolete antimensions on the throne of the Resurrection Cathedral, the deanery’s main church located in the city of Kola. Inscriptions preserved on the liturgical corporals offer additional information that can supplement or clarify historical data concerning individual churches operating in the Kola North.

Keywords: Kola Deanery, Kola Uyezd, antimension, parish priests, Divine Service

Acknowledgements. The study was funded from the federal budget as part of the state task No FMEZ-2024-0002 (“The dynamics of the socio-cultural image of the Kola North in the context of the history of the exploration of Russia’s Arctic frontier”) assigned to the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Kozhevnikova, Yu. N. Antimensions from the parish churches of the Kola Deanery within the Arkhangelsk Diocese in the early XIX century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(6):77–84. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1218

REFERENCES

1. Alekseeva, M. A. Little-known works of Russian art from the XVII and the first half of the XVIII centuries – engraved antimensions. *Cultural monuments. New discoveries*. Leningrad, 1984. P. 430–451. (In Russ.)
2. Bode, A. B. Graphic reconstruction of the Resurrection Cathedral in the polar city of Kola. Revisiting the issue of Northern European influences. *Fundamental, exploratory, and applied research of the Russian Academy of Natural Sciences for the scientific support of the development of architecture, urban planning, and construction industry of the Russian Federation in 2016: Collection of scientific papers*. Moscow, 2017. P. 40–49. (In Russ.)
3. Zheltov, M. S., Popov, I. O. Antimension. *The Orthodox encyclopedia*. Moscow, 2001. Vol. 2. P. 489–493. (In Russ.)
4. Kozhevnikova, Yu. N. Dean in the Kola North at the beginning of the XIX century (according to the documents of the Kem spiritual collegium of the National Archives of the Republic of Karelia). *Proceedings of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2023;1(59):67–73. DOI: 10.19110/1994-5655-2023-1-67-73 (In Russ.)
5. Malinsky, A. V. The history of the antimensium of the Resurrection Cathedral of the village Starocherkasskaya (antimensium as a historical source). *Herald of the Historical Society of Saint Petersburg Theological Academy*. 2018;2:144–150. DOI: 10.24411/2587-8425-2018-10026 (In Russ.)
6. Nikolaeva, S. G. Unknown antimension engravings of the second half of the XVIII century. *Proceedings of the State Museum of the History of Religion*. 2005;5:7–14. (In Russ.)
7. Nikonov, S. A. The Kandalaksha Monastery in the XVI–XVII centuries: Studies and materials. Murmansk, 2011. Vol. 1. 324 p. (In Russ.)
8. P. E. Russian antimensions (ecclesiastical and archaeological essay). *Journal of the Moscow Patriarchate*. 1964;2: 73–78. (In Russ.)
9. Fyodorov, P. V. The Orthodox dictionary of the Kola North. St. Petersburg, 2017. 232 p. (In Russ.)
10. Khromov, O. R. The printing of antimensions by the Moscow Printing Yard in the XVII century. *Fyodorov Readings – 2024: celebrating the 460th anniversary of book printing in Russia (Moscow, 28–29 May 2024)*. Moscow, 2024. P. 173–182. (In Russ.)
11. Chebotareva, K. Formation of the antimensia collection at the Museum of the Moscow Theological Academy “Church-Archaeological Cabinet” and the history of its study. *Church Art and Archeology Review*. 2021;1(5):81–99. DOI: 10.31802/BCAA.2021.5.1.005 (In Russ.)
12. Chekalova, I. V. The history of studying the Vologda collection of antimensions: the evidence of the consecration of the thrones of St. Sophia Cathedral and Resurrection Cathedral in Vologda. *Historical and cultural heritage of the Russian North: problems of preservation and prospects of development: Proceedings of the scientific and practical conference (Vologda, 16–18 October 2018)*. Vologda, 2019. P. 260–275. (In Russ.)
13. Yaganov, A. V. Two ancient antimensions from Torzhok: the experience of historical and topographic research using non-standard written sources. *Journal of Dmitry Pozharsky University*. 2020;4(20):143–152. (In Russ.)

Received: 31 March 2025; accepted: 9 June 2025

АЛЕКСЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ МОРОХИН

кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политики России

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского

(Нижний Новгород, Российская Федерация)

научный сотрудник Центра истории русского феодализма

Институт российской истории РАН

(Москва, Российская Федерация)

alexmorohin@yandex.ru

О ПРЕБЫВАНИИ ЛЕЙБ-МЕДИКА ПЕТРА I Р. К. АРЕСКИНА В КАРЕЛИИ

А н н о т а ц и я . Реконструируются события, связанные с пребыванием на курорте «Марциальные воды» лейб-медика Петра I Р. К. Арескина. Он был активным сторонником использования бальнеотерапии и активно способствовал открытию в России первого курорта, получившего название «Марциальные воды». Новизна исследования заключается во введении в научный оборот новых документальных материалов, иллюстрирующих популярные в то время методы лечения недугов. Отмечается, что Арескин приехал на курорт уже будучи не просто тяжелобольным, а фактически в положении умирающего человека. При этом характер его заболевания из-за недостатка источников по-прежнему остается неизвестным, что не позволяет говорить об эффективности / неэффективности предпринятых методов лечения. В заключение делается вывод о том, что смерть царского врача во время лечения на Олонце не оказала влияния на воззрения Петра I, допускавшего возможность отравления Арескина, об эффективности лечения всех недугов бальнеотерапией.

К л ю ч е в ы е с л о в а : Р. К. Арескин, Марциальные воды, В. И. Геннин, Петр I, А. В. Макаров, бальнеотерапия

Д л я ц и т и р о в а н и я : Морохин А. В. О пребывании лейб-медика Петра I Р. К. Арескина в Карелии // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 6. С. 85–89. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1219

ВВЕДЕНИЕ

Личность врача Петра I Роберта Карловича Арескина (Эрскина) уже давно привлекает к себе внимание специалистов [4], [5: 137–141], [7], [8], [10], [11]. Будучи человеком весьма многогранным, медик получил известность и в качестве одного из главных инициаторов распространения в России бальнеотерапии – лечения минеральными водами. Именно он убедил Петра I с начала 1710-х годов начать активное употребление минеральных вод для лечения его многочисленных недугов на европейских курортах. В свою очередь у самого Арескина увлечение бальнеотерапией произошло под влиянием его современника, известного немецкого врача Фридриха Гофмана (1660–1742), считавшего минеральные воды «универсальным лекарством, подходящим для лечения всех болезней», почти идеальной формой панацеи от большинства недугов. В сохранившейся библиотеке Арескина находятся как минимум двадцать две книги по бальнеологии, включая и сочинения Гофмана [12: 152–154]. Методика водолечения, которую практиковал Роберт Кар-

лович, оказала большое влияние на царя и навела его на мысль о необходимости поиска источников минеральной воды на территории России [1]. С этой целью в 1717 году в Поволжье была направлена экспедиция под руководством доктора Г. Шобера [6]. Распоряжением организовать эту экспедицию Петр I не ограничился. Через несколько месяцев, в октябре 1717 года, по его приказу другой медик – Л. Л. Блюментрост отправился в Карелию, на Олонец¹, для изучения целебных свойств местных минеральных вод. Сохранились сведения о том, что научную поездку в этот район в 1717 году планировал и сам Арескин. По крайней мере, в письме к И. Ф. Брейне 13 октября 1717 года Роберт Карлович упомянул о своих планах поехать из Москвы в Карелию, «чтобы исследовать минеральные воды и сделать их пробы; я поделюсь с Вами результатами своих изысканий»². Однако командировка Арескина на Олонец тогда по каким-то причинам не состоялась, и вместо него в Карелию отправился Л. Л. Блюментрост. После этого благодаря стараниям Арескина и Блюментроста на Олонце был

организован первый российский курорт, получивший название «Марциальные воды».

* * *

Поездка самого Роберта Карловича на курорт состоялась позже, в конце 1718 года, и это было последнее путешествие Арескина. Факт пребывания царского врача на Олонце, окончившего здесь свои дни, был известен исследователям, которые приводили и некоторые подробности лечения самого Роберта Карловича в декабре 1718 года³. Детали этого пользования водами, как и в целом пребывания Арескина на курорте, явствуют из писем коменданта Олонца и управляющего местными заводами В. И. Геннина, адресованных Ф. М. Апраксину. Эти документальные материалы и по сей день являются главным источником информации о последних днях жизни Роберта Карловича. Между тем ряд других деталей, имеющих в посланиях Геннина к Петру I и кабинет-секретарю царя А. В. Макарову, хранящихся в Российском государственном архиве древних актов, позволяют более подробно реконструировать пребывание Арескина на курорте.

Летом 1718 года Роберт Карлович сопровождал царя во всех его перемещениях по Балтике, продолжая при этом активно работать. 27 августа врач, например, осматривал полковника Юрлова, «которой как мочно видеть головою подлинно болен и жалуетца он что в голове непрестанно бывает шум а в ненасытные дни и лом бывает великой». Больного Арескин рекомендовал перевести для лечения в Петербург, так как «надлежит ему лечитца сильными лекарствы»⁴. В начале сентября медик вернулся в Петербург, будучи уже, видимо, больным и сильно уставшим. 4 сентября 1718 года в письме Б. И. Куракину он жаловался:

«У меня почти не было свободного времени: то я на борту корабля, то на галерах, то в палатке, но всегда всё было плохо, и я был подвержен суровым условиям местности, от чего я до сих пор страдаю, и я благодарю Господа за наше возвращение, которое состоялось вчера вечером...»⁵

Несмотря на плохое самочувствие, судя по сохранившимся письмам Арескина к А. Д. Меншикову, Роберт Карлович продолжал работать вплоть до начала октября 1718 года⁶.

На решение Арескина совершить поездку на курорт оказало влияние не только его ухудшившееся самочувствие (вопрос о том, каким недугом страдал царский врач, остается открытым), но и тот факт, что летом 1718 года вояж в Карелию предприняли многие лица из окружения Петра I. Это были генерал-поручик Р. В. Брюс,

полковник О. И. Щербатов, князь-игуменья Д. Г. Ржевская, княгиня И. М. Прозоровская, А. П. Голицына, любимец Петра I поп И. Х. Битка, некая «мамка» из дома А. Д. Меншикова. На каждого из этих визитеров бальнеотерапия действовала по-разному. У страдавшего почечно-каменной болезнью Р. В. Брюса «вышло каменной болших и малых слишком 40, из которых один камень против турецкого бобу длинноват, витой». Лечившаяся от этой же хвори И. М. Прозоровская тоже после курорта почувствовала себя лучше – «вышло от воды ж камень и песок и ныне лехче». У Д. Г. Ржевской «вышло глистов в разные времена длиною всех 30 сажень, бутто кишки, и ныне получила здравие и одышки нет и ходит пространно». О. И. Щербатов также «от воды здесь выздоровел». Поп И. Х. Битка, как сообщал Геннин, прибыл на курорт 5 августа

«зело труден з дороги и жалился мне, что он зело болен и нога де правая вся заколела, и я на другое утро посадил ево в баню сульфатно в третью воду и он неколикое время в ней сидел и стало ему очень тошно, и вывели ево из бани и учало ево рвать желтостью и мокротою, и потом свели ево на постель потеть, и я боялся, чтоб ево не зашибло паралиписис (паралич. – А. М.) ежели ево отпустить водою до Марциальных вод 35 верст и не смею ево туда отпустить».

В этой связи было принято решение пригласить к больному лекаря А. Равинеля, и «ныне оной лекарь сюда к попу прибыл». «Мамка» из дома А. Д. Меншикова, по словам того же Геннина, «от оной воды ползы мало получает понеже ее болезнь походит на тисис (возможно, имеется в виду cystitis – цистит, воспаление мочевого пузыря. – А. М.)»⁷. Несмотря на разные результаты пользования минеральным источником царедворцев, Арескин решает поехать на курорт, чтобы лично проверить целебные свойства местной минеральной воды и поправить собственное здоровье, ухудшавшееся с каждым днем.

25 ноября 1718 года Роберт Карлович добрался до Петрозаводска, находясь уже в тяжелом состоянии («от болезни зело труден»), и остановился в доме Геннина. В письме к А. В. Макарову тот сообщал, что Арескина «от вчерашнего дня чрез ночь жива на утрее застать не чаяли». Несмотря на свое тяжелое состояние, больной решил предпринять лечение и утром 26 ноября «зело желал... марциальной воды пить». Поскольку «для такой великой ево болезни к водам вести ево невозможно... чтоб на дороге не умер», управляющий заводами распорядился доставить Арескину четыре бутылки минеральной воды из источника. Но Роберт Карлович смог выпить лишь две небольшие рюмки, которые уже ему не помогли,

«и минув с четверть часа после того вышло у него ртом флегмо (мокрота, слизь. – А. М.) и желутка такое тугое и черно как уголь... что удивительно было. Зело у него около глазов желто, а пищи ничего, токмо малое число пития принимает»⁸.

К сожалению, отсутствие данных о характере заболевания (имеющаяся в распоряжении исследователей информация не позволяет говорить о том, каким недугом страдал Арескин) не дает возможности сделать и предположения о том, могла ли помочь больному бальнеотерапия. У окружающих не было сомнений в том, что царский врач умирает, в связи с чем Геннин просил указаний о своих действиях после этого: «...что ево здесь при люторской кирке погребст[ь] ли и внутреннее ево осмотрит ли или отправить ево в Санкт Питербурх». Кроме того, в этом же письме Макарову Геннин сообщил, что

«по писании сего писма призывал меня господин дохтор Арескин и велел об оной своей болезни писать к самому Его Царскому Пресветлому Величеству и о той ево болезни я до Его Царскаго Величества пространно писал».

В послании Петру I, составленном в день приезда Арескина на курорт, 25 ноября, сообщалось, что Роберт Карлович «чюдю жив приехал на Олонецкие Петровские заводы и обморок был жестокий»⁹.

Свой первый день пребывания на Олонце, 26 ноября, Арескин, по словам Геннина, «трудно кончал», а вечером

«желал он пастора нашего для богомолия и ради пения стихов и также и тело Христово принять и я пастора призывал и стихи пели мы, а перед бытием пастора говорил он мне дабы писать тестамент понеже он в Санкт Питербурхе еще не учинил и я ево спрашивал желания после смерти против чего он мне словесно сказал чтоб мне учинить после смерти ево о пожитках и о книгах и с раритетми, и когда пастор стихи и молитвы отправил и он о писании тестаменту мне болше для трудности не споминал».

Как явствует из писем Геннина, при больном находились аптекарь Бер, местный лекарь Антон Равинель и оказавшийся на Олонце другой царский врач – доктор Георгий Поликала. Вполне возможно, что Поликала сопровождал Арескина в поездке изначально и должен был оказывать больному медицинские услуги (о Г. Поликала см.: [2]).

Последующее состояние больного комендант Олонца характеризовал так:

«...и судки целые была заика великая и малая лихоратка, а жару и з наружи не слышно, толко внутри сказывает горит и жажда, а кушать ничего не может кроме того что малое число бульен а больше ничего, а марцыальной воды по совету дохтора Поликала и апте-

каря Бера и лекаря Равинеля более господину Арескину пить дать нельзя, и сам он не желает понеже несносно ему для безсилия ево и великой ево лихоратки и сам он опасен чтоб от заискивания смерти не принять».

Состояние больного комендант Олонца описал Петру I более витиевато:

«Господин Арескин с великим трудом жив, токмо мне кажется миндалное дерево у него почти выпцвело, жернов ево молоть болше не может, также спиритии анималис зготовилось и выттить ис хаты своей и хочет простится с корпусом своим покамест всевышний сотворитель их по прежнему к тем местам приведет весною»¹⁰.

29 ноября Геннин сообщал Макарову, что Арескин

«здесь по сие число еще милостию Божиею жив токмо велми болен и при конце живота и желает он к себе сюда из Санкт Питебурха племянника своего (Р. Стирлинга. – А. М.) и я ему что до вашей милости о том писать буду обещал».

Тогда же Роберт Карлович вновь решил письменно оформить свое завещание, которое не смог подписать из-за слабости:

«...не токмо рукою, но и ногою тронутца за малосилием не мог и для свидетелства при писме в горницу никого посторонних пускать не велел, токмо при том были аптекарь Бер и камардинер ево, Иван Кренинг».

Озвучить Геннину все свои предсмертные распоряжения Роберт Карлович, видимо, не успел. Это явствует из того, что позднее аптекарь Бер и камердинер И. Кренинг сообщили коменданту Олонца, что Арескин

«при животе своем будучи в Санкт Питербурхе говорил когда де он судом Божиим жизнь свою прекратит и потом желал дабы мертвого ево телу быть погребену на Аптекарском острове при Санктпитербурхе».

В ночь с 29 на 30 ноября 1718 года, «в вечеру в 9-м часу», Роберт Карлович скончался. Сообщая об этом Петру I, Геннин отметил: «Кончина ево зело тиха была и все он был в полном разуме, токмо был пред смертию 3 часа без языка»¹¹. Решив исполнить волю скончавшегося, комендант Олонца сразу после смерти Арескина, дабы «не потеряя времени», отправил его тело для похорон в Петербурге, не произведя аутопсии («не смотря что внутреннее»). Однако вскоре в Олонец пришло распоряжение Петра I произвести вскрытие тела скончавшегося для выяснения причин его смерти – «какою он болезнию был болен и не дано ль ему какой отравы». Государь явно допускал возможность отравления Арескина, имевшего в правящих кругах России немало врагов и репутацию «усердного якобита» [7], [9]. В связи с активными контактами Роберта

Карловича со сторонниками Стюартов в Шотландии не скрывали своего враждебного отношения к царскому врачу и дипломату Великобритании и Ганновера. Резидент Ф.-Х. Вебер, например, в том же 1718 году предлагал вице-канцлеру П. П. Шафирову 30 тысяч дукатов «за уничтожение» Арескина [3: 392]. Интересно отметить, что этому дипломату в общих чертах оказались известны и подробности пребывания Арескина на Олонце. 19 декабря 1718 года Вебер приводил их в частном письме к лорду Полварту: «Доктор Арескин, выпив в Олонце три стакана минеральной воды, свалился в конвульсиях, которые отправили его на тот свет...»¹².

Получив царский приказ о проведении вскрытия тела Арескина, Геннин «с дороги паки возвратил» в Олонец уже отправленную в Петербург процессию. Процедуру аутопсии провели доктор Г. Поликала и лекарь А. Равинель. Реляция «за рукою» Поликала, «в которой объявлено от которой болезни вышереченной Арескин жизнь свою прекратил», была отправлена

царю¹³, но, к сожалению, не сохранилась. В итоге результаты проведенного вскрытия неизвестны и вопрос о причинах смерти Роберта Карловича остается открытым. 12 декабря 1718 года тело Арескина было вновь отправлено в Петербург, где врача торжественно похоронили в Александро-Невском монастыре.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, пребывание тяжелобольного царского врача Р. К. Арескина на Олонце продолжалось в течение четырех дней. За все это время, как явствует из посланий В. И. Геннина, он лишь раз употреблял для лечения минеральную воду, которая, увы, уже не могла помочь умирающему. Смерть врача не поколебала убеждений Петра I в эффективности бальнеотерапии, что он и продемонстрировал, несколько раз лично побывав на курорте уже после ухода из жизни Арескина. Вопрос же о возможности отравления врача его политическими противниками по-прежнему остается открытым.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Важно отметить, что под словом «Олонец» в работе подразумевается не город, находящийся в Приладожье, а именно курорт «Марциальные воды», располагающийся в современном Кондопожском районе Республики Карелия.
- ² Первый исследователь Сибири Д. Г. Мессершмидт: Письма и документы. 1716–1721 / Под ред. Е. Ю. Басаргиной. СПб., 2019. С. 185.
- ³ Берх В. Н. Жизнеописание Генерал – Лейтенанта В. И. Геннина, основателя Российских горных заводов // Горный журнал. 1826. Кн. 3. С. 89–143; Самойлов И. Пётр Великий на Марциальных водах. СПб.: Типография Я. Третья, 1852. 89 с.
- ⁴ РГАВМФ. Ф. 233. Оп. 1. Д. 165. Л. 91–99.
- ⁵ Цит. по: Дриссен-ван хет Реве Й. Голландские корни Кунсткамеры Петра Великого: история в письмах (1711–1752). СПб., 2015. С. 185.
- ⁶ РГАДА. Ф. 198. Оп. 1. Д. 355. Л. 5.
- ⁷ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Оп. 3. Кн. 35. Л. 672–672 об.
- ⁸ Там же. Л. 650–651 об.
- ⁹ Там же. Л. 652–653, 676 а–676 а об.
- ¹⁰ РГАДА. Ф. 9. Отд. II. Оп. 3. Кн. 35. Л. 677.
- ¹¹ Там же. Л. 649, 677–677 об.
- ¹² Report on the Manuscripts of Lord Polwarth. Preserved at Mertoun House, Berkshire. Vol. I. London, 1911. P. 656–657.
- ¹³ РГАДА. Ф. 9. Отд. I. Оп. 1. Кн. 11. Л. 251 об.; Отд. II. Оп. 3. Кн. 35. Л. 650–650 об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. А н и с и м о в Е. В. Петр Великий о Боге, болезнях и минеральной воде // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42, № 4. С. 79–85. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.485
2. Б а з а р о в а Т. А., М о р о х и н А. В. Государева служба петровского лейб-медика Г. Поликалы в России и Османской империи // Уральский исторический вестник. 2023. № 1 (78). С. 151–157. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-1(78)-151-157
3. Б у ш к о в и ч П. Пётр Великий. Борьба за власть (1671–1725) / [Пер. с англ. Н. Л. Лужецкой]. СПб.: Дмитрий Буланин, 2008. 541 с.
4. Д о л г о в а С. Р. Роберт Арескин – врач и друг Петра I // Долгова С. Р., Лаптева Т. А. Россия и Британия. XVI–XIX века. = Russia and Britain XVI–XIX centuries. М.: Древлехранилище, 2007. С. 60–63.
5. К р о с с Э. Британцы в Петербурге. XVIII век / Авториз. пер. с англ. Юрия и Надежды Беспятовых. СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 526 с.
6. М о р о х и н А. В. К истории научной экспедиции Г. Шобера в Поволжье и на юг России в 1717–1718 гг. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т. 12, № 4. С. 183–189.
7. М о р о х и н А. В. О роли царских врачей в реализации внешнеполитических инициатив Петра I в 1716–1721 гг. // Вестник МГИМО–Университета. 2021. Т. 14, № 6. С. 110–126.

8. Радзюн А. Б. Роберт Арескин и его гербарий // Кунсткамера. 2021. № 2 (12). С. 17–24. DOI: 10.31250/2618-8619-2021-2(12)-17-24
9. Станков К. Н. «Заговор Юлленборга», Роберт Эрскин и русская дипломатия в 1716–1717 гг. // Альманах северо-европейских и балтийских исследований. 2023. Вып. 8. С. 23–34. DOI: 10.15393/j103.art.2023.2521
10. Стасевич В. А. Жизнь и наследие Роберта Арескина // Гербарий Роберта Арескина, лейб-медика Петра Великого, архиатра / Авт.-сост. А. К. Сытин, Д. Д. Сластунов; Отв. ред.: А. К. Сытин. СПб.: Любавич, 2022. С. 17–48.
11. Трохачев С. Ю. Роберт Эрскин – придворный врач и дипломатический агент Петра Великого // Дни медицины и биологии в Петербурге. СПб., 1998. С. 229–241.
12. Collins R. The Petrine instauration. Religion, esotericism and science at the court of Peter the Great, 1689–1725. Leiden-Boston: Brill, 2012. 576 p.

Поступила в редакцию 17.03.2025; принята к публикации 09.06.2025

Original article

Alexey V. Morokhin, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod, Russian Federation), Research Associate, Institute of Russian History of the Russian Academy of Science (Moscow, Russian Federation)
alexmorokhin@yandex.ru

THE STAY IN KARELIA OF ROBERT ERSKINE, CHIEF PHYSICIAN TO THE EMPEROR PETER THE GREAT

Abstract. The article reconstructs the events surrounding related Peter the Great's chief physician, Robert Erskine, during his stay at the Marcial Waters Resort. Erskine was a prominent advocate of balneotherapy for disease treatment and played an active role in establishing Russia's first resort, Marcial Waters. The significance and novelty of this research lie in the introduction of new documentary sources that shed light on popular medical practices of the period. The study notes that Erskine arrived at the resort in a critically ill state, effectively on the brink of death. However, due to the scarcity of available sources, the precise nature of his illness remains unknown, precluding any definitive assessment of the efficacy or ineffectiveness of the treatments administered. In conclusion, the paper suggests that Erskine's death near Olonets did not alter the views of Peter the Great's, who acknowledged the possibility of Erskine's poisoning – the Emperor continued to endorse balneotherapy as a treatment for all ailments.

Keywords: Robert Erskine, Marcial Waters, Wilhelm Henning, Peter the Great, A. V. Makarov, balneotherapy

For citation: Morokhin, A. V. The stay in Karelia of Robert Erskine, chief physician to the Emperor Peter the Great. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(6):85–89. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1219

REFERENCES

1. Anisimov, E. V. Peter the Great on God, diseases and mineral water. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020;42(4):79–85. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.485 (In Russ.)
2. Bazarova, T. A., Morokhin, A. V. Tsarist service of the Petrine physician G. Polikala in Russia and the Ottoman Empire. *Ural Historical Journal*. 2023;1(78):151–157. DOI: 10.30759/1728-9718-2023-1(78)-151-157 (In Russ.)
3. Bushkovich, P. Peter The Great. The struggle for power (1671–1725). St. Petersburg, 2008. 541 p. (In Russ.)
4. Dolgova, S. R. Robert Erskine – a physician and friend to Peter the Great. *Dolgova, S. R., Lapteva, T. A. Russia and Britain. XVI–XIX centuries*. Moscow, 2007. P. 60–63. (In Russ.)
5. Cross, A. St. Petersburg and the British in the XVIII century. St. Petersburg, 2005. 526 p. (In Russ.)
6. Morokhin, A. V. To the history of the scientific expedition of G. Schober to the Volga region and to the south of Russia in 1717–1718. *From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region*. 2022;12(4):183–189. (In Russ.)
7. Morokhin, A. V. Tsarist doctors in the implementation of Peter the Great's foreign policy initiatives in 1716–1721. *MGIMO Review of International Relations*. 2021;14(6):110–126. (In Russ.)
8. Radzyun, A. B. Robert Areskin and his herbarium. *Kunstkamera*. 2021;2(12):17–24. DOI: 10.31250/2618-8619-2021-2(12)-17-24 (In Russ.)
9. Stan'kov, K. N. "The Gyllenborg plot", Robert Erskine and Russian diplomacy in 1716–1717. *Northern and Baltic Studies Review*. 2023;8:23–34. DOI: 10.15393/j103.art.2023.2521 (In Russ.)
10. Stasevich, V. A. The life and legacy of Robert Erskine. *Herbarium of Robert Erskine, an archiater and chief physician to Peter the Great*. (A. K. Sytin, Ed.). St. Petersburg, 2022. P. 17–48. (In Russ.)
11. Trokhachev, S. Yu. Robert Erskine – court physician and diplomatic agent of Peter the Great. *Days of Medicine and Biology in Saint Petersburg*. St. Petersburg, 1998. P. 229–241. (In Russ.)
12. Collins, R. The Petrine instauration. Religion, esotericism and science at the court of Peter the Great, 1689–1725. Leiden-Boston, 2012. 576 p.

Received: 17 March 2025; accepted: 9 June 2025

АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ МАЛИНИН

аспирант кафедры истории Института гуманитарных наук
и социальных технологий

Костромской государственный университет
(Кострома, Российская Федерация)

ORCID 0009-0007-0288-8161; andrei.malinin99@mail.ru

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КООПЕРАТИВОВ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (по материалам Костромской и Ярославской губерний)

А н н о т а ц и я . Благотворительная деятельность кооперативов в годы Первой мировой войны в пределах изучаемых губерний впервые становится объектом специального исследования, что определяет новизну статьи. Война внесла существенные коррективы в повседневную жизнь российского общества. Сложные социально-экономические и политические условия, которые особенно обострились в 1915–1917 годах, привели к тому, что многие социальные группы стали нуждаться в материальной помощи со стороны власти. Особое значение приобрела благотворительная деятельность, в которую включились различные общественные организации и частные лица. Целью исследования является анализ благотворительной деятельности кооперативных организаций различных видов (кредитных, потребительских и сельскохозяйственных) на основе материалов архивов Костромской, Ярославской и Ивановской областей, а также периодической печати Костромской и Ярославской губерний («Поволжский вестник», «Костромская жизнь», «Курьер», «Голос», «Самопомощь»). Выявлены основные направления благотворительной деятельности и формы оказанной помощи нуждающимся. Результаты исследования помогают глубже понять сущность кооперации, одним из составляющих которой является взаимопомощь.

Ключевые слова: Первая мировая война, кооперация, кооперативное движение, земство, благотворительная деятельность, российская провинция, Костромская губерния, Ярославская губерния

Для цитирования: Малинин А. Н. Благотворительная деятельность кооперативов в годы Первой мировой войны (по материалам Костромской и Ярославской губерний) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 6. С. 90–95. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1220

ВВЕДЕНИЕ

Благотворительная деятельность в годы Первой мировой войны (1914–1918) широко представлена в современных исследованиях [2], [8]. В 2014 году вышла большая коллективная монография о России в годы Первой мировой войны, в которой показано влияние войны на все сферы жизнедеятельности российского общества и введен в научный оборот богатый статистический материал [14]. Отдельная глава посвящена филантропической активности общества: раскрывается благотворительная деятельность правительственных органов, общественных организаций и частных лиц. Особое значение имеют региональные исследования, посвященные организации помощи больным и раненым воинам, семьям запасных и беженцам на территории Костромской [1], [4], [5], [13] и Ярославской губерний [7], [9], [11]. В 2023 году появилось исследование о жизни провинциально-

го общества в губерниях Верхневолжского района в 1914–1917 годах [6]. При этом малоизученной темой остается деятельность кооперативных организаций в годы Первой мировой войны на территории Костромской и Ярославской губерний. Несмотря на то что особенности развития кооперативного движения в этих губерниях были представлены в ряде работ [3], [12], остаются вопросы, которые требуют отдельного изучения. Среди них стоит выделить благотворительную деятельность кооперативов в условиях военного времени. Архивные материалы и периодическая печать содержат сведения о социальной помощи, которую оказывали кооперативы уязвимым группам общества: больным и раненым солдатам, семьям запасных, беженцам. Изучение данной стороны российской кооперации важно для выявления ее разносторонней деятельности в годы войны.

* * *

Первая мировая война стала переломным моментом в истории России. Как и любая крупномасштабная война, она породила многочисленные трудности в обществе, затронув повседневную жизнь сельских и городских обывателей. Уязвимыми социальными группами стали семьи мобилизованных солдат, беженцы из западных губерний страны, а также больные и раненые военнослужащие. С первых месяцев войны они нуждались в социальной поддержке, что понимали в центре и провинции. В июле – августе 1914 года были образованы Всероссийский земский союз (ВЗС) и Всероссийский союз городов (ВСГ), деятельность которых была направлена на организацию медицинской помощи больным и раненым солдатам, устройство беженцев на новых местах жительства. В губерниях стали создаваться местные комитеты союзов, которые на земские, городские и частные средства открывали лазареты и оказывали материальную помощь нуждающимся.

Общественность Костромской и Ярославской губерний не осталась в стороне от помощи нуждающимся семьям. Правление Товарищества Большой костромской льняной мануфактуры в конце июля 1914 года заявило, что оно «будет оказывать денежную помощь матерям, женам, детям призванных на военную службу». Отмечалось, что военнослужащие могут спокойно выполнять свой долг, так как «семьи их не будут брошены на произвол судьбы»¹. В Костроме жители также оказывали материальную помощь пострадавшим от войны. Так, 4 и 9 августа 1914 года мулла организовал сбор денежных средств среди мусульманского населения Татарской слободы в пользу Костромского отделения Красного Креста², а служащие городской телефонной сети решили отчислять по 2 % из своего месячного жалованья в пользу семей запасных, призванных на действительную службу³. В Ярославле были зафиксированы подобные случаи. Контора ярославской газеты «Голос» получала от местных жителей как денежные средства⁴, так и ценные вещи в пользу раненых воинов и семей запасных солдат. В частности, некий Воскресенский в целях благотворительности пожертвовал серебряный подстаканник со стеклянным стаканом и серебряной ложкой⁵.

Примечательно, что даже в сложных социально-экономических и политических условиях 1916–1917 годов благотворительная деятельность жителей обеих губерний не свелась к нулю, что видно из новостей о внесенных пожертвованиях⁶. Показательный случай произошел летом

1917 года в Костроме. В городе появилась «масса нищих цыганского типа, называющих себя беженцами из Сербии». «Оборванные» мужчины и женщины просили у прохожих денег. Жители отдавали им свою «одежду и белье». Как отмечает периодическая печать, нищие пожертвованную одежду на себя не надевали, рассчитывая «вызвать большее сострадание у публики»⁷. В данной истории важным моментом является тот факт, что костромичи не стали выяснять, являются ли эти люди настоящими беженцами, а просто оказывали помощь.

В благотворительную деятельность включились не только частные лица, но и общественные организации, среди которых были и кооперативы. За годы войны российская кооперация, по точному замечанию А. П. Корелина, заметно выросла в количественном, организационном и хозяйственном отношении, превратилась в заметную силу в экономической и общественной жизни страны [10: 347]. Данная тенденция особенно проявилась на местах, чему свидетельствует резкий скачок численности кооперативных организаций. Если на 1 ноября 1912 года в Ярославской губернии функционировали 274 кооператива⁸, то на 20 апреля 1916 года – 585⁹ (рост более чем в два раза). В Костромской губернии в 1913 году работал 301 кооператив¹⁰, а в 1916 году – 954 (рост в три раза)¹¹.

Ярославская губернская земская управа направила в кооперативы запрос с целью узнать масштабы их деятельности по оказанию помощи «жертвам войны и по борьбе с бескормичей». К началу октября 1914 года в земство поступило «около десятка сообщений», из которых видно, что «каждый кооператив так или иначе, больше или меньше, но принял участие по оказанию помощи семьям запасных». Так, правление Николо-Замошского кредитного товарищества (с. Николо-Замошье, Мологский уезд, Ярославская губерния) на общем собрании 21 сентября постановило ассигновать 500 рублей на помощь семьям запасных и 300 рублей на содержание лазаретов. В других кредитных кооперативах семьям запасных предоставлялись льготы по взятой ссуде: либо разрешали отсрочить платежи, либо понижали или полностью отменяли проценты¹². В начале февраля 1915 года члены Костюшинского кредитного товарищества (д. Костюшино, Романово-Борисоглебский уезд, Ярославская губерния) на очередном общем собрании предоставили семьям «запасных и ратников» право на отсрочку взятой ссуды до 1 года под 5 % годовых. Несмотря на имеющиеся долги, им разрешали кредитоваться и далее¹³.

Подобные решения принимали и кооперативы Костромской губернии. В частности, 17 августа 1914 года на общем собрании члены Унженского городского ссудо-сберегательного товарищества (г. Унжа, Макарьевский уезд, Костромская губерния) постановили ассигновать на нужды по призрению семей запасных 40 рублей, внося их в местное городское попечительство. Газета «Костромская жизнь» отмечала, что члены товарищества «охотно отдают свое скромное сбережение на нужды семейств ушедших на войну своих братьев»¹⁴. Варнавинское кредитное товарищество (г. Варнавин, Варнавинский уезд, Костромская губерния) в марте 1916 года выделило из специального капитала деньги на погашение «безнадежных ссуд» семей мобилизованных¹⁵. Встречались ситуации, когда кредитные кооперативы не принимали каких-либо мер к взысканию просроченных ссуд мобилизованных членов¹⁶.

Примечательно, что снисходительное отношение к просроченным ссудам мобилизованных, которые называли «запасными ссудами», не всегда было обоснованным. Ярославское отделение Государственного банка, проводя анализ деятельности учреждений мелкого кредита с 1 апреля 1915 года по 1 апреля 1916 года, пришло к выводу, что половина просроченных ссуд мобилизованных «могла быть оплачена без малейшего затруднения»¹⁷. В то же время инспекция мелкого кредита при Костромском отделении Государственного банка в 1915 году дала указание правлению Великовского кредитного товарищества (Солигаличский уезд, Костромская губерния) принять меры по взысканию просроченных ссуд с заемщиков, не исключая и мобилизованных. По мнению инспекции, взыскание просроченных ссуд с мобилизованных «не отразится пагубно на их хозяйствах»¹⁸.

Во многих городах страны актуальной была проблема нехватки больничных мест для раненых солдат. Под новые госпитали отводили помещения различных организаций. Кооперативы Ярославской губернии не остались в стороне. В августе – сентябре 1914 года свои помещения для лазаретов предоставляли кредитные и ссудо-сберегательные товарищества. Как правило, это были помещения на 15 коек. За это уездные комитеты по оказанию помощи больным и раненым воинам выражали благодарность правлениям кооперативов¹⁹. Ростовский уездный комитет отметил, что Шугорское кредитное товарищество решило не только предоставить собственное помещение для 10–12 выздоравливающих солдат,

но и ассигновать 100 рублей на необходимые расходы²⁰.

Стоит заметить, что благотворительная деятельность исходила не только от кредитных кооперативов. Костромское центральное сельскохозяйственное общество, один из крупных кооперативных союзов Костромской губернии, в феврале 1915 года ассигновало из своей чистой прибыли деньги на оказание помощи разоренному от войны населению Польши²¹. Подобные пожертвования упоминались в кооперативных отчетах. В частности, в отчете Юрьевоцкого общества потребителей «Экономия» (г. Юрьево, Юрьевоцкий уезд, Костромская губерния) за 1916/17 операционный год отмечено, что на «нужды войны» было пожертвовано 500 рублей²².

Летом 1915 года хлынул поток беженцев из западных губерний страны, поэтому нагрузка на провинциальные города увеличилась. Если в июле 1915 года в Кострому прибыли 430 беженцев, то к августу следующего года их численность превысила 6 тысяч человек [13: 169–170]. В Ярославской губернии беженцев было не меньше. К концу 1915 года их численность превысила 10 тысяч человек, а в 1916 году достигла 13 тысяч [9: 62]. Безусловно, это вызывало беспокойства на местах. Костромские земские деятели отмечали, что если в губернию будет поступать большой поток беженцев, то они «насовсем съедят»²³. Земский и кооперативный деятель А. И. Зимин на одном из чрезвычайных заседаний Костромского уездного земского собрания заявил, что к помощи беженцам должны быть привлечены местные кооперативные организации. По его мнению, нужна совместная работа земств и кооперативов с «общим планом по целой губернии»²⁴.

Данной позиции придерживалось и ярославское земство. 7 августа 1915 года агрономический отдел Ярославской уездной земской управы разослал просьбу правлениям и советам сельскохозяйственных и потребительских обществ, кредитных и ссудо-сберегательных товариществ созвать «в ближайшие дни» общие собрания членов кооперативов. На них нужно было решить ряд вопросов, среди которых важное место занимал вопрос об «оказании помощи беженцам из местностей, разоренных войной». Земство предлагало кооперативам организовать сбор среди населения денежных средств и необходимого продовольствия (мука, зерно, картофель)²⁵. В 1915 году костромское уездное земство отметило, что местные кооперативы приняли участие в размещении беженцев²⁶.

4 сентября 1915 года в Ярославле прошло кооперативное совещание, где среди прочего были заслушаны сообщения о мерах по оказанию помощи беженцам. Примечательно, что в большинстве своем о готовности помочь заявили кредитные кооперативы. Даже члены Васильевского сельскохозяйственного общества (Ярославский уезд) в работе по сбору необходимых продуктов для беженцев стремились установить соглашение с местным кредитным товариществом. Кооперативы ассигновали из своих средств от 15 до 250 рублей на аренду квартир для беженцев и отопление, искали свободные помещения, осуществляли сбор денег и продуктов питания, а также брали на полное иждивение определенное количество беженцев. Так, Заячье-Холмское кредитное товарищество (Ярославский уезд) ассигновало 50 рублей, взяло на полное иждивение 50 беженцев и образовало Попечительный совет из девяти человек²⁷.

Сотрудничество между земствами и кооперативами открывало разные возможности помощи уязвимым категориям населения. В сентябре 1916 года при Шубино-Спасской сельскохозяйственной школе (Ярославская губерния) начались трехмесячные курсы для «увечных воинов-героев». Курсы были организованы на правительственные деньги и должны были обучить 15 курсистов необходимым знаниям по агрикультуре и счетоводству для работы в кооперативных организациях. Как отмечает кооперативный и сельскохозяйственный журнал «Самопомощь», курсисты в возрасте от 21 до 29 лет проявили большой интерес к занятиям по счетоводству. С курсом не справился только один обучающийся, так как обладал «слабой памятью» и был «малограмотным». Остальные 14 курсистов получили свидетельства на право быть счетоводами в кооперативах²⁸. Учитывая кадровую проблему в кооперативных организациях, такие курсы позволяли бывшим военным служащим найти источник заработка, что было немаловажно в конце

1915 года, когда жизнь в провинции становилась тяжелее. Примечательно, что такие курсы проходили не только в Ярославской губернии. Так, в 1915–1916 годах для больных и раненых воинов, уволенных в запас, были организованы двух- и трехмесячные курсы по кооперации и счетоводству в Красноярске (Енисейская губерния) [12: 139].

Стоит отметить плодотворную деятельность кредитных кооперативов. Источники хоть и содержат сведения о благотворительности потребительских и сельскохозяйственных обществ, но именно кредитные и ссудо-сберегательные товарищества с самого начала войны проявили особую инициативу по оказанию социальной помощи нуждающимся. Такое положение дел свидетельствует о том, что кредитная кооперация в годы войны имела необходимые ресурсы для осуществления своих благородных целей.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, костромские и ярославские кооперативные организации приняли активное участие в благотворительности в годы Первой мировой войны. Мы обладаем отрывочными статистическими данными о количестве денежных средств, которые выделили кооперативы обеих губерний, а также об основных направлениях их благотворительной деятельности. Они выделяли деньги на помощь семьям запасных, содействовали устройству лазаретов для больных и раненых солдат, собирали денежные средства на «нужды войны», а также разными способами помогали беженцам. Важно отметить, что кооперативы, сотрудничая с земскими учреждениями, осуществляли помощь нуждающимся на добровольной основе. Своими действиями члены кооперативных организаций ярко продемонстрировали одну из важнейших составляющих деятельности кооперации – взаимопомощь, что было особенно важно в сложных условиях военного времени.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Поволжский вестник. 1914. 24 июля. С. 3.

² Поволжский вестник. 1914. 12 августа. С. 3.

³ Поволжский вестник. 1914. 21 августа. С. 3.

⁴ Голос. 1914. 3 (16) октября. С. 3.

⁵ Голос. 1914. 1 (14) октября. С. 3.

⁶ Голос. 1916. 27 октября (9 ноября). С. 3; Поволжский вестник. 1917. 17 марта. С. 2.

⁷ Поволжский вестник. 1917. 4 июля. С. 3.

⁸ Указатель кооперативных организаций и сельскохозяйственных обществ Ярославской губернии / Ярославское губернское земство, Экономический отдел. Ярославль: Типолитография губернской земской управы, 1912. 38 с.

⁹ Самопомощь. 1916. 1 мая. С. 10.

- ¹⁰ Обзор Костромской губернии за 1913 год. Приложение к всеподданнейшему отчету Костромского губернатора. Кострома: Губернская типография, 1914. С. 5.
- ¹¹ Что могут и должны сделать кооперативы // Известия Костромского губернского земства. 1916. 3 ноября. С. 23.
- ¹² Голос. 1914. 1 (14) октября. С. 3.
- ¹³ Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). Ф. 518. Оп. 2. Д. 173. Л. 4 об.–5.
- ¹⁴ Костромская жизнь. 1914. 31 августа. С. 3.
- ¹⁵ Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 253. Оп. 1. Д. 294. Л. 112.
- ¹⁶ ГАКО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 245. Л. 74 об.
- ¹⁷ ГАЯО. Ф. 518. Оп. 2. Д. 332. Л. 6.
- ¹⁸ ГАКО. Ф. 253. Оп. 1. Д. 296. Л. 25.
- ¹⁹ Врачебно-санитарная хроника Ярославской губернии. Вып. IV. 1914 год / Изд. Ярославской губернской земской управы. Ярославль: Типолитография Губернской земской управы, 1914. С. 32, 60, 66.
- ²⁰ Там же. С. 60.
- ²¹ Курьер. 1915. 26 февраля. С. 2.
- ²² Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. 1140. Оп. 1. Д. 5. Л. 2.
- ²³ ГАКО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 264. Л. 36.
- ²⁴ Там же. Л. 35 об.
- ²⁵ ГАЯО. Ф. 486. Оп. 1. Д. 207. Л. 14.
- ²⁶ Костромское уездное земство. Доклады к очередному уездному земскому собранию сессии 1915 года по земской кассе мелкого кредита и кооперации. Часть III-я. Кострома: Тип. А. С. Азерского, 1915. С. 38.
- ²⁷ ГАЯО. Ф. 486. Оп. 1. Д. 85. Л. 15 об.–16 об.
- ²⁸ Самопомощь. 1917. 15 января. С. 10–11.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Басов Н. Ф., Аристова О. А. Опыт помощи беженцам в Костромской губернии в годы Первой мировой войны // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. 2008. Т. 14, № 3. С. 270–274.
2. Безгина О. А. Кооперативное движение Поволжья в конце XIX – начале XX века: взаимодействие власти и общества. Тольятти: Изд-во ТГУ, 2018. 305 с.
3. Белов А. М., Малинин А. Н. Кооперативное движение в Костромской губернии в годы Первой мировой войны // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 2. С. 18–24. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1004
4. Гулин А. О. Беженцы на территории Владимирской, Костромской и Ярославской губерний в годы Первой мировой войны // Вестник Костромского государственного университета. 2015. № 5. С. 24–28.
5. Гулин А. О. Организация медицинской и социальной помощи больным и раненым воинам в начале Первой мировой войны (на материалах Костромской и Ярославской губерний). Ч. 1 // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2014. Т. 20, № 1. С. 32–36.
6. Гулин А. О. Провинция в условиях мировой войны. 1914–1917 гг.: Монография. Ярославль: Филигрань, 2023. 312 с.
7. Дашковская О. Д. Духовенство Ярославской епархии в годы Первой мировой войны // Ярославский край в Первой мировой войне: Сб. статей для учителей школы г. Ярославля / Под ред. В. М. Марасановой. Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2013. С. 71–74.
8. Дианова Е. В. Кооперация Европейского Севера России в период Первой мировой войны (по материалам журнала «Северный хозяин» за 1915 год) // Первая мировая война и Европейский Север России: Материалы междунар. конф. (Архангельск, 21–25 июня 2014 г.). Архангельск: ИД САФУ, 2014. С. 385–389.
9. Кищенко М. С. Беженцы Первой мировой войны в Ярославской губернии // Ярославский педагогический вестник. 2010. Т. 1, № 2. С. 61–65.
10. Корелин А. П. Кооперация и кооперативное движение в России. 1860–1917 гг. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 391 с.
11. Лозинский Б. Р. Оказание медицинской помощи больным и раненым на фронтах в годы Первой мировой войны в Ярославле // Ярославский край в Первой мировой войне: Сб. статей для учителей школы г. Ярославля / Под ред. В. М. Марасановой. Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2013. С. 52–58.
12. Лубков А. В. Солидарная экономика. Кооперативная модернизация России (1907–1914 гг.). М.: Московский пед. гос. ун-т, 2019. 272 с.
13. Матвиевский И. Н. Повседневная жизнь костромичей в годы Первой мировой и Гражданской войн // Музейный хронограф: Сб. ст. и исторических документов. Вып. 8. Кострома: ОГБУК КГИАХМЗ, 2020. С. 143–301.
14. Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные протесты, политический кризис / Отв. ред. Ю. А. Петров. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 982 с.

Поступила в редакцию 18.03.2025; принята к публикации 09.06.2025

Original article

Andrey N. Malinin, Postgraduate Student, Kostroma State University (Kostroma, Russian Federation)
ORCID 0009-0007-0288-8161; andrei.malinin99@mail.ru

CHARITABLE ACTIVITIES OF COOPERATIVES DURING WORLD WAR I (a case of Kostroma and Yaroslavl provinces)

Abstract. Charitable activities of cooperatives during the First World War within the studied provinces of Imperial Russia have been chosen as objects of special research for the first time, which determines the novelty of the article. World War I made significant adjustments to the daily life of Russian society. Difficult socio-economic and political conditions, which became particularly acute in 1915–1917, led to the fact that many social groups began to need financial assistance from the authorities. Charitable activities have become particularly important, involving various public organizations and individuals. The purpose of the study is to analyze the charitable activities of various types of cooperative organizations – credit, consumer, and agricultural ones – using materials from the archives of the Kostroma, Yaroslavl, and Ivanovo regions, as well as periodicals from the Kostroma and Yaroslavl provinces (*Povolzhsky Vestnik*, *Kostromskaya Zhizn*, *Courier*, *Golos*, *Samopomoshch*). The main directions and forms of assistance to those in need have been identified. The study findings help to better understand the essence of cooperation, with mutual assistance being one of its essential elements.

Key words: World War I, cooperation, cooperative movement, zemstvo, charitable activities, Russian province, Kostroma Province, Yaroslavl Province

For citation: Malinin, A. N. Charitable activities of cooperatives during World War I (a case of Kostroma and Yaroslavl provinces). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(6):90–95. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1220

REFERENCES

1. Basov, N. F., Aristova, O. A. The experience of helping refugees in the Kostroma Province during World War I. *Vestnik of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Social Work. Juvenology. Sociokinetics*. 2008;14(3):270–274. (In Russ.)
2. Bezgina, O. A. The cooperative movement of the Volga region in the late XIX and early XX centuries: interaction of government and society. Tolyatti, 2018. 305 p. (In Russ.)
3. Belov, A. M., Malinin, A. N. Cooperative movement in Kostroma Province during World War I. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(2):18–24. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1004 (In Russ.)
4. Gulin, A. O. Refugees on the territory of Vladimir, Kostroma and Yaroslavl provinces during World War I. *Vestnik of Kostroma State University*. 2015;5:24–28. (In Russ.)
5. Gulin, A. O. The organization of health and social care of sick and wounded warriors in the first months of World War I (on the materials of Kostroma and Yaroslavl provinces). Part 1. *Vestnik of Kostroma State University*. 2014;20(1):32–36. (In Russ.)
6. Gulin, A. O. The province during World War. 1914–1917: Monograph. Yaroslavl, 2023. 312 p. (In Russ.)
7. Dashkovskaya, O. D. The clergy of the Yaroslavl Diocese during World War I. *The Yaroslavl Region during World War I: Collection of articles for Yaroslavl school teachers*. Yaroslavl, 2013. P. 71–74. (In Russ.)
8. Dianova, E. V. Cooperation of the European North of Russia during World War I (an analysis of 1915 materials from the *Severniy khozyain* magazine). *World War I and the European North of Russia: Proceedings of the international conference*. Arkhangelsk, 2014. P. 385–389. (In Russ.)
9. Kishchenkov, M. S. Refugees of the World War I in the Yaroslavl Province. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2010;1(2):61–65. (In Russ.)
10. Korelin, A. P. Cooperation and cooperative movement in Russia. 1860–1917. Moscow, 2009. 391 p. (In Russ.)
11. Lozinsky, B. R. Providing medical care to the sick and wounded on the fronts during World War I in Yaroslavl. *The Yaroslavl Region during World War I: Collection of articles for Yaroslavl school teachers*. Yaroslavl, 2013. P. 52–58. (In Russ.)
12. Lubkov, A. V. Solidarity economy. Cooperative modernization of Russia (1907–1914). Moscow, 2019. 272 p. (In Russ.)
13. Matvievsky, I. N. The daily life of Kostroma residents during World War I and the Civil War. *Museum chronograph. Collection of articles and historical documents*. Vol. 8. Kostroma, 2020. P. 143–301. (In Russ.)
14. Russia during World War I: economic situation, social protests, political crisis. (Yu. A. Petrov, Ed.). Moscow, 2014. 982 p. (In Russ.)

Received: 18 March 2025; accepted: 9 June 2025

ИРИНА СЕРГЕЕВНА НЕСТЕРОВА

старший преподаватель кафедры зарубежной истории
Института истории, политических и социальных наук
Петрозаводский государственный университет
(Петрозаводск, Российская Федерация)
ORCID 0009-0009-7138-691X, ines@petrsu.ru

КОРОБЕЙНАЯ ТОРГОВЛЯ НА ТЕРРИТОРИИ ФИНЛЯНДИИ: К ИСТОРИОГРАФИИ ВОПРОСА

А н н о т а ц и я . Заявленная тема определяется значимостью и актуальностью изучения взаимоотношений населения приграничных территорий в разные периоды истории. Цель статьи заключается в выявлении основных тенденций развития проблематики вопроса. Предпринята попытка обзора отечественной и зарубежной историографии по теме разносной (коробейной) торговли, осуществлявшейся населением приграничных волостей Беломорской Карелии на территории Финляндии во второй половине XIX – начале XX века. Основной задачей является обобщение накопленного опыта предшествовавших поколений ученых, выявление дискуссионных и недостаточно разработанных вопросов. Результаты исследования позволяют прийти к выводу, что вопрос о развитии приграничной торговли на сегодняшний день остается одним из малоизученных. Основное внимание авторами работ уделяется государственному уровню ведения торговли. Однако не только межгосударственные отношения определяют ситуацию в каждом конкретном регионе страны, значение торговых связей на региональном уровне не должно преуменьшаться. Зачастую коробейная торговля карельских крестьян на сопредельной территории являлась единственным источником для пропитания и уплаты необходимых податей.

Ключевые слова: коробейничество, промыслы, приграничное население, отечественная и зарубежная историография

Для цитирования: Нестерова И. С. Коробейная торговля на территории Финляндии: к историографии вопроса // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 6. С. 96–104. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1221

ВВЕДЕНИЕ

По условиям Фридрихсгамского мирного договора, заключенного по окончании Русско-шведской войны 1808–1809 годов, Финляндия вошла в состав Российской империи на правах автономного княжества, обладая наряду с прочими атрибутами власти собственной таможенной границей. Российско-финляндское приграничье во второй половине XIX – начале XX века представляло собой особое этнокультурное и экономическое пространство, в рамках которого осуществлялось довольно тесное взаимодействие населения. Ярким примером его является коробейничество – традиционный промысел жителей Беломорской Карелии (фин. *Vienan Karjala*) – центральных и западных волостей Кемского уезда, заселенных преимущественно карельским населением. Коробейничество зачастую служило единственным источником, дававшим средства к существованию тысячам карельских семей.

Основное внимание при изучении исследовательского вопроса уделяется положению Ухтинской и Вокнаволоцкой волостей. Именно эти карельские территории в большей степени были ориентированы на ведение коробейной торговли на территории соседней Финляндии, что объясняется их центральным расположением в Кемском уезде. Население других карельских волостей (Тихтозерской, Кестенгской, Юшкозерской) тоже занималось торговлей в разнос на сопредельной территории, однако изучение развития коробейнического промысла этих регионов может стать отдельной темой исследования. Экономическая составляющая от ведения разносной торговли для ухтинцев и вокнаволоццев являлась определяющей в стратегии их выживания.

Развитие коробейничества как основного вида отхожего промысла в той или иной степени оказывалось связано со многими аспектами полити-

ческой, экономической, юридической и культурной сфер жизни общества. Однако на протяжении XIX столетия юридический статус карельских коробейников так и не получил четкого оформления. Тарифы и положения, регулировавшие ведение торговли на государственном уровне, никак не отражались на актах локального уровня. Торговля в приграничье имела свою историю, правила и традиции.

Автор статьи не претендует на полноту охвата имеющихся исследований, поскольку данная проблематика затрагивалась и в работах по смежной тематике. В статье мы придерживаемся использования термина «коробейная торговля» как наиболее устоявшегося в исследовательской литературе, существующей к настоящему времени.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Ключевым аспектом исследований авторов дореволюционного периода стал правовой статус Великого княжества Финляндского в составе Российской империи¹, в соответствии с этим сквозь призму правовых отношений велось изучение государственного уровня торговли России и Финляндии. Следует учитывать, что работы этого времени носят обобщающий характер² и в большей степени полезны для понимания лишь общего направления развития таможенной политики России в отношении Финляндии. Так, например, брошюра П. Морозова «Финляндия в торгово-промышленном отношении» посвящена характеристике таможенных тарифов XIX века. Автором справедливо замечено, что с самого начала в основу законодательства о российско-финляндской торговле был положен принцип благоприятствования Империи. Русские товары пропускались в Финляндию беспошлинно, тогда как привоз финляндской продукции подчинялся различным ограничительным условиям. По сути, работа представляет собой скорее собрание некоторых статистических сведений по финляндской экономике и торговле конца XIX столетия, чем историко-экономическое исследование. Автор почти не касается результатов русско-финляндской торговли, не делает выводов и обобщений.

Каких-либо специальных исследований, посвященных теме коробейной торговли, в дореволюционной историографии нет. Можно выделить лишь несколько работ, опосредованно связанных с историей развития разносной торговли в Финляндии. Финляндцы, являясь подданными Империи, в ее пределах свободно пользовались

всеми правами; русские в Финляндии считались иностранцами, поэтому необходимым условием для обретения ими прав было получение финляндского гражданства. В опубликованной под псевдонимом П. Суворова брошюре Н. Н. Кореву «К вопросу о равноправии. Положение русских в Финляндии и финляндцев в империи»³ в подстрочном аппарате содержится указание на необходимость приобретения финляндского гражданства карельскими торговцами для владения лавкой и ведения оптовой и разносной торговли.

К разряду публикаций, имеющих точки соприкосновения с темой коробейничества, можно отнести работы М. И. Бубновского⁴ и А. А. Жилинского⁵, поскольку они посвящены изучению вопросов о путях передвижения карелов в пределах интересующих нас хронологических и территориальных рамок исследования. В фокусе внимания авторов находятся как сухопутные, так и водные артерии, являющиеся в изучаемый период важнейшими путями передвижения.

О новых тенденциях, наметившихся в развитии коробейного промысла в начале XX века, свидетельствует работа И. В. Оленева⁶. Наряду с общей характеристикой торговца-разносчика, ассортимента его товаров и размера выручки от промысла, автор повествует о зажиточных крестьянах, которые сумели открыть собственные магазины на территории Финляндии. Подчеркнуто позитивное влияние финских устоев и традиций, которые заимствовали и применяли карелы в хозяйственном, бытовом и культурном отношениях. Благодаря занятию промыслом карелы владели финским языком лучше, чем русским. Автор особо отмечает внешнюю опрятность, вежливость и интеллигентность карелов, проживавших вблизи границы с Финляндией.

За исключением работы И. М. Кулишера⁷, представляющей собой очерки развития торговли России с древнейших времен до XIX века включительно, довольно подробно характеризующей таможенные тарифы, период до 1950-х годов не был ознаменован появлением каких-либо исследований в области изучаемого вопроса. Историческая наука середины 50–60-х годов XX века развивалась в контексте некоторой либерализации устоявшегося строя жизни советского общества. С появлением в стране новых веяний, которые были позитивно встречены историческим сообществом, в науку вступило новое поколение историков, считавших основой исторических исследований работу с первоисточниками. В 1957 году увидела свет коллектив-

ная монография «Очерки истории Карелии» [21], познакомившая читателя с историей Карельского края с древнейших времен до 1917 года. Однако следует отметить, что эта работа, основанная на исследованиях по археологии края, его социально-экономической истории с использованием документальных и архивных материалов, оказалась подвержена влиянию марксистских позиций. Авторами подчеркивается неразрывность судеб карельского и русского народов. Разносной торговле крестьян Кемского уезда в этом издании отводится лишь третья часть страницы с информацией о численности торговцев и местах их пребывания на территории Финляндии.

В советской историографии исследование истории российско-финляндских экономических связей по-прежнему было сосредоточено на изучении вопросов государственного уровня ведения торговли [3], [15], [16], [23]. Основное внимание уделялось изучению торговых положений, уставов, тарифов и пошлин, соотношению импортируемых и экспортируемых товаров. Специальных работ, посвященных истории развития российско-финляндской приграничной торговли, в тот период не было, можно выделить появление исследований лишь по смежной тематике. На локальном уровне корабейничество имело непосредственную связь с базарами и ярмарками как сферой торговой деятельности, ставшей объектом изучения в публикациях целого ряда авторов [11], [20], [25]. Невозможно установить, какие конкретно ярмарки посещали карельские торговцы с целью приобретения товара для дальнейшей продажи в Финляндии. По причине бездорожья в Архангельской губернии население приграничных с Финляндией волостей, вероятнее всего, отправлялось за покупками товара в Петербург. Опираясь на данные архивных источников, можно утверждать, что жители Кемского уезда посещали ярмарки не только Архангельской, но и Олонецкой губернии. Работы Г. А. Нефедовой [17], [18], [19] и Р. Ф. Тароевой [24] также напрямую не связаны с исследованием корабейничества. Они имеют определенное значение в связи с изучением вопроса о взаимосвязи развития сельского хозяйства и промысловой деятельности населения, а также характеристикой путей сообщения, средств и способов передвижения в изучаемый нами отрезок времени.

Интерес к локальной истории, истории регионов, взаимодействия приграничного населения в отечественной историографии проявился в конце 1980-х годов. В этот период было опубликовано несколько работ известного историка

Н. А. Кораблева [12], [13], [14], [30]. По его мнению, возникновение и развитие корабейничества было обусловлено относительной неразвитостью торговой сети в Финляндии. Важную роль в установлении контактов приграничного населения сыграла также языковая и этнокультурная близость северных карелов и финнов. Однако следует заметить, что основной акцент в исследовательской проблематике сделан ученым на изучении положения дел в Олонецкой губернии. Данные по Кемскому уезду привлечены лишь фрагментарно для создания сравнительной картины в определенных аспектах изучения темы.

Общие вопросы, связанные с ассортиментом товаров, определением наличия торговых мест на территории Финляндии и периодизацией развития корабейного промысла, рассмотрены в статье Е. Ю. Дубровской [4]. Кроме того, у автора имеются исследования, посвященные политической ситуации, сложившейся в приграничном регионе в начале XX столетия, связанные с противоборством панфинизма и русского великодержавия, зарождением карельского национального движения [5], [6]. В данном случае взаимодействие карельских корабейников с финским населением нашло отражение в политической сфере.

В 1998 году в Петрозаводском государственном университете состоялась защита кандидатской диссертации Д. В. Базегского⁸. Автор анализирует различные формы сотрудничества приграничного населения Беломорской Карелии и Финляндии, среди которых основной являлось корабейничество. Некоторая ограниченность исследования связана с территориальными рамками работы, здесь рассматривается лишь так называемое северное направление торговли, Куопиоская и Улеаборгская губернии Великого княжества Финляндского, тогда как торговые маршруты карельских корабейников имели значительно более широкий масштаб, простираясь до южных регионов Финляндии. Предметом отдельного исследования автора стала проблема законодательной базы карельского корабейничества, Д. В. Базегским подробно изучено российское и финляндское законодательство в отношении разносных торговцев [2].

В 2001 году увидела свет обобщающая работа «История Карелии с древнейших времен до наших дней» [8], подготовленная на основе документов отечественных и зарубежных архивов, документальных публикаций и материалов периодической печати. Коллектив авторов задействовал научные данные из работ по археологии,

экономике, этнографии, лингвистике, фольклору, литературоведению, представив комплексный анализ социально-экономической, духовной и общественной жизни карельского населения. Однако в разделе, посвященном социально-экономическому развитию края в пореформенные десятилетия XIX века, наряду с подробнейшей характеристикой иных промысловых занятий карельских крестьян коробейничество представлено крайне скудно, по сути, являя собой кальку с предыдущего издания «Очерков».

Работы финских авторов [9], [10], [26], [27], изданные в 1990–2000-е годы и опубликованные впоследствии на русском языке, представляют собой исследования обобщающего характера, посвященные изучению политической истории. Торговые связи рассматриваются здесь сквозь призму государственно-правовых отношений. Пожалуй, только в коллективной монографии об истории карельского народа коробейничество представлено как устойчивое взаимодействие приграничного населения, веками осуществлявшееся на локальном уровне и имевшее место даже в период военных действий [9].

Из новейших работ, посвященных изучению состояния пограничной и таможенной охраны границы с Финляндией в пределах Архангельской и Олонецкой губерний, следует отметить публикацию К. М. Агамирзоева [1], представляющую собой достаточно обстоятельное исследование, хронологически относящееся к периоду XVII–XX веков. Автором задействован широкий круг источников, в том числе архивных, что является несомненным достоинством работы. По большей части исследование построено на основе монографии финского автора М. Наакка-Корхонена [34] с привлечением работ общего характера по истории торговли. Особенностью данной работы является использование автором в качестве источника для своего исследования дипломной работы А. С. Калию «История карельского коробейничества как контрабандного промысла», защита которой состоялась на историческом факультете Петрозаводского государственного университета в 1991 году. При этом следует отметить, что основой для последней также послужила монография М. Наакка-Корхонена. Исследование К. М. Агамирзоева представляется весьма интересным в связи с изучением аспекта, связанного с ведением контрабандной торговли. Задаваясь вопросом «контрабандист или коробейник?», автор публикации свидетельствует, что карельское коробейниче-

ство являлось «истинным источником потока контрабандных товаров в Карелию».

ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Зарубежная историография начала XX века также посвящена изучению общих вопросов торгово-таможенной политики, этими сюжетами занимались Л. Мехелин⁹ и О. Хэггман¹⁰. Ряд работ финских исследователей этого времени отличался политизацией «карельского вопроса», актуализацией идеи «восточной угрозы» для обоснования панфинской идеи¹¹.

В послевоенной финской историографии с изменением политического курса исследовательские акценты несколько сместились. К. Вилкуна в статье «Древнее сообщество коробейников и Бьярмаланд-Пермь»¹² заимствовал у Э. Лённрота идею о том, что истоки коробейничества восходят к торговле легендарного средневекового народа бьярмов, тем самым подчеркивая единство всех финно-угорских народов Европейского Севера. В 1963 году была опубликована монография К. Йоустела «Торговля Финляндии с Россией в первой половине периода автономии (1809–1865 гг.)» [29]. Несмотря на то что хронологические рамки исследования охватывают первую половину XIX столетия, значимость его заключается в попытке изучения коробейничества на фоне русско-финляндских торговых отношений государственного уровня.

Линия изучения таможенных тарифов Великого княжества Финляндского и Российской империи была продолжена в работах финского исследователя Е. Пихкала «Рамки торговли Финляндии с Россией во второй половине периода автономии» [36] и «Торговля Финляндии и России в 1860–1917 гг.» [37]. Период 1859–1885 годов охарактеризован автором как «время свободной торговли»: Финляндия в торговле с Россией обладала таможенными льготами в сравнении с третьими странами. Наряду с рассмотрением государственного уровня ведения торговли автор затрагивает некоторые аспекты торговой деятельности, осуществлявшейся на локальном уровне, занимаясь изучением официальной статистики о количестве выданных паспортов на занятие разносной торговлей.

Начиная с 1980-х годов интерес финских исследователей к микроистории значительно возрос. В этот период появляется целый ряд исследовательских проектов и публикаций, нацеленных на изучение локального уровня жизни приграничного населения. Обширные статистические сведения о численности занятых коробейным промыслом и о доходах торговцев приведены

в исследованиях Т. Мауранена: «Торговля и торговая деятельность» в монографии «Экономическая история Финляндии» [32] и «От буржуа к купцу – социальный статус купца во второй половине XIX века» [33]. Незаконная торговля на территории Финляндии была широко распространенным явлением. Территориальное расширение торговой деятельности произошло после указа 1859 года, разрешившего финским гражданам благонадежного поведения открывать лавки в сельской местности. Обратной стороной этого явления автор считает возросшую конкуренцию со стороны сельских торговцев.

Публикации финского исследователя М. Пёлля «Семейная система восточных карел и этнических русских в XIX веке» [38] и «Изменения в этническом составе Беломорской Карелии в 1600-х и 1800-х годах» [39] ценны с точки зрения изучения и характеристики социальной структуры карельского общества, в том числе внутрисемейной структуры Вокнаволоцкой волости. Сравнение данных проводится применительно к двум временным периодам – 1840-х и 1910-х годов.

Монография П. Лехеса «Алексей Митро. Карельский купец и общественный деятель» [31] посвящена одному из самых известных представителей династии карельских корабельников, а позднее стационарных торговцев Финляндии – Алексею Митрофанову (Митро) (1871–1952). Наряду с историей успеха отдельной личности автором большое внимание уделено истории семьи известного торговца. Вопросы, связанные с организацией и правилами ведения корабельного промысла, стали отдельным аспектом этого исследования.

Монография М. Наакка-Корхонена «Низкая цена, длинная мера. Торговля беломорских карельских корабельников» [34] является уникальной, имеет особую ценность по теме корабельной торговли на территории Финляндии. К настоящему моменту это единственная работа, представляющая в наиболее полном объеме тематику вопроса. Наряду с анализом промысловой деятельности жителей Беломорской Карелии, автор изучал вопросы организации, правил и традиций торговли карельских корабельников, пути и маршруты передвижения торговцев, их взаимоотношения с финским сельским населением. Несомненным достоинством книги являются приведенные автором воспоминания самих торговцев и членов их семей.

Некоторые статистические данные относительно количества выданных паспортов карельским крестьянам на ведение разносной торговли

в Финляндии проанализированы в работах Т. Хямяненена «Общество и экономика Карелии с конца XIX века и до начала Второй мировой войны» [28] и Х. Нуутинена «Сельский торговец. 1907–1920» [35]. Несмотря на то что исследования были опубликованы в разные временные периоды, они хронологически дополняют друг друга: в первом содержатся данные о периоде конца XIX века, во втором – о начале XX века.

Целый ряд статей, опубликованных в журнале «*Karjalan heimo*», посвящен судьбам карельских корабельников, занимавшихся на территории соседней Финляндии разносной, а затем и стационарной торговлей¹³. Особенно следует выделить публикацию профессора Р. Ранга. Большая статья по теме исследования «Торговые отношения между Беломорской Карелией и Кайнуу в прошлые века» была опубликована им в 1997 году в сборнике «Из пограничных земель», посвященном истории приграничья [40]. Автор акцентирует внимание на вековых традициях приграничной торговли между финским и карельским населением, отдельно останавливаясь на законодательной базе промысла.

Х. Рюткёля в монографии «Карелия в Кайнуу. История приграничных деревень с конца XVIII века до 1920-х годов» [41] объясняет развитие корабельной торговли поисками карельским населением необходимых средств к существованию, поскольку ни сельское хозяйство, ни подсобные промыслы в силу определенных причин не могли стать основой экономического развития региона. Массовый исход мужского населения на заработки в Финляндию удачно проиллюстрирован автором ссылками на свидетельства благочинного священника Михаила Казанского. По словам священника, в деревенских домах оставались только старики, женщины и дети.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

К настоящему времени накоплен вполне весомый опыт изучения истории российско-финляндских торговых отношений. Следует заметить, что особенностью исследований является обращение прежде всего к вопросам государственного уровня ведения торговли, таможенных тарифов и уставов, а также к изучению антропологических и этнографических сюжетов. Историей разносной торговли в той или иной степени занимались отечественные и зарубежные исследователи. Дискуссионными остаются вопросы, связанные прежде всего с количеством занятых в промысле крестьян и уровнем их до-

ходов. Выявить реальные статистические данные не представляется возможным в связи с отсутствием такого рода документов. Зачастую карельские крестьяне в силу традиции промысла уходили на территорию соседней Финляндии лесными тропами, не имея никаких документов, не тратя время на операции, связанные с переходом таможенных постов и досмотром това-

ров. Торговля приграничного населения велась по своим, особым правилам, выработанным в течение многих столетий, имела свои принципы и традиции.

Нам представляется крайне интересным и перспективным направлением изучение коробейничества в рамках концепции стратегии выживания.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Лундаль Б. Изображение порядка судопроизводства в Великом княжестве Финляндском. Гельсингфорс, 1852. 166 с.; Сергеевский Н. Д. К вопросу о финляндской автономии и основных законах. СПб., 1902; Бородин М. М. Из новейшей истории Финляндии. Время управления Н. И. Бобринского. СПб., 1905. 481 с.; Он же. История Финляндии. Время императора Александра II. СПб., 1908. 635 с.
- ² Еленев Ф. П. Финляндский современный вопрос по русским и финляндским источникам. СПб., 1891. 225 с.; Витчевский В. Торговая, таможенная и промышленная политика России со времен Петра Великого до наших дней. СПб., 1909; Морозов П. Финляндия в торгово-промышленном отношении. СПб., 1895. 91 с.; Соколов М. Н. Таможенная политика России во второй половине XIX в. Томск, 1911. 850 с.
- ³ Суворов П. К вопросу о равноправии. Положение русских в Финляндии и финляндцев в империи. СПб., 1907. 52 с.
- ⁴ Бубновский М. Пути сообщения в Архангельской Карелии // Известия Архангельского общества изучения Русского Севера. 1917. № 5. С. 183–202.
- ⁵ Жилинский А. А. Крайний Север Европейской России. Архангельская губерния. Пг., 1919. 296 с.
- ⁶ Оленев И. В. Карельский край и его будущее в связи с постройкой Мурманской железной дороги. Гельсингфорс, 1917. 172 с.
- ⁷ Кулишер И. М. Очерк истории русской торговли. Пб., 1923. 318 с.
- ⁸ Базегский Д. В. Экономические связи Беломорской Карелии и Северной Финляндии (Кайнуу) во второй половине XIX – начале XX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 1998. 173 с.
- ⁹ Мехелин Л. Противоречат ли права Финляндии интересам России? Гельсингфорс, 1890. 58 с.
- ¹⁰ Häggman O. Tuleva kaupparamme Venäjän kanssa. Turku, 1919. 32 s.
- ¹¹ Karjalan kirja. 2 painos. Helsinki, 1932. 1088 s.; Karjalan historiaa. Helsinki, 1938. 159 s.
- ¹² Vilkuna K. Laukunkantajain muinaisjärjestö ja Bjarmaland-permienmaa // Karjalan heimo. 1956. № 8-9. S. 84, 107–110.
- ¹³ Hämynen T. Rajako railona aukeaa? // Karjalan heimo. 1997. № 5-6. S. 69–71; Vuoristo S. Neljä vuosikymmentä laukkukauppiaana Keski-Suomessa // Karjalan heimo. 1990. № 3-4. S. 41–42; 2) Vienen ja Aunuksen miehiä kauppiaina Keski-Suomessa // Karjalan heimo. 1990. № 3-4. S. 36–40; 3) Kemiön saari laukkukauppiaiden suosiossa // Karjalan heimo. 2006. № 3-4. S. 38–41; Kestinkiläisiä kauppiamiehiä // Karjalan heimo. 1997. № 9-10. S. 153–156; Ranta R. Vienen kauppayhteydet Suomeen // Karjalan heimo. 1994. № 5-6. S. 90–92; Sofronoffin suvista tuli kauppiaita Satakuntaan // Karjalan heimo. 2007. № 7-8. S. 95–96; Vaara P. Uhtuan Andronoffit Viena-kirjallisuudessa // Karjalan heimo. 2004. № 5-6. S. 76–82; Heinänen H. Vienalaista kaupankäyntiä Pohjois-Suomessa autonomian ajan lopulla // Karjalan heimo. 2002. № 5-6. S. 71–73.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агамирзоев К. М. Обнаженная граница. Очерки о борьбе с контрабандой в Карелии в XVII – начале XX веков // Войница... старинная деревня Северо-Запада Карелии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://voinita.ru/pages/art353.aspx> (дата обращения 28.01.2025).
2. Базегский Д. В. Законодательство России и Финляндии о карельском коробейничестве в XIX – начале XX в. // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1993. С. 43–51.
3. Бобович И. М. Русско-финляндские экономические отношения накануне Великой Октябрьской социалистической революции. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1968. 190 с.
4. Дубровская Е. Ю. Социально-экономическое положение карельских уездов в конце XIX – начале XX вв. Петрозаводск: Карел. фил. АН СССР. Ин-т яз., лит. и истории, 1989. 24 с.
5. Дубровская Е. Ю. Противоборство панфинизма и русского великодержавия в Карелии (по материалам источников конца XIX – начала XX вв.) // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1991. С. 58–60.
6. Дубровская Е. Ю. Российская революция 1917 года и трансформация представлений активистов карельского национального движения о перспективах политического и экономического развития Российской Карелии // Труды Кольского научного центра РАН. Серия: Естественные и гуманитарные науки. 2022. Т. 1, № 1. С. 136–148.

7. Инха И. К. В краю калевальских песен: тропой Лённрота по Беломорской Карелии, очерк о земле Беломорской Карелии. Петрозаводск: Периодика; Кухмо: Юминкеко, 2019. 461 с.
8. История Карелии с древнейших времен до наших дней / Под ред. Н. А. Кораблева, В. Г. Макурова, Ю. А. Савватеева, М. И. Шумилова. Петрозаводск: Периодика, 2001. 944 с.
9. Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа. Петрозаводск: Барс, 1998. 320 с.
10. Клинге М. Имперская Финляндия. СПб.: Коло, 2005. 614 с.
11. Кораблев Н. А. Архангельская Маргаритинская ярмарка во второй половине XIX века // История и культура Архангельского севера. Вологда, 1986. С. 96–98.
12. Кораблев Н. А. К истории развития неземледельческого отхода в Карелии в пореформенный период // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1988. С. 61–68.
13. Кораблев Н. А. Экономическое развитие Беломорской Карелии в пореформенный период XIX века // Исторические судьбы Беломорской Карелии. Петрозаводск, 2000. С. 51–60.
14. Кораблев Н. А. Приграничная торговля крестьян Карелии во второй половине XIX в. // Россия и страны Северной Европы: из истории приграничных отношений в XVI–XX вв. Петрозаводск, 2003. С. 24–31.
15. Корнилов Г. Д. Отношение финляндских политических партий к планам русско-финляндского таможенного объединения. 1910–1914 // Скандинавский сборник. Вып. XV. Таллин, 1970. С. 25–33.
16. Корнилов Г. Д. Русско-финляндские таможенные отношения в конце XIX – начале XX в. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977. 219 с.
17. Нефедова Г. А. Важнейшие промыслы карельских крестьян в пореформенный период (1862–1905 гг.) // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 1957. Т. 6, вып. 1. С. 74–87.
18. Нефедова Г. А. Краткая характеристика сельского хозяйства и расслоения карельской деревни во второй половине XIX века // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 1957. Т. 7, вып. 1. С. 27–40.
19. Нефёдова Г. А. Торговля Карелии после отмены крепостного права в России // Ученые записки Карельского педагогического института. 1960. Т. 9. С. 27–33.
20. Овсянкин Е. И. Архангельск купеческий. Архангельск: Архконсалт, 2000. 525 с.
21. Очерки истории Карелии / Под ред. В. Н. Бернадского, И. И. Смирнова, Я. А. Балагурова. Т. 1. Петрозаводск: Карелия, 1957. 431 с.
22. Путешествия Элиаса Лённрота. Путевые заметки, дневники, письма. 1828–1842 гг. Петрозаводск: Карелия, 1985. 318 с.
23. Суни Л. В. Финляндско-русские торговые отношения во второй половине XIX века. Тарту: Тартуский гос. ун-т, 1963. 174 с.
24. Тароева Р. Ф. Средства и способы передвижения у карел в дореволюционное время (конец XIX – начало XX вв.) // Труды Карельского филиала академии наук СССР. 1959. Вып. 22. С. 39–51.
25. Шаньгина В. В. Базарная торговля на Европейском Севере России в пореформенные годы XIX века // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1993. С. 70–78.
26. Юссила О. Великое княжество Финляндское 1809–1917. Хельсинки: Ruslandia Books Oy, 2009. 844 с.
27. Юссила О., Хентия С., Невакиви Ю. Политическая история Финляндии. 1809–2009. М.: Весь мир, 2010. 471 с.
28. Hämynen T. Karjalan yhteiskunta ja talous 1800-luvun lopulta toiseen mailmansotaan // Karjala. Historia, kansa, kulttuuri. Helsinki, 1998. S. 153–206.
29. Joustela K. Suomen Venäjän-kauppa autonomian ajan alkupuoliskolla vv. 1809–1865 // Historiallisia tutkimuksia. LXII. Helsinki, 1963. 382 s.
30. Korablev N. Vienen Karjalan talonpoikien taloudellinen toiminta 1800-luvun jälkipuoliskolla // Kainuussa ja Vienassa. Joensuu, 1997. S. 91–102.
31. Lehes P. Aleksei Mitro. Karjalainen kauppias ja yhdistysmies. Helsinki: Karjalan Sivistysseura, 1986. 133 s.
32. Muraanen T. Kauppa ja liikenne // Suomen taloushistoria. I. Helsinki, 1980. S. 436–450.
33. Muraanen T. Porvarista kauppiaksi – Kauppiaan yhteiskunnallinen asema 1800-luvun jälkipuoliskolla // Historiallinen arkisto. 76. Helsinki, 1981. S. 185–212.
34. Nakka-Korhonen M. Halpa hinta, pitkä mitta. Vienankarjalainen laukkukauppa. Helsinki, 1988. 294 s.
35. Nuutinen H. Maakauppias. 1907–1920. Tampere, 1966. 280 s.
36. Pihkala E. Suomen Venäjän-kauppa puitteet autonomian ajan jälkipuoliskolla // Historiallinen arkisto. 65. Loviisa, 1971. S. 5–85.
37. Pihkala E. Suomen Venäjän-kauppa vuosina 1860–1917. Helsinki, 1970. 261 s.
38. Pöllä M. The family systems among Eastern Karelians and ethnic Russians in the 19th century // Family life of the Northwestern margins of Imperial Russia. Joensuu, 2004. P. 201–238.
39. Pöllä M. Vienen Karjalan etnisen koostumuksen muutokset 1600–1800-luvulla. Helsinki, 1995. 353 s.
40. Ranta R. Vienen ja Kainuun kaupalliset suhteet menneinä vuosisatoina // Rajamailta III. Vammala, 1997. S. 125–152.
41. Rytölä H. Karjala Kainuussa. Rajakyläiden vaiheita 1700-luvun lopulta 1920-luvulle. Jyväskylä, 2005. 416 s.

Original article

Irina S. Nesterova, Senior Lecturer, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
 ORCID 0009-0009-7138-691X; ines@petrsu.ru

PEDLAR TRADE IN FINLAND: HISTORIOGRAPHY OF THE ISSUE

Abstract. The stated topic was chosen due to the significance and relevance of studying the relationships between the populations of the border territories in different periods of history as a broad subject. The aim of the article is to identify the main trends in the development of the issue research. The article attempts to review domestic and foreign historiography on the topic of peddling carried out by the population of the border parishes of the White Sea Karelia in Finland during the second half of the XIX and the early XX centuries. The main research objective is to summarize the accumulated experience of previous generations of scholars, identifying controversial and insufficiently studied issues. The results of the study lead to the conclusion that the development of cross-border trade remains one of the least studied issues today. The main attention of the authors is paid to the state level of trade. However, it is not only interstate relations that determine the situation in each specific region of the country, therefore, the importance of trade relations at the regional level should not be underestimated. Often, the peddling trade of Karelian peasants in the neighboring territory was the only source for sustenance and paying the mandatory taxes.

Key words: peddling, crafts, border population, domestic and foreign historiography

For citation: Nesterova, I. S. Pedlar trade in Finland: historiography of the issue. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(6):96–104. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1221

REFERENCES

1. Agamirzoev, K. M. The naked border. Essays on the fight against smuggling in Karelia between the XVII and the early XX centuries. *Voynitsa... An ancient village in the north-west of Karelia*. Available at: <https://voynitsa.ru/pages/art353.aspx> (accessed 28.01.2025). (In Russ.)
2. Bazegsky, D. V. Legislation of Russia and Finland on Karelian peddling in the XIX and the early XX centuries. *Topics of the history of the European North*. Petrozavodsk, 1993. P. 43–51. (In Russ.)
3. Bobovich, I. M. Russian-Finnish economic relations on the eve of the Great October Socialist Revolution. Leningrad, 1968. 190 p. (In Russ.)
4. Dubrovskaya, E. Yu. The socio-economic situation in the Karelian counties during the late XIX and the early XX centuries. Petrozavodsk, 1989. 24 p. (In Russ.)
5. Dubrovskaya, E. Yu. The confrontation between pan-Finism and Russian greatpowerness in Karelia (a study of sources from the late XIX and the early XX centuries). *Topics of the history of the European North*. Petrozavodsk, 1991. P. 58–60. (In Russ.)
6. Dubrovskaya, E. Yu. Russian Revolution 1917 and transformation of ideas of Karelian national movement activists on prospects of Russian Karelia political and economic development. *Transactions of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences*. Series: Natural Sciences and Humanities. 2022;1(1):136–148. (In Russ.)
7. Inha, I. K. In the land of Kalevala songs: Elias Lönnroth's trail through the White Sea Karelia, an essay about the land of the White Sea Karelia. Petrozavodsk, 2019. 461 p. (In Russ.)
8. The history of Karelia from ancient times to the present day. (N. A. Korablev, V. G. Makurov, Yu. A. Savvateev, M. I. Shumilov, Eds.). Petrozavodsk, 2001. 944 p. (In Russ.)
9. Kirkinen, H., Nevalainen, P., Sihvo, H. The history of the Karelian people. Petrozavodsk, 1998. 320 p. (In Russ.)
10. Klinge, M. Imperial Finland. St. Petersburg, 2005. 614 p. (In Russ.)
11. Korablev, N. A. St. Margarita Fair in Arkhangelsk during the second half of the XIX century. *History and culture of the Arkhangelsk North*. Vologda, 1986. P. 96–98. (In Russ.)
12. Korablev, N. A. The history of the development of non-agricultural seasonal work in Karelia in the post-reform period. *Topics of the history of the European North*. Petrozavodsk, 1988. P. 61–68. (In Russ.)
13. Korablev, N. A. Economic development of the White Sea Karelia in the post-reform period of the XIX century. *Historical destinies of the White Sea Karelia*. Petrozavodsk, 2000. P. 51–60. (In Russ.)
14. Korablev, N. A. Cross-border trade of Karelian peasants in the second half of the XIX century. *Russia and the countries of Northern Europe: the history of cross-border relations in the XVI–XX centuries*. Petrozavodsk, 2003. P. 24–31. (In Russ.)
15. Kornilov, G. D. The attitude of Finnish political parties to the plans of the Russian-Finnish customs union. 1910–1914. *Scandinavian collection*. Issue XV. Tallinn, 1970. P. 25–33. (In Russ.)
16. Kornilov, G. D. Russian-Finnish customs relations in the late XIX and the early XX centuries. Leningrad, 1977. 219 p. (In Russ.)
17. Nefedova, G. A. The most important crafts of Karelian peasants in the post-reform period (1862–1905). *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 1957;6(1):74–87. (In Russ.)
18. Nefedova, G. A. Brief description of agriculture and stratification of Karelian villages in the second half of the XIX century. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 1957;7(1):27–40. (In Russ.)

19. Nefedova, G. A. Trade in Karelia after the abolition of serfdom in Russia. *Proceedings of the Karelian Pedagogical Institute*. 1960;9:27–33. (In Russ.)
20. Ovsyankin, E. I. Arkhangelsk of merchants. Arkhangelsk, 2000. 525 p. (In Russ.)
21. Essays on the history of Karelia. (V. N. Bernadsky, I. I. Smirnov, A. Ya. Balagurov, Eds.). Vol. 1. Petrozavodsk, 1957. 431 p. (In Russ.)
22. The travels of Elias Lönnroth. Travel notes, diaries, letters. 1828–1842. Petrozavodsk, 1985. 318 p. (In Russ.)
23. Suni, L. V. Finnish-Russian trade relations in the second half of the XIX century. Tartu, 1963. 174 p. (In Russ.)
24. Taroeva, R. F. Means and methods of travel and transportation among the Karelians in pre-revolutionary times (late XIX – early XX centuries). *Transactions of the Karelian Branch of the USSR Academy of Sciences*. 1959;22:39–51. (In Russ.)
25. Shagina, V. V. Market trade in the European North of Russia in the post-reform years of the XIX century. *Topics of the history of the European North*. Petrozavodsk, 1993. P. 70–78. (In Russ.)
26. Jussila, O. The Grand Duchy of Finland, 1809–1917. Helsinki, 2009. 844 p. (In Russ.)
27. Jussila, O., Hentila, S., Nevakivi, J. The political history of Finland. 1809–2009. Moscow, 2010. 471 p. (In Russ.)
28. Hämynen, T. Karjalan yhteiskunta ja talous 1800-luvun lopulta toiseen mailmansotaan. *Karjala. Historia, kansa, kulttuuri*. Helsinki, 1998. S. 153–206.
29. Joustela, K. Suomen Venäjän-kauppa autonomian ajan alkupuoliskolla vv. 1809–1865. *Historiallisia tutkimuksia*. LXII. Helsinki, 1963. 382 s.
30. Korablev, N. Vienan Karjalan talonpoikien taloudellinen toiminta 1800-luvun jälkipuoliskolla. *Kainuussa ja Vienassa*. Joensuu, 1997. S. 91–102.
31. Lehes, P. Aleksei Mitro. Karjalainen kauppias ja yhdistysmies. Helsinki, 1986. 133 s.
32. Mauranten, T. Kauppa ja liikenne. *Suomen taloushistoria*. I. Helsinki, 1980. S. 436–450.
33. Mauranten, T. Porvarista kauppiaksi – Kauppiain yhteiskunnallinen asema 1800-luvun jälkipuoliskolla. *Historiallinen arkisto*. 76. Helsinki, 1981. S. 185–212.
34. Nakka-Korhonen, M. Halpa hinta, pitkä mitta. Vienankarjalainen laukkukauppa. Helsinki, 1988. 294 s.
35. Nuutinen, H. Maakauppias. 1907–1920. Tampere, 1966. 280 s.
36. Pihkala, E. Suomen Venäjän-kauppa puitteet autonomian ajan jälkipuoliskolla. *Historiallinen arkisto*. 65. Loviisa, 1971. S. 5–85.
37. Pihkala, E. Suomen Venäjän-kauppa vuosina 1860–1917. Helsinki, 1970. 261 s.
38. Pöllä, M. The family systems among Eastern Karelians and ethnic Russians in the 19th century. *Family life of the northwestern margins of Imperial Russia*. Joensuu, 2004. P. 201–238.
39. Pöllä, M. Vienan Karjalan etnisen koostumuksen muutokset 1600–1800-luvulla. Helsinki, 1995. 353 s.
40. Ranta, R. Vienan ja Kainuun kaupalliset suhteet menneinä vuosisatoina. *Rajamailta III*. Vammala, 1997. S. 125–152.
41. Rytölä, H. Karjala Kainuussa. Rajakyläien vaiheita 1700-luvun lopulta 1920-luvulle. Jyväskylä, 2005. 416 s.

Received: 2 April 2025; accepted: 9 June 2025

ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА РАЗУМОВА

доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Центр гуманитарных проблем Баренц региона – филиал
Федерального государственного бюджетного учреждения
науки Федеральный исследовательский центр «Кольский
научный центр Российской академии наук»
(Апатиты, Российская Федерация)
ORCID 0000-0002-5960-9772; irinarazumova@yandex.ru

ЕВГЕНИЯ ЯКОВЛЕВНА ПАЦИЯ КАК ПОЛЕВОЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬ И АВТОР ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Аннотация. Цель статьи – рассмотреть в контексте актуальных проблем производства, презентации и трансляции этнографического знания деятельность Евгении Яковлевны Пации, заведующей Музеем-архивом Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра РАН, полевого этнографа, знатока и популяризатора культуры саамов, составителя и автора книг, различающихся по назначению и жанровой форме, основанных на фольклорно-этнографических материалах. Антрополог, который занимается популяризацией или пишет краеведческие тексты, не просто адаптирует результаты исследований для массового и практического использования, а создает новый этнографический источник и вступает в диалог с самим собой вследствие особенностей субъектности в антропологии. Подчеркивается, что помимо научной социализации на формы и методы этнографической работы влияет личностный фактор. На примере книги Е. Я. Пации «Кольское застолье» показано, как первичная информация, накопленная автором за годы жизни, трансформируется в целевой этнографический источник и краеведческий текст, адресованный массовому потребителю.
Ключевые слова: антропология, автоэтнография, этнографический текст, знания, источник, Е. Я. Пация
Благодарности. Статья выполнена при поддержке федерального бюджета по теме государственного задания ЦГП КНЦ РАН № FMEZ-2024-0002.

Для цитирования: Разумова И. А. Евгения Яковлевна Пация как полевой исследователь и автор этнографических текстов // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 6. С. 105–111. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1222

ВВЕДЕНИЕ

Активные обсуждения и публикации свидетельствуют об актуальности для научного сообщества антропологов и этнографов проблем самоидентификации. Они связаны, во-первых, с дисциплинарными рамками антропологии и допустимыми пределами их преодоления при решении конкретных задач, во-вторых, с дифференциацией антропологов и этнографов – работающих в «своем» и «чужом» поле, местных и приезжих, «центральных» и «региональных» и т. д. (см., напр.: [1], [2], [10], [11]).

В современной антропологии и этнографии признается едва ли не аксиомой, что этнографическое знание вырабатывается в процессе равноправного диалога между исследователем и информантом. Внутри каждой из этих категорий участников исследования существует распределение по статусным и культурным основаниям. Реже учитывается тот факт, что в производстве

и распространении этнографического знания участвует много других субъектов: краеведы, популяризаторы науки, педагоги, составители учебников, работники музеев, СМИ, туристической сферы, блогеры, кинодокументалисты, путешествующие с разными профессиональными или рекреационными целями авторы травелогов и другие. Они оказываются в сложных взаимоотношениях с учеными-этнографами или сосуществуют с ними в «параллельных мирах». В последнем случае усугубляются проблемы распространения достоверных этнографических знаний и возрастают риски, связанные с взаимным недоверием, недопониманием и потенциальными конфликтами как между «профессионалами» и «непрофессионалами», так и между представителями народов и культур.

Среди тех, кто занят производством и воспроизводством этнографических знаний, особый тип представляют исследователи, способ-

ные совмещать и достаточно легко переключать свои роли и регистры коммуникаций, меняя вид деятельности. Таким человеком, на наш взгляд, была Евгения Яковлевна Пация (1945–2022), одна из создателей Музея-архива изучения и освоения Европейского Севера России Центра гуманитарных проблем Баренц региона Кольского научного центра Российской академии наук (ЦГП КНЦ РАН) в середине 1970-х годов, а затем его многолетний руководитель. Долгие годы она изучала культуру саамов, проводила полевые исследования, публиковала статьи и книги, включая сборники сказок для детей в своей литературной обработке, вела экскурсии и читала лекции о быте и фольклоре коренного населения Кольского полуострова. Она была не только хорошо осведомлена о социальных процессах в саамской среде, но и участвовала в общественно-культурной работе. Е. Я. Пация стала признанным экспертом по саамской культуре. Спектр ее деятельности позволяет обратиться к важной для науки проблеме: занимаясь популяризацией, сочиняя туристические или краеведческие тексты, антрополог отдает себе отчет в том, что не просто адаптирует результаты исследований для массового и практического использования, а создает новый этнографический источник. При этом он вступает в диалог с собой – в силу особенностей субъектности в антропологии.

Е. Я. Пация. Фото Хибинформбюро. 28.06.2018 (кор. С. Наглис). <https://hibinform.ru/vljubilas-v-soobshhestvo-i-ostalas-znakomimsja-s-novym-pochjotnym-grazhdaninom-apatitov/>

Evgenia Ya. Patsiya. Photo by Khibinformburo, 28 June 2018 (reporter Svetlana Naglis). Source: <https://hibinform.ru/vljubilas-v-soobshhestvo-i-ostalas-znakomimsja-s-novym-pochjotnym-grazhdaninom-apatitov/>

ПОЛЕВИК И ЧЕЛОВЕК-ИСТОЧНИК

В современных антропологии и этнографии основным способом получения информации считается полевая работа. Евгения Яковлевна

Пация была отличным полевиком. Чтобы это понять, достаточно было один раз побывать с ней в экспедиции. По существу у нее было филологическое образование (какое давал в годы ее учебы факультет журналистики ЛГУ), а специальность – журналистика, что предполагает особые коммуникативные склонности, умения и навыки. Неслучайно для Е. Я. Пации из всех областей филологии самой близкой была фольклористика, которая тесно связана с этнографией, а иногда даже включается в ее состав – во многом из-за единства полевых методик.

Волей обстоятельств Евгении Яковлевне пришлось менять профессии и виды работы: журналист, сотрудник Северного филиала Географического общества СССР, музейный работник, научный сотрудник Отдела экономических исследований Кольского филиала Академии наук (КФАН СССР), заведующая Музеем-архивом [18]. Есть много общего в содержании и смыслах этих видов деятельности. Они связаны, во-первых, с изучением истории и культуры региона, во-вторых, с просветительством, в-третьих, с разъездами по территории и общением с людьми, наконец, с собиранием – в самом широком значении слова. К собирательской работе относятся поиск предметов и документов для комплектования музейных коллекций и архивных фондов, сбор научной информации, впечатлений для журналистского очерка, а также «собрание людей» в ходе организационной работы по формированию музея, созданию культурных обществ, проведению мероприятий с просветительскими целями. Собиратель – это еще и тип личности. В идеале к нему должны принадлежать музейные, архивные, библиотечные работники, а в первую очередь – исследователи-полевики разных специальностей.

Многими навыками, которые развиваются у этнографа в процессе обучения профессии, Е. Я. Пация обладала, что называется, по природе. Прежде всего, даром общения. Нельзя было не заметить с первой встречи ее умение наладить контакт с человеком, не только слушать, но и рассказывать, то есть – на языке методики – не столько проводить интервью, сколько вести беседу с самыми разными информантами. Собеседник всегда чувствовал интерес к себе, к теме разговора, включенность в ситуацию.

Евгении Яковлевне была присуща острая наблюдательность, благодаря которой по одной внешней детали проясняется важное свойство человека или общности. Например, когда мы в 2004 году только что прилетели в село Чаваньга на Терском берегу и пошли по улице, первое, на что она обратила внимание, это безу-

коризненно ровно сложенные поленницы во всех дворах, даже около самых внешне непрезентабельных домиков, – свидетельство приверженности порядку и чувства собственного достоинства сельчан [7]. Е. Я. Пация хорошо адаптировалась к разным условиям быта и к разной социальной среде. Если продолжать, то пришлось бы пересказать все методические рекомендации для полевых исследователей.

Источник гуманитарных знаний – прежде всего сам человек, любой, с которым общается антрополог. Е. Я. Пация – неисчерпаемый «человек-источник» антропологической и собственно этнографической информации. В силу своей исключительной коммуникабельности она была знакома с огромным количеством людей – с их судьбами, характерами, привычками, житейским опытом и жизненными позициями, способностями и т. д. Весь этот опыт она сохраняла в памяти, воспроизводя в нужных ситуациях и при этом помещая в новый ситуативный контекст.

Для того чтобы жизненный факт был осмыслен в качестве этнографического, антропологического, требуется не столько обилие историй, сколько способность их сопоставлять, и часто по неявному признаку. На любой случай, подмеченную деталь поведения, жизненное впечатление, свое или собеседника, и даже на вскользь высказанную мысль у Е. Я. Пации, как правило, находились примеры, аналогии. Аналогическое (метафорическое) мышление помогает видеть неочевидные связи между явлениями. Евгения Яковлевна была гуманистом, начитанным в художественной и документальной литературе, поэтому легко находила типологические сходства сюжетов, событий, ситуаций, взаимоотношений, личностей. Она быстро подбирала символизирующую тот или иной случай цитату, будь то «народная мудрость» в виде русской, грузинской или саамской поговорки, удачная поэтическая строка или афористичное высказывание известного писателя, а то и просто знакомого.

Письменные этнографические источники Евгения Яковлевна знала превосходно. В этом можно было убедиться при подготовке в 2007 году раздела о саамской семье для энциклопедии «Российская семья» [8], когда потребовалось сделать обзор обширной этнографической литературы в короткие сроки. Узнав, какой темой собирается заниматься коллега, Е. Я. Пация немедленно советовала посмотреть источники, в которых мог быть подходящий материал: историко-этнографические, краеведческие, географические публикации, отчеты естествоиспытателей, записки путешественников XIX–XX веков и т. д.

На основе текстуального знания источников Евгения Яковлевна нередко высказывала яркую идею, гипотезу, из разработки которой потом выросло исследование. Однако развивать тему в «академическом» ключе, то есть в соответствии с какими-либо теориями, на языке специальных категорий, и готовить публикацию по правилам научных журналов она не бралась. В лучшем случае прибегала к соавторству. Так получилось, например, с работой об академике А. Е. Ферсмане как символической личности в истории Кольского Севера [9]. Благодаря знанию саамского фольклора и текстов Ферсмана Е. Я. Пации удалось проследить трансформации, которые произошли с сюжетом саамского предания о минерале эвдиалите, именуемом «лопарской кровью». Это обозначение, активно эксплуатируемое в частности в экскурсионных текстах и прочей туристической продукции, противоречит содержанию фольклорного предания о борьбе саамов с внешними врагами, согласно которому на камне сохранилась именно кровь побежденного противника [9: 68].

АВТОЭТНОГРАФ?

Для Е. Я. Пации было в высшей степени характерно критическое и ироничное отношение к себе. Критическая самооценка касалась написания научного текста, отсутствия системности в полевой работе (то есть строгой записи и особенно последующих расшифровок, их систематизации, сохранения), а также знания теорий и современной научной литературы. Именно поэтому Евгения Яковлевна этнографом себя не считала. Жаль, что почти не осталось ее полевых аудиозаписей, поскольку она отдавала себя прежде всего музею, его коллекциям, выставочной, экскурсионной, просветительской работе. В то же время изобиловали удивительными деталями и «прозрениями» ее устные рассказы, в том числе экспедиционные истории «в лицах», включавшие описания собственных реакций и поведения в разных ситуациях. Ироничность, сопутствующая острому взгляду на пережитую или проживаемую ситуацию, на собственные впечатления, эмоции, была одним из ярко выраженных свойств личности Е. Я. Пации. Важная подробность: Евгения Яковлевна всегда была готова к роли информанта, исполняла ее многократно. Отвечая на вопросы, приводя примеры и рассуждая в процессе беседы, предлагала интерпретацию того, о чем шла речь, объясняла и оценивала свое отношение и понимание «тогда» и «сейчас».

В антропологии давно, и особенно активно в последние два десятилетия, обсуждается и раз-

вивается автоэтнография как метод исследований (см., напр.: [13], [14], [15], [16], [17]). Применяющий его антрополог фиксирует и анализирует свой опыт в той или иной сфере жизни и «лишь примеряет к нему некоторые из известных ему и находящихся в обращении теорий и концепций собственной дисциплины» [16: 167]. Автоэтнография ограничена персональным опытом исследователя и «является своего рода гипервключенным наблюдением», поскольку рассмотрению подвергается именно то, чем занят человек в своей жизни, что им прожито не для исследования [16: 169]. Когда исследователь и информант соединяются в одном лице, то сталкиваются профессиональное сознание с обыденным, роль этнографа с ролью носителя нерелефлексированного опыта. Парадоксальности ситуации неизбежно сопутствует ирония, которая, по мнению антропологов, всегда была свойственна этнографии [15: 75].

Очевидно, Евгению Яковлевну можно было бы с долей условности отнести к «автоэтнографам». В ее органичном «жизненном мире» присутствовали разные культуры: по «происхождению» – несколько кавказских (грузинская, мегрельская, абхазская, материнским языком был грузинский), по социализации и образованию – русская, по интересам, знаниям и включенности в культурные связи – саамская. В устном репертуаре Е. Я. Пации были истории о собственной «поликультурности». Например, о том, как ее родственники справляли поминки, распределившись на две группы в разных помещениях за разными столами – по сильно различающимся кавказским обычаям; или о том, как она, уже дипломированная журналистка, профессионально писавшая только на русском языке, могла попасть в смешную ситуацию по незнанию какого-то русского слова. Устное рассказывание всегда было для Евгении Яковлевны предпочтительнее написания текстов, особенно научных. По замечанию А. Готлиб, когда «исследователь погружается <...> в свой собственный мир естественных установок», а объект и субъект физически совмещаются в одном человеке, то языком выражения опыта становится «повседневный, обыденный язык нормального человеческого общения» [3].

СОСТАВИТЕЛЬ И АВТОР ТЕКСТОВ

С проблемой субъекта этнографии связаны дискуссионные вопросы о формах существования и презентации этнографического знания. Предметом дискуссий являются ассоциируемый с автоэтнографией «экспериментальный стиль», не соответствующий сложившимся нормам научного письма; проблемы «объективно-

сти данных» и роли памяти в этнографии; возможность рассматривать научные биографии, автобиографии, мемуары в качестве автоэтнографии или, что представляется особенно важным, – взаимодействие «практик и дискурсов, формирующих субъекта производства знания и оказывающих мощное влияние на субъекта интерпретации» [14].

Сразу в нескольких смежных гуманитарных науках выявляется актуальность проблем специфики, взаимосвязи и разграничения научной этнографической, описательной («бытописательской»), документально-художественной, историко-краеведческой, массовой популяризаторской литературы, в том числе «о народах и культурах», для детей и взрослых – при всей условности дефиниций, подходов и критериев распределения литературы non-fiction по областям и жанрам. Разумеется, здесь необходим тщательный анализ текстов и типов изданий методами источниковедения и литературоведения, а также социологии, так как проблема может и должна рассматриваться не только как филологическая, этнографическая или книговедческая, но и социальная. Тексты, которые создавала и публиковала Е. Я. Пация, и виды подготовленных ею изданий, разнообразны в жанровом отношении, по назначению и типу авторства. Детскую художественную литературу дополнили издания сказочно-мифологических текстов в литературной обработке Е. Я. Пации для детей¹. Результатом ее совместной музейной работы с информантами стала книга «Саамское рукоделие», по назначению – учебное пособие². Авторы Екатерина Ивановна Мечкина и Анастасия Елисеевна Мозолевская – учителя, народные мастерицы и активистки, пропагандировавшие саамскую культуру. Е. Я. Пация – инициатор, организатор, составитель, редактор. При переиздании книга не претерпела особых содержательных изменений, но авторы первого и второго изданий указаны в разной последовательности³. Очевидно, так были реализованы принципы «справедливости» и корректности в отношении носителей этнокультуры, тем более что книга выходила при поддержке Саамского культурного фонда.

Е. И. Мечкина – автор еще одной публикации, подготовленной по инициативе и под руководством Е. Я. Пации. Книга «Фольклорные традиции в культуре саамской семьи» [5] основывалась на рукописи личного собрания Е. И. Мечкиной «Саамские пословицы, поговорки, приметы и устоявшиеся выражения». Паремии были опубликованы на двух языках, то есть с русскими аналогами. В процессе подготовки этого первого двуязычного издания саамской паремии-

логии тексты были дополнительно прокомментированы для русского читателя. Первую половину небольшой по объему книги занимает «вступительная статья» (очерк) Е. Я. Пации о семье Мечкиных и ее истории, написанная по материалам бесед с автором и отчасти наблюдений. Фактически книга имеет двух авторов (или составителей), но Евгения Яковлевна невысоко оценивала свой вклад в публикации со статусом «научных» и в большей степени мотивировалась «политкорректностью».

Особый интерес представляет книга «Кольское застолье» [6], которую можно читать по-разному. Для массового читателя – это список кулинарных рецептов. Для тех, кто интересуется историей и культурой, рецепты перемежаются с рассказами о продовольственных ресурсах территории, о народах, издавна населявших Кольский полуостров, о переселенцах, имевших другие традиции в питании. Кроме того, повествуется о многочисленных знакомых автора, встреченных на протяжении жизненного пути и заслуживающих упоминания в связи с их пищевыми пристрастиями, кулинарными умениями и творчеством. В обобщенном этнологическом смысле «Кольское застолье» – это субъективное свидетельство того, как осуществлялись процессы столкновения и соединения в новом качестве «местных» и «пришлых» культур на отдельной территории Крайнего Севера. Показаны эти процессы на примере отношения к продовольственным ресурсам и питанию. С точки зрения антрополога, важно и то, как автор, информированный в региональной истории и этнографии, представляет широкой аудитории и развивает означенную идею, основываясь на личном социальном и повседневном опыте и знаниях. Делается это в виде свободного повествования, не обремененного научным аппаратом, ссылками, специальной терминологией. По мере изложения в «Кольском застолье» выстраивается некая система персональных социальных связей автора в пространстве и времени, тематически организованная кулинарными практиками. В книге немало заслуживающих внимания и доверия социально-антропологических «догадок» и этнографических фактов. Например, о том, что на фоне преобладавшего среди приезжих негативного или опасливого отношения к пище саамов – оленине – первыми восприняли этот продукт и начали творчески его использовать ученые-геологи [6: 16–17]; о «кулинарном университете», когда семьи, приехавшие в Заполярье из разных областей и республик страны, устраивали «этнические застолья» и учились друг у друга приготовлению блюд [6: 67].

Интерес Евгении Яковлевны к теме питания закономерен. Она была знатоком и практиком приготовления блюд разной кухни (кавказской, европейской, саамской, скандинавской), замечательным кулинаром, хорошо известным широкому окружению своим домашним хлебопечением. С видимой «легкостью» и в полевых условиях, и при организации общественных и дружеских мероприятий она брала на себя «стол» и «кухню». В полевой работе, как хорошо знают этнографы, тема продовольственного обеспечения и приготовления еды очень способствует живости общения с людьми разного возраста, пола, этнической и религиозной принадлежности. Для самой Евгении Яковлевны, надо полагать, это была, во-первых, повседневность, которая физически и эмоционально переживается по-разному в зависимости от ситуации, во-вторых, принимаемая на себя празднично-ритуальная роль, соответствующая личному качеству характера – потребности в «собрании» людей.

В случае «Кольского застолья» первичная информация, накопленная автором за годы жизни, трансформируется в целевой этнографический источник, адресованный массовому потребителю. Его можно рассматривать в качестве полевого и автоэтнографического. Рассказчица как автобиограф описывает значительную часть своего жизненного пути и на его протяжении – личный опыт межкультурных контактов в разных ситуациях, связанных с питанием. Одновременно она делится знанием о культуре народов Кольского полуострова, об истории заселения территории, создавая «краеведческий текст» со всеми его особенностями [12] и выполняя просветительскую миссию. Наконец, Е. Я. Пация выступает свидетелем и бытописателем «этнографических фактов» [4], связанных с процессом взаимной адаптации местных и приезжих, участвующим наблюдателем которого она была на протяжении десятилетий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Е. Я. Пация реализовала себя в разных ипостасях: как создатель и руководитель академического Музея-архива, популяризатор науки, полевой этнограф и «человек-источник» историко-культурных знаний, автор и составитель книг для самой разной аудитории, организатор и активный участник местной культурной жизни. Чем бы она ни занималась, Евгения Яковлевна собирала вокруг себя людей.

«Большая часть этнографов ими все же становится, а не рождается, и становление этнографа связано, помимо прочего, с постановкой особого видения, специфического умозрения, при котором событийный ряд обыденного течения жизни, во-первых, остраивается

<...> во-вторых, переозначивается в языке антропологических концепций», – пишет С. В. Соколовский [17].

Осмысливая феномен таких личностей, как Е. Я. Пация, приходишь к выводу, что если по части концептуального переозначивания обы-

денности профессиональная подготовка действительно имеет первостепенное значение, то в отношении специфического видения и внутреннего, во многом интуитивного, понимания сущности вещей, вопрос остается открытым.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Семилетний стрелок из лука: Саамские сказки / Обработала для детей Евгения Пация. Мурманск: Мурманское кн. изд-во, 1990. 112 с.; Саамские сказки Кольской Лапландии / Авт.-сост. Е. Я. Пация. Мурманск: РУСМА (ИП Глухов А. Б.), 2022. 140 с.

² Мечкина Е. И., Мозолевская А. Е. Саамское рукоделие: Метод. пособие / Отв. ред. Е. Я. Пация. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2003. 112 с.

³ Мозолевская А. Е., Мечкина Е. И. Саамское рукоделие: Метод. пособие / Отв. ред. Е. Я. Пация. Апатиты: Изд-во Кольского научного центра РАН, 2008. 111 с.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бисенова А. Ж. Поле и жизнь: размышления «укорененного» антрополога // Социология власти. 2021. Т. 33, № 3. С. 131–148. DOI: 10.22394/2074-0492-2021-3-131-148
2. Винер Б. Е., Дивисенко К. С. Социальная структура исследовательской области «этнография / антропология города» в российской этнологии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. № 21 (2). С. 7–44. DOI: 10.31119/jssa.2018.21.2.1
3. Готлиб А. С. Автоэтнография (разговор с самой собой в двух регистрах). Части 1 и 2 // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология:4М). 2016. № 18. С. 5–16; № 19. С. 5–31 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.soc4m.ru/index.php/soc4m/article/view/3992>; <https://www.soc4m.ru/index.php/soc4m/article/view/4001> (дата обращения 28.01.2025).
4. Дмитриев В. А. Об актуальности категории «этнографический факт». Ч. 1. Факт и источник // Гуманитарные и юридические исследования. 2015. № 4. С. 37–41.
5. Мечкина Е. И. Фольклорные традиции в культуре саамской семьи / Авт. вступ. ст., сост. Е. Я. Пация. Апатиты: Изд-во Кольского науч. центра РАН, 2010. 54 с.
6. Пация Е. Я. Кольское застолье. СПб.: Геликон Плюс, 2020. 248 с.
7. Пация Е. Я., Разумова И. А. Поморское село: снова на переломе времен // Региональное сообщество в период социальных трансформаций: Кольский Север, начало XXI в. Апатиты: Изд-во КНЦ РАН, 2007. С. 41–56.
8. Пация Е. Я., Разумова И. А. Саамская семья (кольские саамы) // Российская семья: Энциклопедия / Гл. науч. ред. В. И. Жуков. М.: Изд-во Рос. гос. социального ун-та, 2008. С. 311–326.
9. Пация Е. Я., Разумова И. А. Genius loci (А. Е. Ферсман) // Северяне: Проблемы социокультурной адаптации жителей Кольского полуострова / Ред. В. П. Петров, И. А. Разумова. Апатиты: Изд-во Кольского науч. центра РАН, 2006. С. 60–69.
10. Пивнева Е. А. Индигенный поворот в угроведении // Уральский исторический вестник. 2024. № 1 (82). С. 188–196. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-1(82)-188-196
11. Провинциальная и туземная наука. Форум // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 11–236.
12. Разумова И. А. Краеведческий текст в социальном поле исторической науки (размышления над книгой А. А. Киселева «Записки краеведа») // Труды Кольского научного центра РАН. Гуманитарные исследования. 2013. № 6 (19). С. 5–19.
13. Рогозин Д. Н. Как работает автоэтнография // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14, № 1. С. 224–273. DOI: 10.17323/1728-192X-2015-1-224-273
14. Соколовский С. В. Автоэтнография и антропологические исследования науки // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. Сер. «Этнос. Культура. Социум». Т. 15 / Рос. науч.-исслед. ин-т природного и культурного наследия им. Д. С. Лихачева; Ред.-сост.: А. А. Пископел, В. Р. Рокитянский, Л. П. Щедровицкий. М., 2010. С. 29–48.
15. Соколовский С. В. Вещность и власть в обыденном сознании (автоэтнографические этюды) // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции / Ред.-сост. А. А. Пископел и др. Вып. 7. М., 2000. С. 70–108.
16. Соколовский С. В. Жизнь как поле: заметки об автоэтнографии // Поле как жизнь: К 60-летию Северной экспедиции ИЭА РАН / Отв. ред и сост. Е. А. Пивнева; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 167–188.
17. Соколовский С. В. Поле, которое не покидаешь (автоэтнографические этюды) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.ethnonet.ru/lib/0503-04.html> (дата обращения 19.02.2025).
18. Шабалина О. В. «...Я – музейный работник, я выработала в себе это призвание» (к юбилею Евгении Яковлевны Пации) // Вестник Кольского научного центра РАН. 2020. № 2 (12). С. 58–68. DOI: 10.37614/2307-5228.2020.12.2.007

Поступила в редакцию 28.02.2025; принята к публикации 09.06.2025

Original article

Irina A. Razumova, Dr. Sc. (History), Chief Researcher,
Barents Centre of the Humanities, Kola Science Centre of the
Russian Academy of Sciences (Apatity, Russian Federation)
ORCID 0000-0002-5960-9772; irinarazumova@yandex.ru

EVGENIA YAKOVLEVNA PATSIYA AS A FIELD RESEARCHER AND AUTHOR OF ETHNOGRAPHIC TEXTS

Abstract. The purpose of the article is to examine the activities of an outstanding researcher, Evgenia Yakovlevna Patsiya, within the context of current problems of the production and presentation of ethnographic knowledge. She was the head of the Museum and Archive of the Central Geographical Society of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences, a field ethnographer, expert in and popularizer of the Sami culture, compiler and author of books of different purposes and genres based on folklore and ethnographic materials. When anthropologists popularize scientific knowledge or write texts on local history, they do not simply adapt the research results for mass and practical use, but create a new ethnographic source – and in doing so they enter into a dialogue with themselves due to the specific features of subjectivity in anthropology. It is emphasized that in addition to scientific socialization, the forms and methods of ethnographic work are influenced by the researcher's personality. The article uses the example of Evgenia Yakovlevna Patsiya's book *Kolskoe zastole* (*Kola Feast*) to show how the original information accumulated by the author over the years of their life is transformed into a target ethnographic source and a local history text intended for the general reader.

Key words: anthropology, autoethnography, ethnographic text, knowledge, source, Evgenia Yakovlevna Patsiya's

Acknowledgements. The study was funded from the federal budget as part of the state project No FMEZ-2024-0002 assigned to the Barents Centre of the Humanities of the Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences.

For citation: Razumova, I. A. Evgenia Yakovlevna Patsiya as a field researcher and author of ethnographic texts. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(6):105–111. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1222

REFERENCES

1. Bisenova, A. Zh. Field and life: reflections of a “rooted” anthropologist. *Sociology of Power*. 2021;33(3):131–148. DOI: 10.22394/2074-0492-2021-3-131-148 (In Russ.)
2. Wiener, B. E., Divisenko, K. S. Social structure for research area of urban ethnology/anthropology in Russian ethnology. *The Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2018;21(2):7–44. DOI: 10.31119/jssa.2018.21.2.1 (In Russ.)
3. Gotlib, A. Autoethnography (self-talk in two registers). In 2 parts. *Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling (Sociology: 4M)*. 2016;18:5–15; 2016;19:5–31. Available at: <https://www.soc4m.ru/index.php/soc4m/article/view/3992> (accessed 18.02.2025). (In Russ.)
4. Dmitriev, V. A. On the relevance of “ethnographic fact” category: Part 1: the fact and the source. *Humanities and Law Research*. 2015;4:37–41. (In Russ.)
5. Mechkina, E. I. Folklore traditions in the culture of the Sami family (E. Ya. Patsia, Ed.). Apatity, 2010. 54 p. (In Russ.)
6. Patsiya, E. Ya. Kola feast. St. Petersburg, 2020. 248 p. (In Russ.)
7. Patsiya, E. Ya., Razumova, I. A. Pomorye villages: at the fracture of times again. *Regional community in the period of social transformations: the Kola North in the early XXI century*. Apatity, 2007. P. 41–56. (In Russ.)
8. Patsiya, E. Ya., Razumova, I. A. The Sami family (the Kola Sami). *Russian family: Encyclopedia*. (V. I. Zhukov, Ed.). Moscow, 2008. P. 311–326. (In Russ.)
9. Patsiya, E. Ya., Razumova, I. A. Genius loci (A. E. Fersman). *The Northerners: Problems of sociocultural adaptation of the Kola Peninsula population*. (V. P. Petrov, I. A. Razumova, Eds.). Apatity, 2006. P. 60–69. (In Russ.)
10. Pivneva, E. A. Indigenous turn in Ugric studies. *Ural Historical Journal*. 2024;1(82):188–196. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-1(82)-188-196 (In Russ.)
11. Peripheral and indigenous science. Forum. *Forum for Anthropology and Culture*. 2013;19:11–236. (In Russ.)
12. Razumova, I. A. Local lore text in the social field of historical science (reflections on the book “Notes of a Historian” by A. A. Kiselev). *Transactions of the Kola Science Center of the Russian Academy of Sciences. Humanitarian Studies*. 2013;6(19):5–19. (In Russ.)
13. Rogozin, D. N. How autoethnography works. *The Russian Sociological Review*. 2015;14(1):224–273. DOI: 10.17323/1728-192X-2015-1-224-273 (In Russ.)
14. Sokolovsky, S. V. Autoethnography and anthropological studies of science. *Ethnomethodology: problems, approaches, concepts*. Series “Ethnos. Culture. Society”. Vol. 15. Moscow, 2010. P. 29–48. (In Russ.)
15. Sokolovsky, S. V. Thing and power in everyday consciousness (autoethnographic studies). *Ethnomethodology: problems, approaches, concepts*. Issue 7. Moscow, 2000. P. 70–108. (In Russ.)
16. Sokolovsky, S. V. Life as a field: notes on autoethnography. *Celebrating the 60th anniversary of the Northern Expedition of the RAS N. N. Miklukho-Maklai Institute of Anthropology and Ethnography*. (E. A. Pivneva, Ed.). Moscow; St. Petersburg, 2017. P. 167–188. (In Russ.)
17. Sokolovsky, S. V. The field that you never leave (autoethnographic sketches). Available at: www.ethnonet.ru/lib/0503-04.html (accessed 19.02.2025). (In Russ.)
18. Shabalina, O. V. “...I am a museum worker; I have developed this calling in myself” (to the anniversary of Evgeniya Yakovlevna Patsiya). *Herald of the Kola Science Centre of RAS*. 2020;2(12):58–68. DOI: 10.37614/2307-5228.2020.12.2.007 (In Russ.)

Received: 28 February 2025; accepted: 9 June 2025

МАРИЯ НИКОЛАЕВНА МАЛАШЕВСКАЯ

кандидат исторических наук, доцент кафедры теории общественного развития стран Азии и Африки Восточного факультета

Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Российская Федерация)

ORCID 0000-0003-3087-8722; m.malashevskaya@spbu.ru

ТРИ ТИПА ХАРИЗМАТИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА В ЯПОНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

А н н о т а ц и я . Исследуется проблема типологизации харизматизма в японской традиционной политической культуре, которая выступает базой для современной политической культуры, синтезировавшей исторически устоявшиеся нормы и правила регулирования общественных отношений и заимствования китайских и западных политических норм и институтов. Актуальность и новизна исследования объясняются как усилением роли института лидерства в азиатских обществах в течение последних десятилетий, так и недостаточной изученностью харизматического лидерства, его исторических форм, типологии и значения в политических культурах Азии, в частности в политической культуре и системе Японии. В результате проведенного исследования выделены три основных исторических типа японского харизматизма: реформатор, герой и властитель. Изучение японского харизматизма проводилось на основе сравнительного и проблемного анализа источников исторического и политического характера, литературных памятников и научной литературы. Примеры актуализации харизматизма в японском обществе на рубеже XX–XXI веков показаны методом аналогии. В качестве примеров харизматических лидеров представлены исторические фигуры, которые выделяются представителями японского общества как значимые лидеры, оставившие заметный след в японской национальной культуре и национальном самосознании.

К л ю ч е в ы е с л о в а : харизматизм, М. Вебер, политическая культура, история Японии, модернизация, Сётоку Тайси, Минамото Ёсицунэ, Ода Нобунага

Д л я ц и т и р о в а н и я : Малашевская М. Н. Три типа харизматического лидерства в японской политической культуре // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 6. С. 112–121. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1223

ВВЕДЕНИЕ

В представленной статье изучается проблема функционирования харизматизма в японской традиционной политической культуре (ТПК), которая инкорпорирована в современную политическую культуру путем синтеза устоявшихся норм и правил регулирования общественных отношений и заимствований китайской ТПК и западных политических норм на фоне вестернизации и модернизации. Актуальность данной тематики объясняется заметным ростом значимости института лидерства и внимания к харизматизму в азиатских обществах в последние десятилетия. В Японии начиная с 1980-х годов наблюдается рост интереса к развитию и воспитанию лидеров, способных мобилизовать непосредственных управляемых и широкие массы на решение текущих задач. В отечественных исследованиях харизматическому лидерству в Азии уделено недоста-

точное внимание, авторы нередко сводят яркий политический стиль отдельных политических и бизнес-лидеров к популизму или общей неконкретизированной оценке харизматического господства как формы сакральной власти или традиционного господства, когда харизматический лидер на Востоке «лучше других и поэтому лучше знает, что делать, и общество не должно его контролировать» [9: 107]. Подобные оценки не объясняют специфику харизматизма на Востоке, в частности в Японии, упускают важные атрибуты данного типа господства: аномальность лидера, инновационность его поведения и программы, реакцию со стороны управляемых, отличия данного типа господства от традиционного и рационального (в терминах М. Вебера). Проблема и специфика власти харизмы в Японии на привлекала внимания отечественных японистов как отдельная тема научного анализа.

В зарубежной литературе японская политическая культура оценивается как традиционная, регулируемая за счет клановой иерархии, обычая и традиции. Японские авторы затрагивали проблему лидерства и харизматизма, однако рассматривали отдельные его виды и не давали системной оценки, выделяя проблему харизмы сакральной фигуры императора [5: 32], [8: 315], харизмы военных правителей (сёгунов) [17], лидерства и его элементов в отношениях лидера и последователей [24], [25], [26], в контексте проблематики, связанной с менеджментом и системой административного управления. Новизна данной работы состоит в попытке объяснения специфики и типологизации харизматического господства в Японии на основе исторических примеров, реакции на инновационное поведение харизматиков со стороны японской аудитории и поиск аналогов в актуальной политической истории страны.

Автор статьи выделяет три основных типа японского харизматизма, которые прослеживаются на протяжении длительного исторического времени и особенно ярко проявляются в бифуркационные эпохи, провоцирующие необходимость восхождения ярких лидеров. В работе использованы следующие методы: метод кейсов для рассмотрения отдельных случаев и ситуаций, метод аналогии, сравнительный и проблемный анализ. Источниками исследования выступают исторические, политические, публицистические, литературные произведения. Выбор отдельных харизматических лидеров, поведение которых разбирается в статье, обусловлен широким признанием этих исторических персонажей со стороны японского общества и их ценностью для национальной культуры.

Харизматизм и властно-управленческая система тесно связаны между собой. М. Вебер сформулировал проблему традиционного, рационального и харизматического господства, согласно которой деятельность харизматического лидера ставила своей целью достижение внепрагматических задач, реализуемых на основе эмоционального подчинения авторитету лидера. Природа данного типа лидерства носит иррациональный характер и ставит своей целью инновационное преобразование общества. Харизматический лидер принимает неординарные решения в чрезвычайных ситуациях [2: 184]. В рамках властно-управленческой системы, как отмечал В. В. Бочаров,

«управление понимается как упорядочение системы. Оно обуславливается взаимодействием управляющего (управляющей системы) и управляемого (управляемой системы). Это взаимодействие осуществляется посредством циркуляции информации от управляющей системы (генератора управляющей информации) по каналам

связи к управляемой системе и от нее к управляющей системе по принципу обратной связи. На этом этапе она определяется как осведомляющая или контролирующая» [1: 12–13].

Харизматический лидер, таким образом, решает задачи по переходу общества на новый уровень развития в критические моменты, требующие инноваций.

Ниже выделены несколько переходных эпох в японской истории:

1. Период модернизации-китаизации VII века, осуществленной императорским двором и принцем-реформатором Сётоку Тайси.

2. Эпоха формирования дуальной модели власти в XII столетии, внутри которой сакральные и административные функции распределились между двумя ее базовыми элементами – императорским домом и военной ставкой сёгуна, когда ритуальные функции в поддержании гармонии в государстве сохранялись за императором, а вопросы административного управления передавались ставке.

3. Десятилетия объединения Японии и переход к последнему сёгунату в XVI – начале XVII столетия, когда на сцену вышли не связанные с императорской фамилией военные кланы, под властью которых страна была объединена и достигла высокого уровня развития национальной культуры и экономики.

ХАРИЗМАТИЗМ РЕФОРМАТОРА

Чтобы показать связь моделей харизматизма в японской истории, подчеркнем, что в эпоху Мэйдзи (1868–1912) архитекторы реформ обратились к историческому опыту тысячелетней давности, а именно к реформам по китаизации политической структуры, созданию первого придворного правового государства и реформаторской деятельности одного из харизматических лидеров Японии – *принца Сётоку Тайси* (574–622). В период реформ Тайка (девиз правления, означающий «Великие преобразования», 645–650 годы, император Котоку) были продолжены коренные преобразования в области управления государством и религии, определившие развитие бюрократического государства и его идеологии [3: 116]. Идеологом реформ выступил принц Сётоку Тайси, сделавший ставку на распространение в Японии универсальной религии – буддизма, централизации власти в руках бюрократии – администрации при императоре Японии. «Конституция Сётоку» (604 год, «Семнадцатистатейное уложение») ознаменовала становление японского государства в качестве правового рационального образования и стала образцом реформаторской деятельности, а этической базой

выступало конфуцианство. Текст «Конституции» представляет собой моральную программу для правящих и управляемых, в нем указаны функции чиновнического аппарата, а в третьей статье подчеркивается гармоничное взаимодействие государя и его подданных, взаимозависимость которых уподобляется небу и земле [12: 127]. При помощи указов в японское общество внедрялись конфуцианские идеологемы строго иерархизированного подчинения низших высшим и всеобщего подчинения императору, космологическая функция такой системы состоит в поддержании мира и гармонии в обществе.

Принц Сётоку ввел в японскую политическую структуру китайскую ранговую систему, состоявшую из двенадцати рангов, сформулированных согласно конфуцианским представлениям о добродетелях *цзюньцзы* (благородный муж) – чиновников государства. Политика и ритуал визуализировались при помощи одежд императора, царедворцев и прочих должностных лиц, регламентировались по форме и цвету согласно китайской натурфилософии [4: 53].

Личность Сётоку Тайси пользовалась неизменным уважением в японском обществе с эпохи раннего Средневековья: Д. Квинтер отметил, что он «почитался как одаренный ребенок, преданный сын, военачальник, великий государственный муж, культурный герой и поборник буддизма» [18: 155–156]. Благодаря заслугам перед государством и огромной роли, которую он сыграл в распространении буддизма в стране, принц Сётоку стал объектом поклонения, был обожествлен, возник культ поклонения этому божеству, ставший весьма популярным в Японии [18: 153]. Тексты, посвященные жизнеописанию Сётоку Тайси и его деяниям, получили широкое хождение с XI столетия, а в XIX веке в период реставрации императорской власти и модернизации эпохи Мэйдзи фигура принца Сётоку использовалась в качестве образца для подражания, позднее его изображение было помещено на банкноту номиналом 10 тыс. йен. Историк Сато Хиро назвал его «национальным идиолом» [23]. Политолог Окуда Кадзухико подчеркнул важнейшую роль принца Сётоку Тайси в формировании нового государства путем адаптации буддизма и конфуцианства и создания особой «гражданской религии», выступавшей в роли фундамента политики и цивилизации в новой Японии [22: 184–186].

Принц Сётоку почитается сегодня как национальный герой, японской молодежи его созидательная роль объясняется в качестве «архитектора создания новой страны»¹. В последние десятилетия образ Сётоку Тайси пользуется

большой популярностью в общественном дискурсе. Обучающие программы для школьников от национальной радиовещательной компании NHK говорят о личности принца и его реформах на поприще внедрения новой идеологии, имя принца связывается с важнейшей общественной ценностью – гармонией², где предпочтение отдается консенсусу, а не конфликту. Реформатор обращает свою деятельность не на личные амбиции, а на общественное благо – построение новой страны на основе идеалов справедливости.

Таким образом, первая модель японского харизматического лидерства в лице национального героя – это *интеллектуал-реформатор*, сочетающий конфуцианские и буддийские добродетели, результаты деятельности которого заключаются в коренном преобразовании государства и общественной системы. Такой герой всегда действует в общественных интересах и имеет элитарное происхождение, легитимизирующее положение лидера.

ХАРИЗМАТИЗМ ГЕРОЯ-ВОИТЕЛЯ: ПОЗИТИВНАЯ И НЕГАТИВНАЯ МОДЕЛИ

Вторым историческим типом харизматического лидерства в Японии представляется фигура *героя-воителя*, однако в общественных оценках в ней выделяются два модуса – позитивный (*герой*) и негативный (*властитель*). Японский социолог Мураками Мориюки отметил, что харизматизм военного правителя преобладал в Японии, в отличие от Китая с его мощной бюрократической гражданской культурой, на протяжении столетий [17]. Двумя типичными примерами выступают *герой* Минамото Ёсицунэ (1159–1189) и *властитель* Ода Нобунага (1534–1582). Оба исторических лица были выходцами из военной элиты страны, их положение являлось априори вассальным по отношению к царствующему императору и императорскому роду в рамках дуалистичной системы власти и сложившейся иерархической пирамиды, на вершине которой стоял императорский дом, затем располагались родовитые дома знати, ведущие свою генеалогию от японских божеств, ниже стояли военные родовитые дома.

Герой

Аристократический клан Минамото вел свою родословную от побочной ветви императорской фамилии из числа потомков императора Сэйва (850–881); выходцы этого семейства обладали военными талантами, поэтому нередко получали высокие военные чины [14: 3]. Одновременно с возвышением дома Минамото укреплял свое влияние другой клан – Тайра. Вследствие династического кризиса между экс-

императором Сутоку и интронизированным императором Го-Сиракава и его братьями началась острая борьба за власть («Смута говод Хогэн», 1156 год), на стороне двух лагерей выступили выходцы семейств Тайра и Минамото. Победившая партия Тайра Киёмори и Минамото Ёситомо поддерживала Го-Сиракава, впоследствии произошёл раскол в их лагере, что привело к узурпации власти в середине XII столетия главой дома – Тайра Киёмори (1118–1181). Война между потомками Ёситомо и Киёмори привела к падению дома Тайра и возникновению новой системы власти – «бакуфу» (сёгунат). Главными лицами борьбы кланов Тайра и Минамото со стороны последнего стали сводные братья, сыновья Ёситомо – Ёритомо и Ёсицунэ.

Тайра Киёмори в литературных памятниках и национальной памяти представлен в образе хитрого авторитарного правителя, деятельность которого оценивается в Японии преимущественно негативно, поскольку она отмечена жаждой власти, нарушением буддийской морали, что резко порицалось обществом. Ёритомо оценен в качестве прагматичного политика, в литературном памятнике «Сказании о Ёсицунэ» он назван «камакурским правителем» по месту расположения ставки военачальника. Личность его брата Ёсицунэ связана с позитивным восприятием *харизматика-героя*, обладающего многими дарованиями и притягательной для окружающих индивидуальностью. Борьба Тайра и Минамото описана в нескольких литературных памятниках *гунки* (военные эпосы), в частности в «Повести о доме Тайра» и «Сказании о Ёсицунэ». В «Повести о доме Тайра» подчеркивается жесткость и властность Киёмори³. Объем власти Киёмори над подданными, вассалами и государственными чиновниками, его личное влияние на вкусы и политические интриги, высокомерное отношение к другим кланам сочетались сраболепным к нему отношением и стремлением многих домов породниться с кланом Тайра⁴. В сказании порицается свирепость Киёмори, его «самоуправство» и игнорирование власти императора, что в глазах японских буддистов свидетельствовало о конце света⁵. Важный параметр японской ТПК, отмеченный в повести, – принадлежность к элитному родовитому клану и почитание генеалогии. Род Тайра имел кровнородственные связи с монаршей фамилией, что давало право претендовать на власть по праву рождения, однако завоевал свое могущество политическими маневрами и военной мощью, оттеснив от кормила власти старые влиятельные кланы.

Властному Тайра Киёмори противопоставлен трагический герой Минамото Ёсицунэ, кото-

рый был вынужден скрываться от преследований со стороны дома Тайра. В «Сказании о Ёсицунэ» подчеркивается, что японское военное сословие преклонялось перед талантом Ёсицунэ, который «явил миру свое боевое искусство» и не имел себе равных⁶. Пристальное внимание автор повести уделит становлению героя, раскрывавшего заложенные в нем таланты по ходу повествования. Юного Ёсицунэ отправили в храм Курама, чтобы удалить от столичных дел и дать возможность постигнуть науки, в которых он значительно преуспел, однако в возрасте шестнадцати лет он покинул священную обитель и отправился на поиски своего брата Ёритомо, ставшего главой клана. В пути он привлекал внимание людей, которые по аристократическим манерам и внешнему виду догадывались о его происхождении. Харизма будущего полководца проявилась во время встречи с будущим верным соратником монахом Бэнкэем, разбойничавшим в Киото. Бэнкэй обладал незаурядным ростом, строптивым характером, умом и талантом воина, однако был поражен видом Ёсицунэ, ходившего по столице в женском одеянии и игравшего на флейте. Ёсицунэ заручился верностью Бэнкэя, одержав над ним победу в уличной схватке и в чтении сутр во время молебна в храме Киёмидзу. Толпа молящихся отдавала предпочтение Ёсицунэ, восклицая: «Вот тоже человек необыкновенный!»⁷ После победы над Тайра между братьями Ёсицунэ и Ёритомо произошёл раскол, поскольку Ёсицунэ стремился получить власть не только над воинами, но и над землями, пользуясь при этом огромным авторитетом среди самураев именно благодаря таланту полководца. Сато Хироаки отметил, что в официальной хронике «Адзума кагами» Ёсицунэ упоминается очень скупо:

«Известно лишь, что за год с небольшим <...> он показал себя одним из самых блестящих полководцев за всю историю Японии, но потом подвергся преследованиям со стороны брата и умер» [15: 136].

Его подвиги сохранились в народной памяти в виде легенд и военного эпоса. За Ёсицунэ следовали не только воины, популярность сделала его завидным женихом и любовником, поэтому влюбленные в него женщины также шли за ним. Ёсицунэ попал в немилость своего брата Ёритомо и в конечном итоге был вынужден убить свою жену, дочь и совершить самоубийство. Танцовщица Сидзука, возлюбленная Ёсицунэ, также пострадала, попав в руки Ёритомо⁸. Авторитет Ёсицунэ сохранился и после его гибели: когда его голову везли в ставку, «говорят, все, кто видел это, рыдали и вытирали слезы рукавами» [15: 180]. В конфуцианской этике категория *жэнь* (гуманность) выступает важной ценностью, наруша-

ющие ее исторические лица и литературные герои оцениваются негативно. Буддийская мораль закрепляет эту ценность, поскольку гуманность по отношению ко всем живым существам сохраняет баланс в мире.

Согласно тексту «Сказания о Ёсицунэ», харизма героя в глазах людей, подвергающихся ее воздействию, основана 1) на высоком происхождении Ёсицунэ, которое не обличено статусной одеждой, но его манеры, белое лицо, речь, в ряде случаев властный тон обнаруживают происхождение героя; 2) для обладателя харизмы обязательна даровитость в избранном им деле (талант воина и полководца); 3) наличие конфликта и победа над врагами благодаря таланту. Однако в конце Ёсицунэ постигла трагическая судьба – он совершил ритуальное самоубийство.

Талант и успехи Ёсицунэ позволяют ему легитимизировать власть Ёритомо в глазах вассалов. В рамках японской культуры нестигаемость на избранном пути и успехи представляют значимый параметр харизмы. Данная модель функциональна в длительной исторической перспективе, что подтверждается неизменной популярностью модели Ёсицунэ с XII века до настоящего времени, когда он становится героем произведений исторической и художественной литературы, изобразительного и театрального искусства, кинематографа. В 2004 году вышла манга, посвященная Ёсицунэ; в 2004–2005 годах, в период премьерства Коидзуми Дзюньитиро, национальный телеканал NHK выпустил на телеэкраны Японии многосерийный исторический сериал «Ёсицунэ», где дается новая трактовка исторического сюжета, известного всем японцам⁹. Интерпретация главного героя смещает акценты в пользу его взглядов об общем благе, распространяемом на всех японцев, хотя в оригинальном тексте подобные идеи отсутствуют, поскольку в средневековом тексте на первое место выходят путь Ёсицунэ и становление его как героя, верного соратника Ёритомо, достойного представителя дома Минамото. Если идеалами средневекового героя являлись преданность дому и борьба с врагом императорского дома, то в фильме 2005 года деятельность Ёсицунэ наделяется современным содержанием – забота о благополучии японского народа, что корреспондировало с лозунгами премьер-министра Коидзуми Дзюньитиро, нацеленными на преодоление общих проблем всех японцев, а не отдельной социальной группы.

Властитель

Образцом *властителя-управленца* выступает жестокий харизматик – первый объединитель Японии в эпоху феодальной раздробленности

Ода Нобунага (1534–1582). Окружающие воспринимали его как харизматика, но жестокость, авторитарность и стремление установить свою волю сформировали негативный модус харизмы в японской традиции. Харизматическое лидерство Ода Нобунага находит определенное сходство с положением Тайра Киёмори, поскольку оба лидера путем военного могущества, интриг и кровавых расправ смогли сконцентрировать в своих руках абсолютную государственную власть. В отличие от Тайра Киёмори и представителей клана Минамото, Ода Нобунага происходил не из аристократии, а из местного служилого дворянства при владетельных князьях Сиба в провинции Овари, члены вассального клана Ода занимались административным управлением провинцией [6: 19–20]. В XV столетии в разгар эпохи воюющих княжеств, когда было широко распространено явление *гэкокудзэ* (низы ниспровергают верхи), клан Ода захватил власть в Овари, впоследствии дом раскололся на две ветви. Ода Нобунага был вторым сыном князя Ода Нобухидэ, но стал его наследником. Нобунага объединил под своей властью сначала провинцию Овари, вступая в ожесточенную борьбу с противоборствующими кланам соседних княжеств, затем начал борьбу, направленную на укрепление личной власти в столице и постепенное оттеснение сёгуна Асикага от власти. Современники отмечали, что Нобунага отличался себялюбием и часто нарушал принятые этикетные правила во время публичных событий. Первый биограф Нобунага Ота Гюити в начале XVII века писал, что на церемонии похорон своего отца будущий первый объединитель Японии позволил себе неподобающее одеяние и поведение: явился без шаровар-хакама, с несоответствующей случаю прической и с оружием в руках: «Многие порицали господина Нобунага, говоря, что всему виной было его обычное глупое себялюбие» [6: 26–27]. За нарушение бытового поведения и церемониала современники прозвали Нобунага *О-уцукэ*, то есть «большой дурак» [6: 27] или *Овари о-уцукэ*, то есть «дурак, пустозвон из Овари».

Другой современник Ода Нобунага иезуит Л. Фройс в 1569 году описал харизматизм японского 37-летнего военачальника: «необычайно звучный голос, словно предназначенный для командования войсками», энергичный, бесцеремонный и честолюбивый, «не обращающий внимание на замечания и советы своих подчиненных», «его все очень боятся и уважают» и «беспрекословно повинуются все как единовластному повелителю», при этом Ода содержал свой дом в порядке и обладал изысканным вкусом [6:

8–9]. Ота Гюити отмечал его талант организатора строительных работ во время возведения замка Торагодзэяма [10: 38–39], что сочеталось с нечеловеческой жестокостью, когда князь беспощадно расправился с врагами из замков Одори и Синохасэ [11: 394]. Нобунага смог завоевать авторитет не только жестокостью, но и талантом военачальника и неутомимой энергией, приносившей к подчинению. Как харизматик князь Овари выступает в качестве нарушителя не только бытовых норм, но и социально-иерархических императивов. Он смог сокрушить власть сёгуната Асикага, однако сила его контроля над собственными вассалами не была абсолютной: во время эры Гэнки (1570–1573), положившей конец второму сёгунату Японии, предательства со стороны вассалов Нобунага привели к потере позиций Ода [6: 82].

Гегемония Ода Нобунага укреплялась не только благодаря инновационности лидерского поведения и военным успехам, но и за счет успешных экономических реформ: он проводил патримониальную политику перераспределения земель, отнятых у противников и переданных вассалам, начал систематическую чеканку золотых монет и способствовал развитию торговли. Власть князя распространилась на захваченные им земли и императорский дом. Интересен факт, что, исходя из военной элиты провинциального уровня, он стремился поразить своих гостей-аристократов, союзников и вассалов изысканностью вкуса, отдавая предпочтение статусным антикварным вещам и произведениям мастеров [13: 44]. Могущество Ода потерпело крах, а сам военачальник был вынужден совершить церемониальное самоубийство *сэппуку* в 1582 году. Непосредственной причиной его падения была измена вассала Акэти Мицухидэ, который испытывал публичные унижения со стороны Нобунага, в то время как принадлежал к семье более высокого происхождения [13: 52]. Поведение Ода не вызывало сочувствия у современников, и его фигура долгое время, как и личность авторитарного Тайра Киёмори, оценивалась отрицательно. Однако в XX – начале XXI века успехи и достижения этого правителя были пересмотрены, о чем свидетельствуют кинематографические ленты, манга, компьютерные игры и анимэ, воспевающие Ода Нобунага в качестве национального героя, проявившего управленческий талант.

Новый взгляд на лидерские позиции Ода Нобунага, его талант военачальника и организатора хозяйственно-управленческой деятельности на объединенных территориях представлен в двухсерийном фильме «Ода Нобунага» (1992 год, реж. Садао Накадзима, в роли Ода

Нобунага – Ватанабэ Кэн)¹⁰. В конце XX столетия Япония как ведущая экономика глобального мира испытала необходимость в неординарных лидерах, обладающих сильными волевыми качествами в отличие от политиков послевоенных десятилетий (1950–1980-е годы), удовлетворивших общественную потребность в поддержании консенсуса и баланса между политическими силами, бизнесом и общественностью. Американский политолог Роберт Энджел в конце 1980-х годов, опираясь на японские работы и изучение политического поведения премьер-министра Накасонэ Ясухиро, обобщил модель японского послевоенного лидерства следующим образом:

«[Японская общественность] ожидала, что высокопоставленные японские политики, включая премьер-министров, станут “выразителями консенсуса”, а не волевыми лидерами, они будут обеспечивать то, что Мисуми Дзюдзи назвал лидерством, “ориентированным на сохранение”, но не “ориентированным на достижение цели”. От лидеров [премьер-министров] ждали, что они будут решительно действовать, игнорируя согласие внутри группы, только в том случае, если их вынудят события, которые они не могут контролировать, или в том случае, если они смогут это сделать так, будто бы их вынудили» [16: 584–585].

По мнению эксперта, яркий и волевой лидер Накасонэ Ясухиро (премьер-министр Японии в 1982–1987 годах) резко отличался от типичного премьер-министра своей авторитарной политической линией. В 1980-е годы Накасонэ действовал в непредсказуемых международно-политических условиях на фоне изменения биполярной системы международных отношений. Япония прочно занимала второе место по уровню экономического развития в капиталистическом мире, а к концу десятилетия стала второй экономикой мира. Этот период оценивается в качестве расцвета и благоденствия послевоенной Японии, Накасонэ стал выразителем мощи страны в экономическом и международном измерениях. Однако уже к концу десятилетия назрели экономические проблемы и после ухода Накасонэ с поста главы правительства наметился политический кризис, связанный с резким падением уровня доверия японских граждан к высокопоставленным политикам из правящей с середины 1950-х годов Либерально-демократической партии (ЛДП). Назрела необходимость реформировать послевоенную модель управления, чтобы преодолеть возникшие трудности «общества среднего класса». Кризисы начала 1990-х годов (крушение экономики мыльного пузыря, демографический кризис, международно-политический кризис, связанный с эскалацией ситуации на Ближнем Востоке, политический кризис из-за ухода доминантной партии ЛДП в оппозицию), на которые

не был дан адекватный ответ, привели к феномену «потерянного десятилетия» [19: 267–268], [21: 204], растянувшегося на тридцать лет, когда вплоть до 2020-х годов окончательный выход из экономической рецессии и неактивного состояния общества не найден. В кризисных условиях японские образовательные учреждения, публицисты и политический истеблишмент начали заявлять о необходимости смены лидерской парадигмы. Наметились две тенденции – появление ярких, неординарных лидеров-харизматиков и политика воспитания лидеров.

Кинолента «Ода Нобунага» вышла на фоне охвативших японское общество поисков новой модели лидерства. Князь Овари изображен неординарной личностью: с юных лет его поведение было нетипичным и неэтичным для наследника княжеского дома. Его тренировки и досуг с молодыми самураями и крестьянами вызывали неодобрение со стороны элиты княжества из окружения отца. В фильме Нобунага отвергает принятые этикетные нормы: носит на голове пучок, обнажает грудь, не гнушается общаться с низшими сословиями. Отражен исторический сюжет, отмеченный выше: на похоронах отца он появился в неподобающем виде – с пучком волос, с мечом в ножнах, вызвав общественное порицание. Ода считали недалеким грубияном, однако сватовство к дочери влиятельного князя Мино Сайто Досана – Нохимэ показало, что Ода способен соблюдать этикетные нормы и умеет сохранить лицо в острой словесной перепалке. В кинофильме молодой князь Овари выступает одиозным военачальником, в талант которого не верили некоторые вассалы его отца, однако амбициозность будущего объединителя Японии отметил владетельный князь и успешный полководец Сайто Досан. Тендем Ода – Сайто открыл дорогу к обширным завоеваниям и новым административным решениям. На протяжении всей киноленты демонстрируются волевые качества Ода Нобунага, его способность к неординарным поступкам, великодушие и требование неукоснительной преданности. Поскольку Ода начал объединять Японию на фоне первых контактов с европейцами, отражен и этот аспект его деятельности. Помимо эффективного применения князем огнестрельного оружия, Нобунага получает в подарок глобус и видит сравнительно небольшую территорию Японии и ее удаленное положение от всех важных политических центров, тем не менее он заявляет о намерении расширить пределы своей страны. Зрителю начала 1990-х годов такой подход должен был показать не местечковость японских правителей, а их спо-

собность формулировать обширную глобальную программу.

В фильме показаны атрибуты харизматического лидера-воина – его неординарный воинственный внешний вид (прическа и одежда); способность принимать смелые решения на профессиональном поприще; способность вести нетипичную брачную политику; умение быть отважным не только на поле битвы, но и в словесных баталиях; способность к инновационной организаторской и хозяйственной деятельности; принадлежность к правящей элите (княжеская семья); способность оценивать управляемых по заслугам, а не по происхождению. Однако негативными остаются личное стремление обрести власть и жестокость, идущая вразрез с буддийской и конфуцианской моралью. В истории Японии после неординарного Ода Нобунага в борьбу за власть вступили полководцы его лагеря, в том числе военачальники Тоётоми Хидэёси и Токугава Иэясу, их вассалы и влиятельные военные дома. В результате продолжительной борьбы властный, хитрый, но менее яркий Токугава военными успехами и путем политических интриг установил после победы в сражении при Сэкигахара в 1600 году власть своего дома, правившего до 1867 года.

Поведенческий образ Ода Нобунага в немалой мере будет повторен эксцентричным премьер-министром Коидзуми Дзюнъитиро, который в 1990-е годы стал заметным политическим лидером, а в 2001 году его избрали на пост премьер-министра Японии благодаря смелым популистским лозунгами. Как и Ода Нобунага, Коидзуми считали странной личностью и называли *хэндзин* (ненормальный, странный). Повторяя модель Нобунага, японский политик носил (и продолжает носить) нестандартную прическу, прозванную «львиной гривой», резко отличаясь от стандартизированных коротко стриженных японских политиков; пиджак, рубашки и галстуки нестандартных цветов визуализировали его лидерский стиль; проводимые реформы и патетика борьбы с политическими конкурентами повторяли модель политической борьбы первого объединителя Японии [7: 367]. На публике Коидзуми «шел в народ», общался с японцами напрямую, обладал ораторским дарованием, вступал в жесткую полемику с оппонентами на парламентских сессиях. Однако в 2006 году Коидзуми подвергся критике как со стороны своих сторонников, так и противников, а затем был предан ostracismu. Ода Нобунага в 1582 году был вынужден совершить ритуальное самоубийство, проиграв в политических интригах и борьбе, в 2009 году Коидзуми ушел с политической арены и до ка-

тастрофы на АЭС Фукусима в 2011 году оставил публичное пространство. Чистый харизматизм и воля к власти, невзирая на действительные административные заслуги, в обоих случаях признаются в качестве негативной стороны.

Японский коуч для лидеров Накатакэ Рюдзи утверждает, что харизматик деструктивен: навязывая свою волю группе, он ведет ее за собой, но после его ухода необходимо перенестраивать управленческий процесс, в то же время такой лидер обладает инновационным характером, практическим знанием в инновационном решении управленческих задач [20].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные модели харизматического лидерства в Японии выделяют архитипические черты харизматизма в его связи с традиционной властью. Мы выделили два модуса японского харизматизма – позитивный и негативный. К позитивному относится модель Сётоку Тайси – это харизматик-реформатор, образец реформаторской высокоинтеллектуальной и высокоморальной деятельности, положенной на благо государ-

ства, в случае Минамото Ёсицунэ – это герой, профессиональный воин из самурайского сословия, заслуживший положение талантом и человеколюбием. Негативный харизматизм выражен в исторической фигуре властителя Ода Нобунага; энергетика и властность лидера-воителя, его реформы в области администрирования, налогообложения, финансов, торговли, комплектования армии, деятельность в области строительства отмечены современниками и потомками, но амбициозность и жажда власти в культуре воспринимаются как порочные, поэтому его харизматизм, невзирая на заслуги, видится негативным. В истории Японии наблюдается релевантность моделей реформаторов, героев и властителей, которые, несмотря на меняющиеся условия XIX–XXI веков, оцениваются представителями японской культуры в рамках сложившейся парадигмы благосклонного отношения к харизматикам – реформаторам и героям, отдающим приоритет общим целям, и негативной оценки властителей, испытывающих эгоцентричную жажду личной власти.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ 聖徳太子～新しい国づくり～ // NHK for school. 歴史にどつきり (Создание новой страны // NHK for school. В шоке от истории) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www2.nhk.or.jp/school/watch/outline/?das_id=D0005120231_00000 (дата обращения 25.11.2024).

² Там же.

³ Повесть о доме Тайра: Эпос. (XIII в.) / Пер. со старояп. И. Львовой; Предисл. и коммент. И. Львовой; Стихи в пер. А. Долина. М.: Худож. лит., 1982. С. 28.

⁴ Там же. С. 34.

⁵ Там же. С. 57.

⁶ Сказание о Ёсицунэ / Пер. со старояп. яз. А. Н. Стругацкого. СПб.: Евразий, 2000. С. 5.

⁷ Там же. С. 85.

⁸ Там же. С. 218–219.

⁹ 大河ドラマ 義経 放送年度: 2004～2005年度 // NHKアーカイブス (Многосерийный сериал Ёсицунэ. Годы вещания: 2004–2005 // Архивы NHK) [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www2.nhk.or.jp/archives/movies/?id=D0009010523_00000 (дата обращения 25.11.2024).

¹⁰ Ода Нобунага (ТВ, 1992) // Кинопоиск [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.kinopoisk.ru/film/723353/?utm_referrer=www.google.com (дата обращения 25.11.2024).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бочаров В. В. Власть. Традиции. Управление. Попытка этноисторического анализа политических культур современных государств Тропической Африки. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1992. 296 с.
2. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: В 4 т. Т. IV. Господство. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 542 с.
3. Воробьев М. В. Япония в III–VII вв.: этнос, общество, культура и окружающий мир. М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1980. 344 с.
4. Иэнага Сабуро. История японской культуры / Пер. с яп. Б. В. Поспелова; Предисл. В. А. Кривцова; Коммент. П. Смирнова. М.: Прогресс, 1972. 231 с.
5. Китагава Дж. М. Религия в истории Японии / Пер. с англ. Н. М. Селиверстова; Под ред. С. В. Пахомова. СПб.: Наука, 2005. 588 с.
6. Ламерс Й. П. Японский тиран. Новый взгляд на японского полководца Ода Нобунага / Пер. с англ. Р. В. Котенко. СПб.: Евразия, 2012. 350 с.
7. Малашевская М. Н. Харизматизм премьер-министра Коидзуми Дзюнъитиро: атрибутика и специфика лидерской стратегии // Доклады международного конгресса по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: В 2 т. Т. II. СПб.: НП-Принт, 2022. С. 362–374.

8. Мещеряков А. Н. Японский тэнно и русский царь. Элементная база // *Orientalia et Classica*. Вып. VII: Политическая культура древней Японии / Под. ред. А. Н. Мещерякова. М.: РГГУ, 2005. С. 256–364.
9. Политические системы и культуры Востока / Под ред. А. Д. Воскресенского. М.: Восток-Запад, МГИМО-Университет, 2006. 688 с.
10. Полхов С. А. О:та Гю:ити. «Записи о князе Нобунага». Свиток V // *Ориенталистика*. 2020. № 3 (1). С. 31–48. DOI: 10.31696/2618-7043-2020-3-1-31-48
11. Полхов С. А. О:та Гю:ити. «Записи о князе Нобунага». Свиток VII // *Ориенталистика*. 2020. № 3 (2). С. 379–400. DOI: 10.31696/2618-7043-2020-3-2-379-400
12. Попов К. А. Конституция Сётоку (604 г. н. э.) // *Народы Азии и Африки*. 1980. № 1. С. 127–136.
13. Прасол А. Ф. Гибель Ода Нобунага: причины и обстоятельства // *新潟国際情報大学情報文化学部紀要*. 2014年. 第17号. 39–63頁.
14. Рай Дзю Сисей. История сиогуната в Японии / Пер. с яп. с примеч. и коммент. В. М. Мендрин. Кн. II. Владивосток: Восточный ин-т, 1911. 102 с.
15. Сато Хироаки. Самураи: история и легенды / Пер. с англ. Р. В. Котенко. СПб.: Евразия, 1999. 416 с.
16. Angel R. C. Prime ministerial leadership in Japan: recent changes in personal style and administrative organization // *Pacific Affairs*. 1988–1989. Vol. 61, № 4. P. 583–602.
17. Murakami (Abukuma) Moriyuki. Weberian sociology of Japanese rulership and religion. Master's thesis at Boston University, 1997 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://ainogakuen.ed.jp/academy/social/eg/moriyukis/japan/jp_ruler/jp_ruler_frame.html (дата обращения 15.12.2023).
18. Quinter D. Localizing strategies: Eison and the Shōtoku Taishi cult // *Monumenta Nipponica*. 2014. Vol. 69, No 2. P. 153–219.
19. Saxonhouse G. R., Stern R. M. The bubble and the lost decade // *The World Economy*. 2003. Vol. 26. С. 267–281.
20. 中竹 竜二. リーダーシップからフォロワーシップへ カリスマリーダー不要の組織づくりとは. 東京: メディアハウス, 2018年. 246 頁 (Накатакэ Рюдзи. От лидерства к следованию: Как создавать организацию без харизматичного лидера. Токио, 2018. 246 с.).
21. 小川 一夫. 「失われた十年」の真実—実体経済と金融システムの相克. 東京: 東洋経済新報社, 2009年. 392 頁. (Огава Кадзуо. Правда о «потерянном десятилетии»: противостояние реального сектора экономики и финансовой системы. Токио, 2009. 392 с.).
22. 奥田 和彦. 権力と文明 — 聖徳太子の市民宗教 // *国際交流学部紀要*. フェリス女学院大学. 2018 年. 第20号. 169–205 頁. (Окуда Кадзухико. Власть и цивилизация: гражданская религия Сётоку Тайси // *Вестник факультета международного обмена Женского университета Ферриса*. 2018. № 20. С. 169–205).
23. 佐藤 弘夫. 親鸞と聖徳太子. 奈良女子大学けいはんな公開シンポジウム 聖徳太子像の再構築. 2021年5月8日 (Сато Хиро. Синран и Сётоку Тайси // *Материалы пленарного заседания симпозиума Кото-Осака-Нара к реконструкции памятника Сётоку Тайси*. Женский университет г. Нара. 2021. № 5. С. 8) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.nara-wu.ac.jp/liaison/lecture/20210508/sato.pdf> (дата обращения 25.11.2024).
24. 塹江 清志. 「生きがい」の原理について日本的リーダーシップの条件 // *日本経営工学会誌*. 1988年. 第39巻, 第5号. 330–336 頁. (Хориэ Киёси. Условия японского лидерства: Принцип «икигай» // *Нихон кэйэйко:гаку кайси*. 1988. Т. 39, № 5. С. 330–336).
25. 塹江 清志. 「一体感」の心理について: 日本的リーダーシップの条件 // *日本経営工学会誌*. 1990年. 第41巻, 第3号. 185–192頁 (Хориэ Киёси. О психологии «чувства сопричастности»: условия для японского лидерства // *Нихон кэйэйко:гаку кайси*. 1990. Т. 41, № 3. С. 185–192).
26. 塹江 清志. 日本的リーダーシップ能力の向上方策について // *日本経営工学会誌*. 1991年. 第42巻, 第1号. 45–49 頁. (Хориэ Киёси. О стратегии укрепления потенциала японской модели лидерского поведения // *Нихон кэйэйко:гаку кайси*. 1991. Т. 42, № 1. С. 45–49).

Поступила в редакцию 26.11.2024; принята к публикации 09.06.2025

Original article

Maria N. Malashevskaya, Cand. Sc. (History), Associate Professor, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation)
ORCID 0000-0003-3087-8722; m.malashevskaya@spbu.ru

THREE TYPES OF CHARISMATIC LEADERSHIP IN JAPANESE POLITICAL CULTURE

Abstract. The article discusses the issue of categorizing charisma within Japanese political culture, which serves as the foundation for modern political culture of Japan. This culture combines historical norms and rules of public affairs management with Chinese and Western political standards and institutions, adopted in Japanese political culture and structure. The relevance and novelty of the research is explained both by the strengthening of the role of the institute of leadership in Asian societies over the past decades, and by the insufficient study of charismatic leadership, its historical forms, typology, and significance in Asian political cultures, in particular, in the political culture and system

of Japan. This research touches three major historical forms of Japanese charismatic leadership: 'reformer', 'hero', and 'ruler'. The examination of Japanese charisma is based on a comparative and problem analysis of historical, political, literary, and academic sources. Historical examples and personalities are also compared with the leaders at the turn of the XXI century to emphasize the significance of charisma in modern Japanese society. Historical figures selected as vivid examples of charismatic leaders are those seen in Japanese society as outstanding personalities who left a notable mark on the development of Japanese national culture and identity.

Keywords: charisma, Max Weber, political culture, Japanese history, modernization, Prince Shotoku, Minamoto Yoshitsune, Oda Nobunaga

For citation: Malashevskaya, M. N. Three types of charismatic leadership in Japanese political culture. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(6):112–121. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1223

REFERENCES

1. Bocharov, V. V. Power. Traditions. Government. An attempt of an ethno-historical analysis of the political cultures of contemporary Sub-Saharan Africa. Moscow, 1992. 296 p. (In Russ.)
2. Weber, M. Economics and society: an outline of interpretive sociology. In 4 vols. Vol. 4. Domination. Moscow, 2019. 542 p. (In Russ.)
3. Vorobyov, M. V. Japan in the III–VII centuries. Ethnicity, society, culture and the outside world. Moscow, 1980. 344 p. (In Russ.)
4. Ienaga, Saburo. The history of Japanese culture. Moscow, 1972. 231 p. (In Russ.)
5. Kitagawa, J. M. Religion in Japanese history. St. Petersburg, 2005. 588 p. (In Russ.)
6. Lamers, J. P. Japonius Tyrannus: The Japanese warlord Oda Nobunaga reconsidered. St. Petersburg, 2012. 350 p. (In Russ.)
7. Malashevskaya, M. N. The charisma of prime minister Koizumi Junichiro: attributes and specifics of leadership strategy. *Proceedings of the International Congress on Historiography and Source Studies of Asia and Africa*. 2022;2:362–374. (In Russ.)
8. Meshcheryakov, A. N. Japanese tenno and Russian tsar. Element base. *Orientalia et Classica. Vol. VII: Political culture of Ancient Japan*. (A. Meshcheryakov, Ed.). Moscow, 2005. P. 256–364. (In Russ.)
9. Political systems and cultures of the Orient. (A. D. Voskresensky, Ed.). Moscow, 2006. 688 p. (In Russ.)
10. Polkhov, S. A. Ōta Gyūichi. "Shinchō-kō ki". Book V. *Orientalistica*. 2020;3(1):31–48. DOI: 10.31696/2618-7043-2020-3-1-31-48 (In Russ.)
11. Polkhov, S. A. Ōta Gyūichi. "Shinchō-kō ki". Book VII. *Orientalistica*. 2020;3(2):379–400. DOI: 10.31696/2618-7043-2020-3-2-379-400 (In Russ.)
12. Popov, K. A. The Seventeen-Article Constitution (604). *Peoples of Asia and Africa*. 1980;1:127–136. (In Russ.)
13. Prasol, A. F. Oda Nobunaga's death: causes and circumstances. 新潟国際情報大学情報文化学部紀要. 2014;17:39–63. (In Russ.)
14. Rai, Jio Sisei. The history of the Shogunate in Japan. Vol. 2. Vladivostok, 1911. 102 p. (In Russ.)
15. Sato, Hiroaki. Legends of the samurai. St Petersburg, 1999. 416 p. (In Russ.)
16. Angel, R. C. Prime ministerial leadership in Japan: recent changes in personal style and administrative organization. *Pacific Affairs*. 1988–1989;61(4):583–602.
17. Murakami (Abukuma), Moriyuki. Weberian sociology of Japanese rulership and religion. Master's thesis at Boston University, 1997. Available at: https://ainogakuen.ed.jp/academy/social/eg/moriyukis/japan/jp_ruler/jp_ruler_frame.html (accessed 25.11.2024).
18. Quinter, D. Localizing strategies: Eison and the Shōtoku Taishi cult. *Monumenta Nipponica*. 2014;69(2):153–219.
19. Saxonhouse, G. R., Stern, R. M. The bubble and the lost decade. *The World Economy*. 2003;26:267–281.
20. 中竹 竜二。リーダーシップからフォロワーシップへ カリスマリーダー不要の組織づくりとは。東京: メディアハウス、2018年。246 頁。
21. 小川 一夫。「失われた十年」の真実—実体経済と金融システムの相克。東京: 東洋経済新報社、2009年。392 頁。
22. 奥田 和彦。権力と文明 — 聖徳太子の市民宗教。国際交流学部紀要。フェリス学院大学。2018 年。第20号。169–205 頁。
23. 佐藤 弘夫。親鸞と聖徳太子。奈良女子大学けいはんな公開シンポジウム 聖徳太子像の再構築 / 奈良女子大学けいはんな公開シンポジウム。2021年5月8日。 <http://www.nara-wu.ac.jp/liaison/lecture/20210508/sato.pdf> (参照25.11.2024)。
24. 塹江清志。「生きがい」の原理について日本的リーダーシップの条件。日本経営工学会誌。1988年。第39巻、第5号。330–336 頁。
25. 塹江清志。「一体感」の心理について：日本的リーダーシップの条件。日本経営工学会誌。1990年。第41巻、第3号。185–192頁。
26. 塹江清志。日本的リーダーシップ能力の向上方策について。日本経営工学会誌。1991年。第42巻、第1号。45–49頁。

Received: 26 November 2024; accepted: 9 June 2025

ВЛАДИМИР ПАВЛОВИЧ УМНОВ

кандидат психологических наук, доцент кафедры теории и методики физического воспитания Института физической культуры, спорта и туризма

Петрозаводский государственный университет

(Петрозаводск, Российская Федерация)

ORCID 0000-0001-9428-5147; uvpp@mail.ru

Рец. на кн.: Калинина Е. А. Очерки истории карельского спорта в 1918–1945 годах / Е. А. Калинина ; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозав. гос. ун-т. – Петрозаводск : Издательство ПетрГУ, 2024. – 343 с.

Для цитирования: Умнов В. П. Рец. на кн.: Калинина Е. А. Очерки истории карельского спорта в 1918–1945 годах / Е. А. Калинина ; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозав. гос. ун-т. – Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2024. – 343 с. // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2025. Т. 47, № 6. С. 122–123. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1224

Изучение векторов эволюции физкультурного образования, преемственности ступеней образования, обобщение имеющегося опыта организации системы и ее поддержки на государственном и региональном уровнях имеют кардинальное значение для улучшения системы образования по физической культуре как на местном уровне, так и в стране в целом. В этой связи предлагаемая читателю книга имеет социальное значение. В ней автор, используя историко-системный подход, подверг детальному анализу архивно-документальные источники, посвященные истории становления и развития физической культуры и спорта в Карелии с 1918 по 1945 год.

Е. А. Калинина предприняла попытку не только выяснить отдельные стороны влияния физической культуры и спорта на личность, но также всесторонне изучить и представить облик людей, занимающихся физической культурой и спортом. Она не обошла стороной становление и развитие физкультурного образования в Карелии, что позволяет создать представление о генезисе системы физкультурно-профессионального образования в регионе. Применяя историко-социологический подход, Е. А. Калинина приоткрывает механизм взаимодействия личности и спорта, личности и общества, спорта и общества. С этой позиции впервые в Карелии рассматривается становление и развитие системы физической культуры и спорта, а также физкультурного образования, что говорит об актуальности и оригинальности исследования.

Первая глава книги посвящена системе управления физической культурой и спортом в Карелии. Показан генезис становления управленческих органов физкультурно-спортивной деятельности молодой России. Венцом зарождавшейся системы явилось создание в 1936 году Всесоюзного Комитета по делам физической культуры и спорта при СНК СССР, который осуществлял руководство «всеим делом физической

культуры и спорта», подготовкой и распределением кадров, использованием спортивных сооружений и инвентаря. В Карелии для аналогичных целей был создан Комитет по делам физической культуры и спорта при Совнаркоме АКСССР.

Во *второй главе* рассмотрено становление системы физической культуры и спорта в Карелии в 1920-е годы. Экономический кризис после Гражданской войны вызвал необходимость жесткой экономии во всех сферах жизнедеятельности страны. Это привело к интеграции сети спортивных клубов и кружков и созданию единой в стране общественной организации – Российского союза красных организаций физической культуры (РСКОФК). В Карелии в РСКОФК вошли спортивно-гимнастические общества «Сokol» в Олонецкой губернии, Повенецкий и Вытегорский кружки любителей зимнего спорта, Петроградский яхт-клуб в Олонецкой губернии. Основные задачи в проведении спортивно-массовых мероприятий заключались в пропаганде достижений советского строя, популяризации различных видов спортивной деятельности, агитации населения к занятиям физической культурой и спортом. Однако местное население не проявляло активного интереса к занятиям физической культурой и спортом, что может быть связано, по мнению Елены Александровны, с тем, что во взаимоотношениях общественных спортивных организаций с губернским РСКОФК имели место противоречия и разногласия.

Третья глава посвящена развитию физической культуры и спорта в Карелии с 1930 по 1940 год. ЦК ВКП(б), подводя итоги развития физической культуры и спорта в СССР за 1919–1929 годы, в Постановлении «О физкультурном движении» отметил слабый охват населения физической культурой, рекордсменский уклон, ведомственную неразбериху. Для устранения имевшихся недостатков предлагались усиление и централизация государственного руководства в области

физической культуры и спорта. Программным шагом явилось создание в 1930 году Всесоюзного Совета физической культуры (ВСФК) при ЦИК СССР на правах государственного органа в физкультурном движении. Это способствовало росту численности занимающихся физической культурой. Так, в Карелии в начале 1930 года было создано четыре городских спортивных организации, в 1935 году – 47, а в 1939 году – 237.

30-е годы XX столетия характеризуются не только поступательным развитием СССР, но и политическими репрессиями. Под их лемех попали многие карельские спортсмены, персонализированные в представленной книге. Это отразилось на дальнейшем развитии спорта в Карелии. Так, если до 1938 года карельская сборная команда являлась активным участником многих всероссийских и всесоюзных соревнований по лыжам, боксу, борьбе, то с 1939 года карельские спортсмены в соревнованиях высокого уровня участия не принимали.

В книге представлен путь развития физкультурного движения жителей сельской местности, истоки которого закладывались уже в 1920-е годы. Началом активной деятельности по внедрению физической культуры и спорта в деревне, особенно в Карелии, можно считать 1930-е годы. Однако отсутствие государственного финансирования, низкий уровень физкультурно-спортивного инвентаря и оборудования отрицательно сказывались на привлечении жителей села к занятиям физической культурой и спортом. Причем крестьянское население рассматривало занятия физкультурой как забаву и бесполезную трату времени, особенно в летнюю страду, а 8 % отчисления из колхозных бюджетов на строительство спортивных сооружений было дополнительным налоговым обременением.

Четвертая глава книги посвящена состоянию физической культуры и спорта в Карелии в годы Великой Отечественной войны. Вся физкультурно-спортивная работа Карельского Комитета по физкультуре и спорту была подчинена подготовке резервов для Советской армии, обеспечению военно-физической подготовки населения, а также восстановлению здоровья и работоспособности раненых воинов с помощью

лечебной физкультуры. Как знаменательное событие в общественной и культурной жизни Карелии автор отмечает открытие в марте 1945 года в г. Сортавале техникума физической культуры. В это же время была открыта Детская спортивная школа с отделениями гимнастики, лыжного и конькобежного спорта.

В заключительной *пятой главе* книги рассматриваются эволюционные преобразования в становлении и развитии отдельных видов спорта в Карелии. Е. А. Калининой удалось выделить экономические, политические, идеологические и правовые аспекты спорта, а также показать, что спорт является уникальным средством воспитания людей, частью человеческой культуры.

Затруднительно определить жанр данной книги. Скорее всего, это историко-социологическая публицистика. В ней имеют место рассуждения автора – ученого, исследователя истории развития физической культуры и спорта в Карелии. Для научного выявления общего, типичного в жизни людей, занимающихся физической культурой и спортом, без комплексного анализа многообразного и противоречивого мира физической культуры и спорта не обойтись. Всем этим требованиям и отвечает историко-социологический, системный подход, выбранный автором книги.

Книга вызвала у меня живой интерес, много интересного, как преподавателю высшей школы, открыла, над многим заставила задуматься, найти параллели между тем временем и сегодняшним в эволюции физического воспитания, физической культуры и спорта в стране, в частности в Республике Карелия.

Монография Е. А. Калининой будет интересна не только специалистам по физической культуре и спорту, но и широкой общественности, интересующейся историей и культурой Северо-Запада России и рассматривающей физическую культуру и спорт как важную часть общей культуры человечества. Впечатляющим является объем материала, который пронизывает все исследование и которым автор оперирует свободно. Книга написана доступным языком и может стать подспорьем для чтения курсов по истории и социологии физической культуры и спорта Карелии.

Поступила в редакцию 26.11.2024; принята к публикации 09.06.2025

Review

Vladimir P. Umnov, Cand. Sc. (Psychology), Associate Professor, Petrozavodsk State University (Petrozavodsk, Russian Federation)
ORCID 0000-0001-9428-5147; uvpp@mail.ru

The book review: Kalinina, E. A. *Essays on the history of Karelian sports in 1918–1945*. Petrozavodsk, 2024. 343 p.

For citation: Umnov, V. P. The book review: Kalinina, E. A. *Essays on the history of Karelian sports in 1918–1945*. Petrozavodsk, 2024. 343 p. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2025;47(6):122–123. DOI: 10.15393/uchz.art.2025.1224

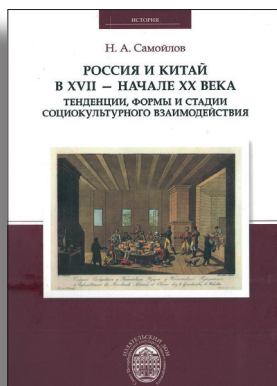
Received: 26 November 2024; accepted: 9 June 2025

CONTENTS

Editorial note	7	<i>Dubrovskaya E. Yu.</i>	COMMITMENT TO SCIENCE AND PUBLIC SERVICE: CELEBRATING THE 100TH ANNIVERSARY OF MARIA NIKOLAEVNA VLASOVA ...	65
HISTORIOGRAPHY, SOURCE STUDIES, METHODS OF HISTORICAL RESEARCH				
<i>Savitsky I. V.</i>	PRECONDITIONS FOR THE CRIMEAN SPRING IN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY AND PUBLICISM ..	8	<i>Kozhevnikova Yu. N.</i>	ANTIMENSIONS FROM THE PARISH CHURCHES OF THE KOLA DEANERY WITHIN THE ARKHANGELSK DIOCESE IN THE EARLY XIX CENTURY
<i>Smirnova N. V.</i>	PROFESSOR N. A. SAMOYLOV ON THE FORMATION OF PETER THE GREAT'S IMAGE IN CHINA AS A SYMBOL OF CHANGE	17	<i>Morokhin A. V.</i>	THE STAY IN KARELIA OF ROBERT ERSKINE, CHIEF PHYSICIAN TO THE EMPEROR PETER THE GREAT
WORLD HISTORY				
<i>Bezrukov D. A.</i>	REFLECTION OF MIKHAIL GORBACHEV'S OFFICIAL VISIT TO CHINA IN MAY 1989 IN THE <i>RENMIN RIBAO</i> NEWSPAPER	23	<i>Malinin A. N.</i>	CHARITABLE ACTIVITIES OF COOPERATIVES DURING WORLD WAR I (A CASE OF KOSTROMA AND YAROSLAVL PROVINCES)
RUSSIAN HISTORY				
<i>Dianova E. V.</i>	STUDENT AGRICULTURAL SQUADS IN THE EUROPEAN NORTH, 1915–1916	30	<i>Nesterova I. S.</i>	PEDLAR TRADE IN FINLAND: HISTORIOGRAPHY OF THE ISSUE
<i>Efimova V. V.</i>	AN UNKNOWN “HERO” OF THE STRUGGLE AGAINST THE OLD BELIEVERS IN THE OLONETS PROVINCE UNDER GOVERNOR VALERIAN MURAVYOV	43	ETHNOLOGY, ANTHROPOLOGY, AND ETHNOGRAPHY	
<i>Kalinina E. A.</i>	TEACHING GYMNASTICS AND “MILITARY ORDER” IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF THE OLONETS PROVINCE: THE HISTORICAL ASPECT	50	<i>Razumova I. A.</i>	EVGENIA YAKOVLEVNA PATSIYA AS A FIELD RESEARCHER AND AUTHOR OF ETHNOGRAPHIC TEXTS
<i>Pashkov A. M.</i>	AN ATTEMPT TO BUILD A MONUMENT TO PETER THE GREAT IN PETROZAVODSK IN 1850 ..	58	<i>Malashevskaya M. N.</i>	THREE TYPES OF CHARISMATIC LEADERSHIP IN JAPANESE POLITICAL CULTURE
			Reviews	
			<i>Umnov V. P.</i>	The book review: Kalinina, E. A. Essays on the history of Karelian sports in 1918–1945
				122

Н. А. Самойлов

РОССИЯ И КИТАЙ В XVII – НАЧАЛЕ XX ВЕКА: тенденции, формы и стадии социокультурного взаимодействия

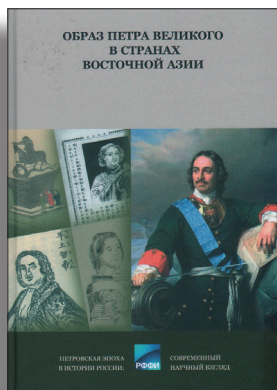

Монография Н. А. Самойлова посвящена изучению основных этапов и характерных черт истории взаимоотношений России и Китая в XVII – начале XX в. на основе разработанной автором концепции социокультурного взаимодействия. В книге собран большой фактический материал, представлены теоретико-методологические подходы к изучению процесса социокультурного взаимодействия России и Китая и впервые сформулирована научно обоснованная периодизация этого процесса. Автор выявляет существенные особенности взаимодействия российского и китайского социумов в континууме их исторического развития, определяет основные тенденции, формы и стадии этого взаимодействия, анализирует наиболее важные явления в сфере социально-экономических, культурных и научных связей.

Книга предназначена для востоковедов, историков и всех, кто интересуется историей взаимоотношений России со странами Азии.

Самойлов Н. А. Россия и Китай в XVII – начале XX века: тенденции, формы и стадии социокультурного взаимодействия. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2014. 368 с.

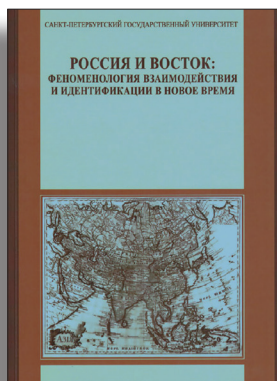
ОБРАЗ ПЕТРА ВЕЛИКОГО В СТРАНАХ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Коллективная монография посвящена изучению образа российского императора Петра Великого в странах восточноазиатского культурного ареала: в Китае, Японии, Корее и во Вьетнаме. В книге рассматриваются внешнеполитическая деятельность Петра I на восточноазиатском направлении и его вклад в процесс социокультурного взаимодействия России со странами этого региона, показана эволюция образа Петра от первых упоминаний его имени в источниках до сегодняшнего дня, анализируется характер интерпретаций его образа и оценок его деятельности в исторической науке, учебной, публицистической, художественной и сетевой литературе стран Восточной Азии, определено место Петра I в общих представлениях о России, а также продемонстрирована актуализация этого образа в отдельные периоды истории стран Восточной Азии и его трансформация. Книга снабжена иллюстрациями. Рассчитана на широкий круг читателей.

Образ Петра Великого в странах Восточной Азии / Под ред. Н. А. Самойлова. М.: Издательство «Весь Мир», 2022. 432 с.

РОССИЯ И ВОСТОК: феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время

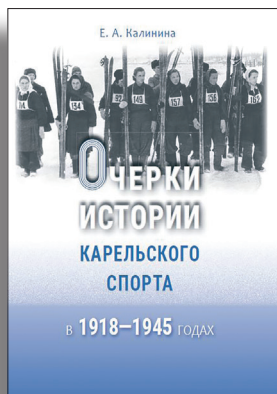
Коллективная монография посвящена феноменологии взаимодействия России и стран Востока в Новое время (до начала XX в.). Разнообразный документальный и фактологический материал, собранный и представленный учеными Восточного факультета СПбГУ, – по сути, переход от эмпирических исследований, посвященных двусторонним отношениям России и стран Востока, к формированию комплексной теории историко-культурного взаимодействия государств, представляющих различные цивилизационные типы, в историко-географическом континууме.

Издание предназначено востоковедам, историкам, международникам, специалистам по проблемам межкультурных коммуникаций, межкультурных связей России с народами Азии и Африки.

Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время. Коллективная монография / Отв. ред.: Н. Н. Дьяков, Н. А. Самойлов. СПб.: СПбГУ, Восточный факультет; Изд-во «Студия НП-Принт», 2011. 392 с.

Е. А. Калинина

ОЧЕРКИ ИСТОРИИ КАРЕЛЬСКОГО СПОРТА В 1918–1945 ГОДАХ

На основе обширного круга источников в монографии представлены страницы истории становления и развития физической культуры и спорта в Карелии в 1918–1945 гг. Рассмотрены основные этапы деятельности органов управления отделений Всевобуча, Главного совета физической культуры при ЦИК АКССР, Комитета по делам физической культуры и спорту при СНК КАССР по организации спортивных кружков и секций, по проведению соревнований по различным видам спорта.

Книга предназначена для научных работников, преподавателей, студентов и для всех, интересующихся проблемами истории и спорта в России и Карелии.

Калинина, Елена Александровна. Очерки истории карельского спорта в 1918–1945 годах / Е. А. Калинина; М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования Петрозав. гос. ун-т. – Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2024. – 344 с.

